

ЖУРНАЛ 2023

ISSN 2072-0513 (print)
ISSN 2072-0521 (online)

'4(107)

МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Главный редактор:
Андрей Владимирович
Селиванов

Редакционный совет:
Алексей Данильченко
(председатель)
Сергей Балашенко
Елена Давыденко
Елена Довгань
Елена Достанко
Руслан Есин
Пауль Калиниченко
Людмила Павлова
Анатолий Розанов
Андрей Русакович
Олег Старовойтов
Александр Шарапо
Наталья Юрова

**Редактор английского
текста:**
Полина Чернопинская

Художник:
Василий Гоголушко

Корректор:
Елена Мельникова

Юридический адрес:
Беларусь, 220004, Минск,
ул. Короля, 3, пом. 8
Почтовый адрес:
Беларусь, 220050, Минск, а/я 245
Международное общественное
объединение по научно-исследо-
вательским и информационно-
образовательным программам
«Развитие»
тел.: +375 17 209 57 40,
+375 29 659 61 85
e-mail:
beljournal@evolutio.info
http://www.beljournal.evolutio.info/

Издание зарегистрировано
в Министерстве информации
Республики Беларусь.
Свидетельство № 804
от 27 ноября 2009 г.

НАХОДИТЕ НАС:

Учредитель и издатель:
 Международное обще-
ственное объединение
по научно-исследова-
тельским и информаци-
онно-образовательным
программам «Развитие»

международное право

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО

Международный экономический спор как меж-
дународно-правовая категория *В. А. Бутич* **3**

международные отношения

Рост популярности правой идеологии в ФРГ и
феномен партии «Альтернатива для Германии» *А. В. Шарапо* **9**

Мусульманская диаспора как фактор полити-
ческих процессов в Дании *П. О. Потапейко* **1** 5

Экономическое сотрудничество Турецкой Рес-
публики и Республики Беларусь *О. Д. Чакыр* **2** 2

Сотрудничество Китая и стран АСЕАН в сфере
нетрадиционной безопасности в контексте про-
движения инициативы «Один пояс, один путь» *Ван Лэпин* **2** 8

Политические аспекты властвования вдовству-
ющей императрицы Цыси *И. А. Чувилов* **3** 5

Взгляд на «варваров» в конфуцианстве и его
воздействие на внешнюю политику Китая со
времен Конфуция до правления династии Хань *Жэнь Сюе* **4** 2

Ставка Верховного главнокомандующего гла-
вами российских дипломатов (1914—1917 гг.) *А. Ю. Синковец* **4** 7

Факторы определения региона исследования
в российской светской постсоветской историо-
графии истории старообрядчества 1920—
1930-х гг. в РСФСР *К. А. Латышев* **5** 4

международные экономические отношения

Устойчивое развитие и ESG-повестка в меж-
дународной индустрии туризма и гостеприим-
ства: становление и сущность *В. М. Дедок* **5** 9

ISSN 2072-0513 (print)
ISSN 2072-0521 (online)

JOURNAL 2023

'4(107)

OF INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

IN THIS ISSUE

Editor-in-chief:
Andrey Selivanov

Editing Board:
Alexey Danilchenko
(chairman)
Sergey Balashenko
Alena Dastanka
Elena Davydenko
Alena Douhan
Ruslan Esin
Paul Kalinichenko
Ludmila Pavlova
Anatoly Rozanov
Andrei Rusakovich
Oleg Starovoitov
Alexandr Sharapo
Natalia Yurova

English Text Editor:
Polina Chernopinskaya

Art Editor:
Vasily Gogolushko

Corrector:
Elena Melnikova

International Non-governmental
Association for Scientific Research,
Information and Educational
Programmes «Evolutio»
Legal address:
3, Korolya str., room 8,
Minsk, 220004, Belarus
Postal address:
PO Box 245,
Minsk, 220050, Belarus
tel.: +375 17 209 57 40,
+375 29 659 61 85
e-mail:
beljournal@evolutio.info
<http://www.beljournal.evolutio.info/>

The journal is licenced by the
Ministry of Information
of the Republic of Belarus.
Certificate N 804
27 November 2009

FIND US:

The founder and publisher:
 International Non-governmental
Association for Scientific Research,
Information and Educational
Programmes «Evolutio»

INTERNATIONAL LAW

INTERNATIONAL ECONOMIC LAW

International Economic Dispute as an International
Legal Category *Vladislava Butich* 3

INTERNATIONAL RELATIONS

The Growing Popularity of Right-Wing Ideology in
Germany and the Phenomenon of the Alternative
for Germany Party *Aleksandr Sharapo* 9

Muslim Diaspora as a Factor of Political Processes
in Denmark *Pavel Patapeika* 1 5

Economic Cooperation between the Republic of
Turkey and the Republic of Belarus *Onuralp Dogan Cakir* 2 2

China — ASEAN Cooperation in Non-Traditional
Security in the Context of Promoting the Belt and
Road Initiative *Wang Leping* 2 8

Political Aspects of the Rule of Empress Dowager
Cixi *Ivan Chuvilov* 3 5

The View of «Barbarians» in Confucianism and its
Impact on Chinese Foreign Policy from the Time of
Confucius to the Han Dynasty *Ren Xue* 4 2

The Supreme Commander-in-Chief's Headquarters
through the Eyes of Russian Diplomats (1914—1917) *Anton Sinkavets* 4 7

Factors of Defining the Region of Research in the
Russian Secular Post-Soviet Historiography of the
History of Old Believers in the 1920s—1930s in
the RSFSR *Kiryl Latyshau* 5 4

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Sustainable Development and the ESG Agenda in
the International Tourism and Hospitality Industry:
Formation and Essence *Victoria Dedok* 5 9

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СПОР КАК МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Владислава Бутич

В статье исследуются понятие «международный экономический спор» и его ключевые характеристики. Проводится разграничение понятий «спорная ситуация» и «спор». Обращается внимание на предмет международного экономического спора, который включает как предмет международного экономического права, так и иные сферы международного взаимодействия. Автор отдельно отмечает специфический состав субъектов международного экономического спора, позволяющий выделить межгосударственные и «диагональные» экономические споры, и в результате проведенного исследования формулирует понятие международного экономического спора.

Ключевые слова: «диагональный» спор; межгосударственный спор; международные экономические отношения; международный суд; международный экономический спор; спорная ситуация.

«International Economic Dispute as an International Legal Category» (Vladislava Butich)

The article analyses the concept of «international economic dispute» and its key characteristics. A distinction is drawn between the concepts of «disputable situation» and «dispute». Attention is paid to the subject of international economic dispute, which includes both the subject of international economic law and other spheres of international interaction. The author highlights the specific composition of subjects of an international economic dispute, which allows to distinguish interstate economic disputes and «diagonal» economic disputes. As a result of the study, the concept of «international economic dispute» was proposed.

Keywords: «diagonal» dispute; disputable situation; international court; international economic dispute; international economic relations; interstate dispute.

Углубление международного экономического взаимодействия, усложнение форм сотрудничества между государствами, активные интеграционные и дезинтеграционные процессы приводят к увеличению количества международных экономических споров. Такие споры, безусловно, обладают специфическими характеристиками, отличающими их от международных споров, возникающих в иных областях международного права. При этом критериями разграничения являются особенности предмета международного экономического права, включающего в себя не только широкий круг международных экономических отношений, но и специальный субъектный состав.

Особый субъектный состав, а также вопросы, входящие в предмет спора, как правило, требуют специального подхода при их разрешении. Этим обусловлено создание специализированных арбитражных и судебных органов по разрешению международных экономических споров (и их отдельных разновидностей) при международных организациях и интеграционных объединениях.

Одной из ключевых проблем реализации принципа мирного разрешения международных споров является предметная и субъектная юрисдикция судебного или арбитражного органа. Как правило, условия обращения в судебный орган, в том числе категория спора и его сторон, определяются в основополагающих документах того или иного судебного учреждения с учетом его специализации [15, с. 174]. Соответствие спора установленной специализации необходимо не только для принятия дела к производству, но и для достижения цели его разрешения, поскольку специализация судебного органа предполагает наличие особого опыта, знаний и подхода судей к разрешению споров, возникающих в определенной специфической сфере международных отношений. В связи с этим вопросы определения понятия «международный экономический спор», его признаков, особенности отграничения международного экономического спора от иных споров имеют большое практическое значение.

В связи с этим целью настоящей статьи является определение понятия «междуна-

Автор:

Бутич Владислава Артёмовна — аспирант кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: vladabutich@mail.ru
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Butich Vladislava — post-graduate student of the Department of International Law of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: vladabutich@mail.ru
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

родный экономический спор», выявление его существенных признаков и особенностей разграничения со смежными понятиями.

Понятие «международный спор» достаточно часто являлось предметом исследования юристов-правоведов: А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцева [1], Л. А. Ванеевой [3], Д. Б. Левина [7], Л. А. Николаевой [9], Э. А. Пушмина [11], Н. А. Чечиной [14], Г. Г. Шинкарецкой [15], Г. Кельзена [16; 17], Ф. Нортеджа, М. Донелана [19] и др. Особенно много внимания экономической составляющей международного экономического спора уделялось в работах Г. М. Вельяминова [4], В. М. Шумилова с соавторами [8], И. Г. Побирченко [10]. С учетом заявленной темы исследования в настоящей статье будут рассматриваться и анализироваться подходы авторов.

Принцип мирного разрешения международных споров как общепризнанный принцип распространяется на все категории международных споров. В связи с этим в данной статье термин «международный спор» используется и в отношении международных экономических споров. Такой подход представляется необходимым при проведении комплексного анализа международного экономического спора.

Наиболее известное определение понятия «международный спор» было дано Постоянной палатой международного правосудия почти 100 лет назад. В решении по делу Мавроматис от 30 августа 1924 г. было установлено, что международный спор представляет собой «разногласие по вопросам права или факта, конфликт между юридическими мнениями или интересами» [21]. Однако развитие международных отношений и, как следствие, увеличение количества международных споров привели к необходимости конкретизации данного понятия.

Так, развитие принципа мирного разрешения споров и тенденции к их предотвращению привели к выделению понятия «спорная ситуация» в дополнение к термину «спор» при создании Устава ООН. Вместе с тем определения данных понятий в тексте указанного документа не приводятся. Несмотря на это, разграничение понятий «спор» и «спорная ситуация» существенно для определения факта наличия спора и способов его разрешения или предотвращения.

Ключевым общим признаком, присущим понятиям «спорная ситуация» и «спор», в международном праве является столкновение интересов участников международных отношений. Столкновение интересов будет иметь место при наличии двух составляющих: существования неурегулированных вопросов, разногласий между сторонами и осознания ими этих противоречий [13, с. 53]. Если противоречия не будут восприниматься одной из сторон, то такая ситуация не может привести к спору, поскольку в данном случае нет столкновения интересов сторон.

Вместе с тем терминологически понятия «спорная ситуация» и «спор» не равнозначны. Понятие «ситуация» включает совокупность обстоятельств и условий, создающих то или иное положение. Спорная ситуация является одной из разновидностей ситуаций в целом, где слово «спорная» добавляет лишь характеристику определенного положения.

Таким образом, международная спорная ситуация — это совокупность обстоятельств и условий, создающих столкновение интересов участников международных отношений, которое осознается этими участниками как противоречивое.

В юридической литературе понятие «спорная ситуация» рассматривается гораздо шире, чем «спор». Так, Г. Кельзен писал: «Правильнее было бы говорить о спорах и других ситуациях, поскольку каждый спор есть ситуация, но не каждая ситуация спор» [16, р. 515]. Следовательно, можно сформулировать определение спора путем выделения его признаков, не присущих иным спорным ситуациям.

Э. А. Пушмин определяет международный спор как «взаимные притязания двух или нескольких государств по конкретному кругу неурегулированных между ними вопросов, вытекающих из разного толкования сторонами договоров и различных международных проблем. Ситуацию можно определить как совокупность обстоятельств, вызванных столкновением противоположных интересов государств, не обязательно связанных с конкретным спорным предметом. При ситуации спора в формальном смысле еще нет, но есть объективные условия того, что ситуация может привести к спору» [11, с. 77]. Таким образом, автор обращает внимание на обязательное наличие в споре важной составляющей — его предмета. Под влиянием разных факторов ситуация может быть спорной, напряженной, конфликтной. Однако если нет четкого предмета спора, не сформулированы претензии, то его невозможно разрешить.

Согласно Ф. Нортеджу и М. Донелану международным спором является «сформулированное расхождение во мнениях в отношении права, факта или справедливости во взаимных отношениях государств» [19, р. 34], в то время как спорная ситуация, по их мнению, — это состояние, в котором «налицо все составные части спора, но спор еще не сформулирован и не выкристаллизовался» [19, р. 36]. Принимая во внимание сходство понятий «спорная ситуация» и «спор», данные авторы рассматривают категорию «спор» как более конкретный, более сформулированный уровень осознания противоречий, возникших между сторонами — участницами спорной ситуации.

В литературе также широко распространена позиция Г. Кельзена, согласно которой «спор существует, если одно государство предъявляет претензии к другому государству,

а другое государство отвергает эту претензию» [17, р. 360]. Д. Б. Левин, придерживаясь данной точки зрения, указывал следующее: «Спор имеет место в том случае, когда одно государство предъявляет претензии к другому государству, а другое государство отвергает эти претензии или принимает их частично. Ситуация же имеет место в том случае, когда столкновение интересов государств не сопровождается предъявлением претензий одним государством другому, хотя порождает трения между этими государствами. Типичным примером такого положения вещей являются пограничные инциденты или концентрация войск одного государства на границах другого государства, а также политика расовой дискриминации и апартеида, проводимая в одном государстве и задевающая интересы другого государства» [7, с. 78]. Следовательно, спор — это стадия спорной ситуации, когда стороны не только осознают наличие противоречий, но и осуществляют определенные действия, направленные на утверждение своего интереса против интересов другой стороны.

Элемент осознания требований или формулирования позиций и предъявления взаимных претензий — одна из сложных, дискутируемых тем при квалификации ситуации в качестве спора, которая вызывает ряд вопросов: в какой степени такие требования и позиции как основания для взаимных претензий должны быть сформулированы, на какой момент следует рассматривать наличие или отсутствие такой позиции и/или претензии. В особом мнении по делу о Юго-Западной Африке (1962) судья Морелли [20] указывал, что спор должен находиться во взаимосвязи с конфликтом интересов, возникающим в результате противоположных волеизъявлений как предшествующих, так и последующих формулированию позиции ответчика в возражениях на иск. В деле ЛаГранд (ФРГ против США, 2001) судья Международного суда ООН Ода в особом мнении обозначил, что сам факт обращения в суд и позиция ответчика выявили наличие спора, так как до этого ни одна из сторон не выявляла наличия разногласий [18]. Исходя из общих процессуальных стандартов полагаем, что сторонам необходимо быть предельно четкими в отношении формулирования предмета спора на стадии взаимных претензий и возражений. Наличие существенных отличий заявленного предмета спора от вопросов, обсуждаемых, например, в досудебном урегулировании, является не только процессуальным основанием для констатации неприемлемости заявления, но и основанием для непризнания наличия спора как такового по отдельным заявленным требованиям. Этот вопрос неоднократно поднимался в международных судебных органах. На это, например, указывает судья Суда Евразийского экономического союза (далее —

ЕАЭС) А. А. Федорцов в особом мнении по делу С-2/16 «Калининградский транзит» (Россия против Беларуси, 2017) [6].

Рассматривая международный экономический спор в разрезе настоящего исследования, необходимо обозначить его правовую природу. Эта потребность обусловлена также тем, что, если спор не будет являться правовым, он, как правило, не будет принят к рассмотрению международным судебным или арбитражным органом.

В практике деятельности Международного центра по урегулированию международных инвестиционных споров (МЦУИС) правовой характер спора часто толковался через наличие границы определенных прав и обязанностей сторон, принятых путем заключения международных соглашений. Таким образом, правовой характер международного спора приобретает при возникновении из общественных отношений, урегулированных нормами международного права.

При анализе правовой природы международного экономического спора в юридической литературе ряд правоведов суть спора сводят к правонарушению либо состоянию права (правоотношения), возникшему в результате правонарушения (в частности, Л. А. Ванеева [3, с. 11], Л. А. Николаева [9, с. 9], Н. А. Чечина [14, с. 14]).

Вместе с тем, как верно отмечает И. Г. Побирченко, экономические споры могут возникнуть по разным причинам, которые далеко не всегда являются нарушением права [10, с. 8]. Более того, при рассмотрении категории международного экономического спора представляется некорректным говорить о спорах, возникающих только из международных правонарушений. Это обусловлено тем, что само по себе международное правонарушение представляет собой сложное правовое явление, предполагающее наличие состава международного правонарушения (международная общественная опасность, противоправность, причинно-следственная связь, наказуемость).

Наиболее компромиссным вариантом представляется определение международного спора как возникающего из международных экономических правоотношений, т. е. являющегося по сути правоотношением.

Еще одним важнейшим критерием международного спора является обязанность субъектов международного права его урегулирования в особом порядке (с использованием мирных средств разрешения международных споров).

Большое значение данный признак приобрел с развитием принципа мирного разрешения споров. Разрешение споров, предотвращение их углубления являются необходимыми условиями обеспечения мира и безопасности. Согласно пункту 3 статьи 2 Устава ООН «все Члены Организации Объединенных Наций разрешают свои международные споры мир-

ными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность и справедливость» [12]. В настоящее время разрешению в соответствии с принципом мирного урегулирования споров подлежат все споры, в том числе те, которые не угрожают международному миру и безопасности, поскольку они вызывают международные трения [1, с. 14].

Механизмы реализации принципа мирного урегулирования международных споров представляют собой систему международно-правовых средств, которые являются важным элементом функционирования системы международных экономических отношений. В свою очередь, многообразие существующих средств и процедур (как судебных, так и внесудебных) разрешения споров позволяет выбрать наиболее подходящие для каждого конкретного случая.

Таким образом, рассматривая международный спор как правовую категорию, его можно определить как правоотношение, в котором сталкиваются интересы субъектов международного права по определенному кругу вопросов (предмет спора), сопровождаемое предъявлением взаимных претензий сторон и вызывающее потребность его мирного урегулирования путем применения судебных и внесудебных средств разрешения споров.

Международные экономические споры сложно отделить от иных видов международных споров. В первую очередь, к ним можно отнести споры, возникающие в сфере отношений, регулируемых международным экономическим правом, т. е. в сфере международных экономических отношений.

К международным экономическим отношениям, по мнению Г. М. Вельяминова, относятся «торговые, коммерческие отношения в широком смысле слова, включая торговлю в узком ее понимании, а также отношения производственные, научно-технические, валютно-финансовые, в области транспорта, энергетики, интеллектуальной собственности и т. п.» [4, с. 7]. Отграничение международных экономических отношений от иных видов проводится на основании наличия «элемента торговли в широком смысле, т. е. не только купля-продажа, но и аренда, подряд, мена, найм, заем, лизинг, договор перевозки и т. п. Нормы международных конвенций, касающихся, например, морских или воздушных перевозок грузов и пассажиров, оправдано отнести к международному экономическому праву в той части этих конвенций, которые трактуют торговно-экономические, коммерческие отношения» [4, с. 7].

Авторы учебника к международным экономическим отношениям относят отношения между публичными лицами, касающиеся движения ресурсов (товарные и финансовые потоки, движение рабочей силы и т. д.), уста-

новления внутренних правовых режимов в экономической сфере и международного экономического правопорядка [8, с. 39–40]. Выделяя коммерческий элемент в качестве критерия отнесения международных отношений к экономическим, авторы указывают, что в межгосударственных отношениях «определяющим фактором становятся не прибыль и коммерция, а выгода, интерес, которые измеряются государственными аппаратами с учетом большого набора обстоятельств и соображений» [8, с. 42]. С указанной оговоркой под международными экономическими отношениями также можно понимать отношения по защите прав собственности (в случае решения вопроса о государственной или межгосударственной собственности), установления условий производства материальных и нематериальных благ [8, с. 42].

В то же время понятие «международный экономический спор» не ограничивается спорами, возникающими исключительно в рамках международного экономического права. А. Х. Абашидзе и А. М. Солнцев отмечают, что «предметом регулирования при разрешении международного экономического спора могут быть отношения, возникающие в самых различных сферах взаимодействия государств» [1, с. 132]. Так, в связи с определяющим влиянием экономического развития на состояние окружающей среды многие споры по экологическим вопросам касаются среди прочего экономических интересов государств и являются по своей сути экономическими. Например, при рассмотрении спора между Венгрией и Чехословакией по делу о проекте Габчикова — Надьямарош в своем решении от 25 сентября 1997 г. Международный суд ООН установил обязанность осуществления государствами постоянной оценки воздействия экономической деятельности на окружающую среду, тем самым подтверждая необходимость применения норм международного экологического права при осуществлении экономической деятельности [2, с. 102]. Таким образом, к международным экономическим спорам относятся споры, возникающие не только в международной экономической системе, но и в международных отношениях, предметом регулирования которых являются и другие отрасли международного права. Вместе с тем как в первом, так и во втором случае урегулирование международного экономического спора целесообразно с использованием норм и принципов международного экономического права, которые в свою очередь могут применяться только к экономическим отношениям. Следовательно, независимо от сферы международного права, в которой возникает международный спор, он будет считаться экономическим или иметь в своем составе экономическую составляющую в случае наличия экономической связи и/или интереса между сторонами спора.

Таким образом, отграничение экономических от иных видов международных споров может основываться на наличии так называемой экономической составляющей международного спора. В настоящее время не выработан единый нормативный или доктринальный подход к определению содержания международных экономических отношений. Под экономической составляющей международного экономического спора мы понимаем наличие вопросов как непосредственно экономического характера, связанных с движением, разграничением производственных и сопряженных с ними ресурсов, так и вопросов защиты имущественных прав и законных интересов государств и иных субъектов международного права.

Исходя из изложенного можно выделить следующие виды международных экономических споров в зависимости от сферы, в которой они возникают: инвестиционные, торговые, валютно-финансовые, энергетические и др. В случае определения явного наличия коммерческой составляющей к международным экономическим спорам можно также отнести споры, возникающие в международном морском праве, международном воздушном праве и других отраслях международного права.

Важнейшей составляющей понятия «международный экономический спор» является его субъектное содержание. Это обусловлено тем, что только исходя из состава участников спора можно определить, в каком случае экономический спор будет считаться международным и, как следствие, в какой правовой системе и как он будет разрешаться. Специфический состав субъектов международных экономических споров обусловлен широким спектром сфер, в которых возникают такие споры, особенностями применения критерия их экономической составляющей.

В первую очередь субъектами международного экономического спора будут субъекты международных экономических отношений. Г. М. Вельяминов под международными экономическими отношениями в международном праве понимал исключительно отношения между субъектами международного публично-права [4, с. 8].

Такой подход находит свое отражение в практике деятельности некоторых судов региональных интеграционных объединений. Международные экономические споры как споры, относящиеся к подсудности интеграционных судов, являются объектом рассмотрения и в рамках Суда ЕАЭС. Компетенция данного судебного органа определена главой IV Статута Суда ЕАЭС [5]. С учетом отсутствия в компетенции Суда ЕАЭС возможности рассматривать споры в отношении государств со стороны Евразийской экономической комиссии или других лиц единственными субъектами международных экономических споров, рассматриваемых Судом ЕАЭС, являются государ-

ства. Вместе с тем на сегодняшний день Судом ЕАЭС был рассмотрен лишь один межгосударственный спор по делу С-2/16 «Калининградский транзит» (Россия против Беларуси, 2017) [6].

Авторы учебника к участникам международных экономических отношений относят как публичных лиц (государства и международные организации), так и частных лиц (физические и юридические лица государств) [8, с. 30]. При этом основным участником международных экономических отношений на уровне международного публичного права является государство, в то время как частные лица являются основными участниками на частно-правовом уровне [8, с. 31].

В настоящее время активно развивается тенденция к увеличению роли частных лиц в международных экономических правоотношениях. Это обусловлено усилением международно-правового регулирования частноправовых вопросов экономических отношений на межгосударственном уровне и активизацией участия публичных лиц (как государств, так и международных организаций) в отношениях с частными лицами. Таким образом, возникают так называемые «диагональные» отношения между публичными и частными лицами.

Например, долгое время иностранные инвесторы при нарушении государством, в котором они осуществляют инвестирование, норм международного права были вынуждены обращаться за защитой своих прав в национальные органы государства — реципиента инвестиций. И только исчерпав все средства правовой защиты во внутреннем правовом порядке государства, ответственного за нарушение прав частного лица, инвестор мог обратиться за дипломатической защитой к национальным органам своего государства. Дипломатическая защита представляет собой предъявление одним государством претензий другому государству за вред, причиненный его международно-противоправным деянием гражданину или юридическому лицу, имеющему национальность первого государства. Таким образом, частноправовой спор трансформировался в международный.

Вместе с тем в настоящее время с возникновением большого количества международных судебных и арбитражных органов, которые рассматривают международные споры между государством и иностранным частным лицом, например Международного центра по урегулированию инвестиционных споров, дипломатическая защита признается нецелесообразной. В связи с этим большинство международных соглашений предусматривают отказ участвующих в них государств от права на осуществление дипломатической защиты в случае начала непосредственного рассмотрения спора между иностранным инвестором и принимающим государством.

С возникновением «диагональных» отношений, в том числе «диагональных» споров, частные лица стали субъектами международного экономического права.

При этом, так как «диагональные» отношения напрямую касаются прав и обязанностей, которые принимает государство как первичный субъект международного права, реализующий свою внутреннюю и внешнюю экономическую политику путем заключения соответствующих экономических соглашений, такие отношения не могут являться частноправовыми, в которых основным субъектом является частное лицо, поскольку, так же как и в международных публично-правовых спорах, в данном случае основным субъектом будет государство.

Таким образом, международный экономический спор может возникнуть не только в про-

цессе взаимодействия между государствами, международными организациями и другими субъектами международного публичного права, но и при «диагональном» взаимодействии между государством и частным лицом другого государства.

Подводя итог, можно определить **международный экономический спор** как правоотношение с участием субъектов международного экономического права, в котором сталкиваются интересы его участников по конкретному кругу вопросов, касающихся защиты экономических интересов таких субъектов, сопровождаемое предъявлением претензий сторон и вызывающее потребность его мирного урегулирования путем применения судебных и внесудебных средств разрешения споров.

Список использованных источников

1. Абашидзе, А. Х. Международное право. Мирное разрешение споров: учеб. пособие для вузов / А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Юрайт, 2023. — 221 с.
2. Боклан, Д. С. Практика разрешения международным судом ООН споров, вытекающих из международных экологических и международных экономических отношений / Д. С. Боклан // *Международ. правосудие*. — 2014. — № 2 (10). — С. 99—102.
3. Ванеева, Л. А. Судебное познание в советском гражданском процессе: учеб. пособие / Л. А. Ванеева. — Владивосток: Дальневосточ. гос. ун-т, 1972. — 134 с.
4. Вельяминов, Г. М. Основы международного экономического права / Г. М. Вельяминов. — М.: ТЕИС, 1994. — 109 с.
5. Договор о Евразийском экономическом союзе: [закл. в г. Астане 29 мая 2014 г.] [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.
6. Карточка дела C-2/16 [Электронный ресурс] // Суд Евразийского экономического союза. — Режим доступа: <https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-2.16/>. — Дата доступа: 21.08.2023.
7. Левин, Д. Б. Принцип мирного разрешения международных споров / Д. Б. Левин; отв. ред.: Г. В. Шармазанавили. — М.: Наука, 1977. — 112 с.
8. Международное экономическое право: учеб. для вузов / В. М. Шумилов [и др.]; под ред. В. М. Шумилова. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2019. — 545 с.
9. Николаева, Л. А. Защита трудовых прав советских граждан / Л. А. Николаева. — Алма-Ата: Наука, 1971. — 275 с.
10. Побирченко, И. Г. Разрешение хозяйственных споров / И. Г. Побирченко. — М.: Знание, 1980. — 48 с.
11. Пушмин, Э. А. Мирное разрешение международных споров (международно-правовые вопросы) / Э. А. Пушмин. — М.: *Международ. отношения*, 1974. — 173 с.
12. Устав ООН [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <<https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>>. — Дата доступа: 15.09.2023.
13. Худойкина, Т. В. Мирное урегулирование и разрешение споров / Т. В. Худойкина // *Москов. журн. междунар. права*. — 1998. — № 3. — С. 52—60. (<https://doi.org/10.24833/0869-0049-1998-3-52-60>)
14. Чечина, Н. А. Норма права и судебное решение / Н. А. Чечина. — Л., 1961. — 76 с.
15. Шинкарецкая, Г. Г. Тенденции развития судебных средств мирного разрешения международных споров / Г. Г. Шинкарецкая. — М.: *Nota Bene*, 2009. — 250 с.
16. Kelsen, H. *Principles of International Law* / H. Kelsen. — New York: Holt, Rinehart and Winston, 1966. — 602 p.
17. Kelsen, H. *The Law of the United Nations: a Critical Analysis of Its Fundamental Problems: with Supplement* / H. Kelsen. — Union, N.J.: The Lawbook Exchange, Ltd., 2000. — 994 p.
18. LaGrand (Germany v. United States of America) [Electronic resource] // International Court of Justice. — Mode of access: <<https://www.icj-cij.org/case/104>>. — Date of access: 18.09.2023.
19. Northedge, F. S. *International disputes: the political aspects* / F. S. Northedge, M. D. Donelan. — New York: St. Martin's press, 1971. — 349 p.
20. South West Africa (Liberia v. South Africa) [Electronic resource] // International Court of Justice. — Mode of access: <<https://www.icj-cij.org/case/47/judgments>>. — Date of access: 18.09.2023.
21. The Mavrommatis Palestine Concessions: Greece v. Britain: Judgment [Electronic resource] // WorldCourts. — Mode of access: <https://www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1924.08.30_mavrommatis.htm>. — Date of access: 10.09.2023.

Статья поступила в редакцию 20 сентября 2023 г.

РОСТ ПОПУЛЯРНОСТИ ПРАВОЙ ИДЕОЛОГИИ В ФРГ И ФЕНОМЕН ПАРТИИ «АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ГЕРМАНИИ»

Александр Шарапо

В статье рассмотрены основные предпосылки, особенности и актуальные последствия усиления влияния партии «Альтернатива для Германии» в современной политической системе и общественной жизни ФРГ. Указаны причины роста оппозиционных настроений в различных социальных слоях германского общества в условиях кризиса процессов глобализации и европейской интеграции, усиления напряженности в отношениях Германии с другими государствами, неспособности федерального правительства справиться с последствиями неконтролируемой массовой миграции из разрушенных войнами государств Ближнего Востока и Северной Африки.

Прослежена тесная взаимосвязь процессов партийного строительства и социально-экономического развития Германии в целом и отдельных ее регионов, особенно наиболее затронутых миграционным кризисом и хроническими проблемами: безработицей, низким уровнем жизни, постепенным старением населения. Уделено внимание трансформации политической программы и кадрового состава партии «Альтернатива для Германии», которая отражает многолетние и глубокие изменения общественных настроений различных социальных групп и германских регионов. Указано, что эти настроения способны оказывать воздействие на внутреннюю и внешнюю политику ФРГ на фоне усиления международной напряженности и возобновления глобального межблочного противостояния.

Ключевые слова: «Альтернатива для Германии»; миграция; общественное мнение; праворадикальная идеология; ФРГ.

«The Growing Popularity of Right-Wing Ideology in Germany and the Phenomenon of the Alternative for Germany Party» (Aleksandr Sharapo)

The article examines the main prerequisites, features and current consequences of the influence of the Alternative for Germany party strengthening in the present German political system and public life. The reasons for the growth of opposition sentiments in various social strata in German society are indicated in the context of the crisis of the globalisation processes and European integration, the increased tension in relations between Germany and other states, and the inability of the federal government to cope with the consequences of uncontrolled mass migration from war-damaged countries of the Middle East and North Africa.

The author defined a close interconnection between the processes of party building and the socio-economic development of Germany in total and in some regions, especially the most affected by the migration crisis and chronic problems like unemployment, low living standards, and gradual aging of the population. The attention is paid to changes in the political program and stuff of the «Alternative for Germany» party, which reflected long-term and profound changes in the public mood of different social groups and German regions. It is indicated that these sentiments can influence the domestic and foreign policy of Germany both against the backdrop of increased international tensions and the resumption of global inter-bloc confrontation.

Keywords: Alternative for Germany; Germany; migration; public opinion; right-wing radical ideology.

Характеризуя идеологические основы партии «Альтернатива для Германии» (АдГ), следует отметить, что за всю новейшую историю этой страны ни одна из политических партий не получала в свой адрес столь много противоречивых по сути, противоположных по оценкам и разнообразным по отношению

к себе со стороны избирателей оценок, как сравнительно еще «молодая» на политическом поле ФРГ партия, с весьма претенциозным названием. Уже само ее название говорит о сознательном противопоставлении себя остальным партиям, о ее стремлении убедить немецкую общественность в неправомерности

Автор:

Шарапо Александр Викторович — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: kir@bsu.by
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Sharapo Aleksandr — Doctor of History, Professor of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: kir@bsu.by
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

проводимого правящей коалицией курса и, якобы, готовности АдГ представить какой-то альтернативный путь развития страны. Несомненно, что такие намерения преследовали, в первую очередь, цель очернить проводимую другими партиями, особенно консервативного толка (Христианско-демократический союз и Социал-демократическая партия Германии), внутреннюю и внешнюю политику. Такие радикальные подходы к решению актуальных проблем по вполне понятным причинам вызывают у общественности ФРГ различные оценки и реакцию.

Цель данной статьи — определить предпосылки и охарактеризовать основные последствия усиления правой идеологии в германском обществе, наиболее очевидным воплощением которого явилось укрепление популистской партии АдГ. Хронологические рамки статьи охватывают события и процессы в германской политике в 2013—2023 гг., когда произошло заметное усиление правой идеологии в обществе ФРГ.

Исследованию взаимозависимости внутри- и внешнеполитических процессов в ФРГ посвящены многочисленные публикации белорусского исследователя В. В. Фрольцова, который уделил значительное внимание закономерностям формирования и развития партийного пространства объединенной Германии в 1990-е гг. — начале XXI в. и оценке влияния межпартийной дискуссии о приоритетах внешней политики на внешнеполитический курс правительств Г. Коля, Г. Шрёдера и А. Меркель [11—13; 21].

Ряд важных тенденций и взаимосвязей общественно-политических процессов в германском обществе и новых тенденций во внешней политике ФРГ в контексте глобальных изменений в международных отношениях и мировой политической динамике были определены и охарактеризованы и в публикациях автора этой статьи [15—18].

Нельзя не отметить и системный обстоятельный подход, который применяют для изучения особенностей социального и общественно-политического развития ФРГ ведущие российские исследователи-германисты — представители российской исследовательской школы изучения новейшей истории Германии (Н. В. Павлов [7], С. В. Седых, Б. Е. Зарицкий [9], В. П. Фёдоров и Е. П. Тимошенко с коллегами [19]).

Тем не менее системных исследований усиления праворадикальных и популистских настроений в германском обществе в последнее десятилетие пока явно не хватает, так как этот процесс усилился именно в начале 2020-х гг. на фоне роста международной напряженности. Это подчеркивает научную новизну представленной статьи, нацеленной на детальное рассмотрение феномена усиления правой идеологии в современной Германии.

С одной стороны, при характеристике АдГ в заявлениях многих немецких (и не только) политиков, аналитических материалах, средствах массовой информации звучат такие нелестные эпитеты, как «реакционная», «профашистская», «крайне правая», «антизападная» и т. д., что, казалось бы, не оставляет для нее никаких шансов на какой-либо электоральный успех.

С другой стороны, закономерен вопрос: если эти нелестные эпитеты в адрес АдГ и крайне негативное отношение к ней со стороны довольно многочисленной части немецкого общества отражают реакционную концептуальную суть этой партии, то каковы причины нынешнего и довольно заметного роста ее популярности среди некоторых избирателей?

Исследуя причины такого явления, прежде всего, следует учитывать тот вполне понятный факт, что скупые цифры некоторых реальных электоральных успехов АдГ зеркально отражают, если не коренные, то весьма заметные сдвиги политических и, в некотором смысле, даже психологических настроений немецкого общества.

Напомним, что в настоящее время население ФРГ насчитывает более 84 млн человек, в том числе 62 млн относится к категории избирателей. В среднем на последних выборах явка составляла 60—70 % (более 40 млн человек). Таким образом, нынешнее электоральное предпочтение АдГ в 22—25 % фактически означает ее поддержку со стороны 10—15 млн человек немецкого населения. Конечно, эти цифры, демонстрирующие сдвиги в настроениях избирателей, говорят о многом.

Наиболее четко этот своеобразный феномен политической жизни Германии можно проследить на истории и эволюции ее концептуальных подходов к той или иной экономической и политической обстановке непосредственно в стране и мире.

В этом плане 2013 г. (время создания АдГ) был своеобразным новым этапом во внутренней и внешней политике ФРГ. Именно тогда группой политиков и ученых под эгидой Немецкого института международных отношений и безопасности был подготовлен документ под названием «Новая власть — новая ответственность», который, якобы, предназначался для выработки внутренней и внешней политики тогдашней «большой коалиции» социал-демократов (СДПГ) и консерваторов (ХДС/ХСС), пришедшей к власти в конце 2013 г.

Однако его авторы заняли такие политические позиции, которые по своей сути были далеки от традиционных христианских и социал-демократических постулатов ХДС и СДПГ, и утверждали о необходимости возврата Германии к великодержавной политике далекого прошлого. Авторы данного документа, в частности, выступали за массивное наращивание

вооружений для отстаивания военными средствами своих коренных интересов по всему миру. Именно идея возврата к милитаризму и великодержавной политике как раз и стала концептуальной основой для только что созданной новой партии АдГ.

Последствия восприятия этих идей немецким обществом демонстрируют результаты электоральных кампаний АдГ 2013 г. и последующих лет. Приведем некоторые примеры итогов различных выборов ФРГ федерального и земельного уровня в последнем десятилетии.

2013 г. (год создания АдГ) — парламентские выборы в бундестаг: при подсчете итогов по избирательным округам АдГ набрала лишь 810 915 голосов и, хотя по партийным спискам ей удалось добиться лучших результатов — 2 056 985 голосов, у нее не было никаких шансов завоевать хотя бы одно место в бундестаге. Однако на выборах в Европейский парламент в 2014 г. АдГ набрала уже 7 % голосов (2 места из 96 возможных). Еще через четыре года (в 2017 г.) на очередных парламентских выборах крайне правая АдГ впервые прошла в немецкий парламент с 12,6 % голосов и сразу стала третьей силой в бундестаге (94 места) [1, с. 64, 68; 22, р. 401].

Для сравнения: на этих выборах либеральная Свободная демократическая партия (СвДП) набрала 10,7 % голосов (80 мест), «Левые» — 9,2 % (69 мест) и «Союз 90/Зеленые» — 8,9 % (67 мест) [2].

Аналогичная картина роста популярности АдГ наблюдалась и на земельных выборах. Так, если на выборах в парламент Гессена в сентябре 2013 г. она получила 4 % голосов, то уже в августе 2014 г. на выборах в ландтаг Саксонии набрала 9,7 % голосов и впервые провела 14 депутатов в земельный парламент [2]. Особо яркий всплеск популярности был продемонстрирован в 2016 г. по результатам выборов в земельные парламенты [1].

В контексте роста популярности правых сил в эти годы в других странах Европы можно привести пример лидера французской партии «Национальный фронт» М. Ле Пен, которая в 2016 г. впервые вошла в число 50 самых популярных личностей, заняв в рейтинге сразу 37-е место, обогнав на пять пунктов своего главного соперника на предстоящих президентских выборах во Франции, кандидата от республиканцев, бывшего премьера Ф. Фийона [4].

Отметим, что популярность АдГ в этот период не была только ее «заслугой». Политическая концепция этой партии является прямым воплощением в условиях ФРГ правых идей нового типа в Европе, заложенных до нее другими европейскими партиями правого толка и зародившихся вследствие негативных проявлений глобализации в XXI в.

Напомним, что в Италии, например, уже существовала ультраправая партия «Северная Лига». Характерно, что если раньше эта партия, как и большинство ультраправых, была ярким евроскептиком и отрицала Евросоюз как таковой, то потом она сменила эту «парадигму» на более практичную цель — завоевание большинства в Европарламенте. Позже такую же смену позиций совершила и АдГ [10].

Во Франции возглавляемая М. Ле Пен партия «Национальное объединение» (ранее «Национальный фронт») «на заре» своего существования активно продвигала идеи антииммигрантского толка, утверждая, что «вид мусульман, молящихся на улицах, похож на нацистскую оккупацию ее страны во время Второй мировой войны». Их также копировала АдГ.

Некоторые европейские правые партии строят свои концепции в зависимости от обстановки. Например, правая партия «Шведские демократы» ранее открыто проповедовала неонацистские идеи, но затем отказалась от своих нацистских лозунгов и выступила против мультикультурализма при строгом иммиграционном контроле. Именно внедрение мультикультурализма было в свое время одной из внутривнутриполитических целей канцлера А. Меркель, а потом их ярким противником стала все та же АдГ [10].

В качестве одной из главных причин такой кажущейся «свободы» заимствования АдГ идей правого толка, особенно на начальном этапе ее истории, следует назвать угрозу экономического характера. Партия в полной мере использовала ухудшающееся экономическое положение страны, когда немецкий избиратель чувствовал реальную угрозу своему личному благосостоянию.

Вместо действенных шагов по решению этой проблемы со стороны правящих партий он видел готовность канцлера А. Меркель и ее кабинета и дальше финансово поддерживать из своего бюджета менее развитые страны Евросоюза, тратить значительные средства на содержание иммигрантов и другие «ненужные нужды» ради сохранения своей лидирующей роли в ЕС. Именно в этот период АдГ выдвинула вполне понятный для простого избирателя лозунг — «Германия для немцев».

Говоря о причинах дальнейшего роста популярности АдГ, следует обратить внимание еще на одну закономерность: крайне правые идеологии находят наибольший отклик у простых обывателей прежде всего тогда, когда последние начинают ощущать для себя и государства реальную и масштабную угрозу. Именно в этот момент обыватель склонен поддерживать радикальные меры выхода из создавшейся проблемы, не считаясь с тем, от кого они исходят. Если ранее, в посткризисный период возникала только угроза экономического плана, то сейчас наряду с этим возникла угроза вовлечения страны в крупномасштабный регио-

нальный или мировой военной конфликт, что больше беспокоит простых граждан особенно с учетом, затягивания последнего кризиса в Европе.

Такая ситуация в полной мере была использована АдГ, что позволило ей постепенно войти в число популярных партий ФРГ, когда ее лидеры получили основание заявлять: «Наступает наше время, с нами надо считаться». По утверждению сопредседателя партии А. Вайдель, «сегодня в Германии управление страной без участия правых идей уже невозможно».

Согласно проведенным рядом специализированных институтов ФРГ опросам, эта право-популистская партия продолжает завоевывать все большее число поклонников. Если в начале 2022 г. ее рейтинг составлял всего 10–11 %, то концу года он поднялся до 15 % и оставался на этом уровне вплоть до мая 2023 г. Затем ее популярность продолжила расти: сейчас с рейтингом 18 % (по другим оценкам 20–22 %) АдГ опережает каждую из партий, входящих в правящую коалицию «Союз 90/Зеленые» и СвДП, и уже имеет свою фракцию в бундестаге страны [5].

Особых успехов в настоящее время АдГ достигла при проведении земельных избирательных кампаний. Ее представители входят в ландтаги 11 из 16 немецких земель. Например, 25 июня 2023 г. кандидат от АдГ 50-летний юрист Р. Зессельман победил на выборах ландтага в округе Зоннеберг (Тюрингия): набрав 52,8 % голосов, возглавил администрацию (приобрел статус чиновника государственного уровня). В Саксонии АдГ с 27,5 % голосов оказалась на втором месте, в то время как популярность ХДС упала на 7,4 % по сравнению с выборами 2014 г. (32,1 % голосов), третье место заняли «Левые» (10,4 %), четвертое — «Союз 90/Зеленые» (8,6 %) [3].

Следует отметить, что столь заметные электоральные успехи позволили АдГ кардинально изменить суть своего «политического поведения», придав большинству официальных заявлений резкий, требовательный характер и повысив свои «политические аппетиты». Руководство АдГ считает, что настало время концептуально завоевывать позиции не только федерального, но и европейского уровня, придать европейскому сообществу новые черты. По заявлению на федеральном съезде сопредседателя АдГ А. Вайдель, пришло время активных действий, среди которых задача для правых партий — поставить вопрос о кардинальной трансформации Евросоюза. Она подчеркнула, что речь уже идет не о его роспуске (именно это было главным пунктом программы АдГ при ее создании), а о замене нынешнего союза европейских государств другим, обновленным объединением. Двигателем таких новшеств, по ее мнению, должна стать объединенная группа в составе фракции самой АдГ в Европарламенте, а также других правых пар-

тий — евротрансформаторов, ныне выступающих под названием «Идентичность и демократия» (правые популистские партии из восьми стран ЕС, наиболее известными из которых являются итальянская «Лига») и французское «Национальное объединение») [6].

Характерна реакция на такие планы АдГ со стороны влиятельных партий (ХДС, СДПГ, «Союз 90/Зеленые» и «Левые»), которые, обвиняя ее в популизме, крайнем радикализме и экстремизме, 10 лет назад при ее создании договорились не сотрудничать и не вступать с ней ни в какую коалицию. Сейчас некоторые их представители уже высказывают предложения о необходимости какого-то политического компромисса с этой партией. По заявлению главы Федерального агентства политического образования (подчинено МВД и занимается распространением информации о выборах) Т. Крюгера, «АдГ уже не стоит рассматривать лишь как “партию протеста”, за которую голосуют те, кто просто против всех остальных» [14].

Свое объяснение росту популярности АдГ дал и депутат бундестага из фракции этой партии О. Шмидт: «Последние успехи нашей партии обусловлены в значительной мере многочисленными ошибками правящей коалиции: рекордная инфляция, рецессия немецкой экономики, высокие цены на энергоносители вследствие безумной энергетической политики, засилие экологической повестки, а также многочисленные риски, связанные с поддержкой конфликта на Украине» [20].

Правда, такого мнения придерживается меньшинство в ведущих партиях, подавляющее большинство их членов все-таки сохраняет прежнее крайне негативное отношение к АдГ, считая при этом, что определенная доля вины в «восхождении» этой партии лежит и на них самих. Недавно премьер-министр федеральной земли Саксония, член ХДС М. Кречмер, в частности, назвал последние успехи АдГ признаком того, что в стране «что-то пошло под откос», но не по причине слабой политики его партии, а в силу объективных обстоятельств в региональной и мировой политике и сделал вывод, что «Германии грозит поляризация “политического ландшафта” по образу США» [14].

В целом большинство экспертов считают, что, несмотря на некоторую популярность, нынешние идеологические позиции АдГ идут вразрез с общим политическим мейнстримом не только в самой ФРГ, но и на европейском уровне. Особой критике подвергается видение руководством этой партии будущего устройства и структуры Евросоюза. Некоторые из ведущих политиков АдГ продолжают настаивать на пересмотре отношений Германии с Евросоюзом вплоть до выхода из него, выступают с откровенно исламофобских, антисемитских и даже неонацистских позиций. Такие открытые призывы крайне правого толка привлекли

внимание Федерального ведомства по защите конституции, инициировавшего уже несколько судебных процессов [20].

Внимание политической элиты ФРГ к успехам партии привлек также значительный успех АдГ на земельных выборах 9 октября 2023 г. в Баварии (партия заняла третье место с 14,6 % голосов) и Гессене (второе место с 18,4 % голосов) [8].

Вместе с тем оценка будущего АдГ противоречива. Это объясняется многими факторами внутривнутриполитического и экономического характера, а также перспективой решения в Европе и мире проблемы глобальной и региональной безопасности.

В заключение необходимо подчеркнуть, что усиление праворадикальной популистской идеологии в Германии в последнее десятилетие, наиболее очевидным свидетельством которого стал рост популярности АдГ как на федеральном, так и на земельном уровнях, явилось следствием ряда противоречий и проблем общественно-политического развития ФРГ, которые были проигнорированы правящими коалициями.

Во-первых, правительства А. Меркель и О. Шольца оказались неспособны эффективно решить проблему беженцев и нелегальных мигрантов, которая возникла в результате граж-

данских войн и беспорядков на Ближнем Востоке, в Азии и Африке. Усиление недовольства притоком мигрантов в Германию позволило АдГ быстро нарастить популярность и бросить вызов традиционным политическим силам ФРГ как в отдельных регионах, так и на федеральном уровне.

Во-вторых, АдГ сумела предложить привлекательную для многих слоев населения программу, направленную на сокращение государственных расходов на прием беженцев и внешнеполитические проекты федерального правительства, которые приводят к дополнительным финансовым проблемам, усилению инфляции и росту напряженности в отношении других государств.

В-третьих, вмешательство ФРГ в украинский конфликт не только привело к резкому ухудшению отношений с Россией — традиционным основным торгово-экономическим и политическим партнером Германии, но и вызвало неизбежный рост военных расходов, оплачивать которые было вынуждено население ФРГ. Все это помогло АдГ стать основной оппозиционной силой. Однако ее перспективы представляются неясными, так как другие партии не готовы взаимодействовать с ней, что ставит под сомнение возможность прихода АдГ к власти на федеральном уровне.

Список использованных источников

1. Бадаева, А. С. Правый поворот или новая альтернатива для Германии / А. С. Бадаева [Электронный ресурс] // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. — 2019. — № 2. — С. 61–74. (<https://doi.org/10.20542/afj-2019-2-61-74>)
2. Беспрецедентные итоги выборов в Германии меняют политический ландшафт [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 25.09.2017. — Режим доступа: <https://ria.ru/20170925/1505462028.html>. — Дата доступа: 03.10.2023.
3. Данилец, Е. «Альтернатива для Германии» едва не выиграла выборы в Бранденбурге и Саксонии / Е. Данилец [Электронный ресурс] // Новости Германии на русском. — 01.09.2019. — Режим доступа: <https://germania.one/alternativa-dlja-germanii-edva-ne-vyigrala-vyboru-v-brandenburge-i-saksonii/?ysclid=lmd8nsxrud61319688>. — Дата доступа: 03.10.2023.
4. Ле Пен впервые вошла в рейтинг самых популярных личностей во Франции [Электронный ресурс] // РБК. — 24.12.2016. — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/585e6d389a7947fc188a2eeb>. — Дата доступа: 05.06.2023.
5. Никакой «Альтернативы»: Германия рискует остаться без крайне правых [Электронный ресурс] // Известия. — 19.07.2023. — Режим доступа: <https://iz.ru/1545473/kseniia-loginova/nikakoi-alternativy-germanii-riskuet-ostatsia-bez-krainye-pravykh>. — Дата доступа: 03.10.2023.
6. Никифоров, О. «Альтернатива для Германии» замахнулась на канцлерство / О. Никифоров [Электронный ресурс] // Независимая газета. — 31.07.2023. — Режим доступа: https://www.ng.ru/world/2023-07-31/6_8787_germany.html. — Дата доступа: 10.10.2023.
7. Павлов, Н. В. Внешняя политика канцлера А. Меркель (2005–2017) / Н. В. Павлов. — М.: МГИМО-Университет, 2018. — 388 с.
8. Почему баварцы начали поддерживать правых в ФРГ. Коалиция Олафа Шольца потерпела поражение сразу в двух федеральных землях [Электронный ресурс] // РБК. — 09.10.2023. — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/09/10/2023/6523bee29a794733eb87ded7>. — Дата доступа: 10.10.2023.
9. Седых, С. В. Энергетическая политика ФРГ / С. В. Седых, Б. Е. Зарицкий. — М.: Магистр, 2022. — 176 с.
10. Ультраправые шагают по Европе — как далеко они зайдут? [Электронный ресурс] // Куб Медиа. — 18.11.2018. — Режим доступа: https://dzen.ru/a/W_FolbnGaACqaaEw?utm_referer=yandex.by. — Дата доступа: 03.10.2023.
11. Фрольцов, В. В. Восточногерманский фактор и его влияние на внутреннюю и внешнюю политику ФРГ в 1990-е годы / В. В. Фрольцов. — Минск: БГУ, 2002. — 121 с.
12. Фрольцов, В. В. Постсоветские государства во внешней политике ФРГ (1991–2005) / В. В. Фрольцов. — Минск: БГУ, 2013. — 431 с.
13. Фрольцов, В. В. ФРГ накануне парламентских выборов 2021 г.: смена правящей коалиции или выбор нового пути развития / В. В. Фрольцов // Республика Беларусь в современном мире / под ред. Е. В. Пильгун. — Минск: БГУ, 2021. — С. 126–138.
14. Черненко, Е. Тот прав, кто ультраправ / Е. Черненко [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. — 04.07.2023. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6082887>. — Дата доступа: 03.10.2023.
15. Шарапо, А. В. Новые тенденции в расстановке политических сил ФРГ (на примере избирательной кампании 2021 г.) / А. В. Шарапо // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. Вып. 9 / Белорус. гос. ун-т. — Минск: БГУ, 2021. — С. 37–53.
16. Шарапо, А. В. Особенности транзита власти в ФРГ: уроки прошлого и современность / А. В. Шарапо // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. Вып. 8 / Белорус. гос. ун-т. — Минск, 2020. — С. 119–131.

17. Шарапо, А. В. Политические аспекты позиции правительства ФРГ в отношении права вето в ЕС / А. В. Шарапо // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. Вып. 10 / Белорус. гос. ун-т. — Минск: БГУ, 2022. — С. 22–35.
18. Шарапо, А. В. ФРГ после выборов в Бундестаг 2017 г. в поиске новой модели развития / А. В. Шарапо // Историческая германистика: актуальные проблемы современных исследований: сб. науч. ст. и материалов. — Псков: Логос, 2018. — С. 238–245.
19. Экономика и политика Германии: через год после выборов / В. П. Фёдоров [и др.]; отв. ред. Е. П. Тимошенко. — М.: ИЕ РАН, 2019. — 134 с.
20. «Элита в панике»: на выборах в Германии победила пророссийская партия [Электронный ресурс] // NEWS.ru. — 26.06.2023. — Режим доступа: <<https://news.ru/europe/elita-v-panike-na-vyborah-v-germanii-pobedila-prorossijskaya-partiya/?ysclid=lmd8993k8p900828325>>. — Дата доступа: 03.10.2023.
21. Froltsov, V. V. Germany's foreign policy in the context of the multilateralism crisis in the 2010s: the main challenges and risks / V. V. Froltsov // Веснік Брэсц. ун-та. Сер. 2. Гісторыя. Эканоміка. Права. — 2019. — № 1. — С. 20–29.
22. Nestler, Ch. Eine deutsche Angst — Erfolgreiche Parteien rechts von der Union. Zur AfD und den gegenwärtigen Gelegenheitsstrukturen des Parteienwettbewerbs / Ch. Nestler, J. Rohgalf // Zeitschrift für Politik. — 2014. — Heft 4. — S. 389–413. (<https://doi.org/10.5771/0044-3360-2014-4-389>)

Статья поступила в редакцию 9 ноября 2023 г.

МУСУЛЬМАНСКАЯ ДИАСПОРА КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ДАНИИ

Павел Потапейко

В статье проанализирована роль мусульманской диаспоры Дании как фактора политических процессов в данной стране — члене Европейского союза. Актуальность статьи обусловлена важностью изучения особенностей сосуществования мусульман и коренного населения в такой «образцовой» стране Европейского союза, как Дания, для понимания этноконфессиональной ситуации в Европе. Особенностью Дании является отход от мультикультурализма. Проанализированы этапы формирования исламской диаспоры в Дании и его влияние на политический дискурс, что проявляется в ужесточении датской иммиграционной политики и популяризация антиисламской повестки в программах даже мейнстримных политических партий.

Ключевые слова: диаспора (сообщество); ислам; мигранты; мультикультурализм; мусульмане; политические партии.

«Muslim Diaspora as a Factor of Political Processes in Denmark» (Pavel Patapeika)

The article analyses the role of the Muslim community in Denmark as a factor of political processes in this member state of the European Union. Its relevance is determined by the importance of researching the specific aspects of the coexistence of Muslims and the local population in such a “sample” EU country as Denmark, for deeper understanding of the ethno-confessional situation in Europe. Denmark is specific as denouncing multiculturalism. The analysis indicates the stages of the emergence of the Muslim community in Denmark and reveals their impact on the political discourse which is manifested in toughening the Danish immigration policy and promotion of anti-Islam agenda even in the platforms of mainstream political parties.

Keywords: diaspora (community); Islam; migrants; multiculturalism; Muslims; political parties.

В Дании, как и почти во всех государствах — членах Европейского союза (ЕС) в настоящее время, в состав населения входит мусульманская диаспора. Она достаточно велика: в январе 2020 г. насчитывала 256 тыс. человек, или 4,4 % населения страны [25]. Ввиду того, что в Дании, как и в ряде других государств Западной Европы, статистика религиозной принадлежности официально не ведется, данные о численности мусульман разнятся. Но для этой страны, как и для многих других государств — членов ЕС, характерен устойчивый рост исламской диаспоры.

Особенностью политики, проводимой в Дании в отношении мусульман, является отход от мультикультурализма. В стране возникли политические силы, выстраивающие программу на основе борьбы с исламизацией страны (и Европы в целом), что находит отклик у политических элит и отражается на проводимой правительством политике. Наблюдается восприятие Дании в либеральных кругах ЕС и мусульманских странах как государства, проводящего ксенофобскую политику в отношении исламской диаспоры.

Целью данной статьи является выявление значения «мусульманского дискурса» для политических процессов в Дании. Хронологические рамки исследования — с 1957 г. (создание Европейского экономического сообщества (ЕЭС) по 2022 г. (последние к настоящему времени парламентские выборы в Дании). Актуальность статьи обусловлена тем, что особенности сосуществования мусульман и коренного населения в такой «образцовой» стране ЕС, как Дания, и исламский фактор в политике этого государства, несомненно, важно изучать и осмысливать, в том числе и научному сообществу Республики Беларусь.

Проблематика мусульманской диаспоры в Дании стала объектом изучения ряда исследователей, как датских, так и зарубежных. Следует выделить Оксфордский путеводитель по европейскому исламу, изданный в 2014 г. под редакцией Дж. Чезари [31]. Публикация представляет собой первую попытку обобщения данных по европейскому исламу.

При подготовке данной статьи использовался Ежегодник мусульман Европы, предоставляющий новейшие данные по исламской

Автор:

Потапейко Павел Олегович — кандидат исторических наук, редактор частного предприятия «ТрэвэлХаус», e-mail: pavpt@mail.ru
ЧП «ТрэвэлХаус». Адрес: 15/4, Логойский тракт, Минск, 220113, БЕЛАРУСЬ

Author:

Patapeika Pavel — Candidate of History, editor, Travel House Company, e-mail: pavpt@mail.ru
Travel House Company. Address: 15/4, Logoysky trakt, Minsk, 220113, BELARUS

диаспоре 46 стран. В его рамках проблематике датских мусульман посвящены публикации Б. А. Якобсена (Копенгагенский университет) [16] — крупного специалиста по исламу в Дании, и таких авторитетных исследователей ислама в Дании, как А. Карлбом (Университет Мальмё, Швеция) [6] и Ю. Нильсен (Копенгагенский и Бирмингемский университеты) [14]. Мусульманские общины в датских городах стали предметом исследования М. Хуссейна (Университет Роскилле) [13]. Отношениям между мусульманами и праворадикальными силами посвящены публикации С. Мерет (Университет Ольборга, Дания), в частности, ее диссертация, в которой проводится сравнительный анализ платформ правых партий Дании, Италии и Австрии [21]. Новые для скандинавских стран религиозные общины, прежде всего исламская, рассматриваются в публикации под редакцией Дж. Р. Льюиса и И. Б. Теллефсен [12]. Выделим также детальное исследование истории ислама в Швеции, Дании, Норвегии, Финляндии, Исландии, на Фарерских островах и в Прибалтийских странах [15]. Исламской диаспоре стран Северной Европы, включая Данию, посвящены публикации К. Лундбю с соавторами [24], Ю. Б. Симонсена (Копенгагенский университет), бывший глава Датского института в Дамаске [28], И. Сванберга (Упсальский университет, Швеция) [29] и др. Большинство исследователей поддерживают консенсус по ряду аспектов — геттоизации районов городов, социально-экономической маргинализации и радикализации части диаспоры и т. д.

Ислам в Дании и других скандинавских странах и его воздействие на политические процессы привлекли внимание таких российских исследователей, как заведующий кафедрой общей церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии, автор монографий о взаимоотношениях Русской православной церкви с другими конфессиями архимандрит Августин (Никитин) [1] и старший научный сотрудник Института востоковедения РАН и специалист по политическому исламу в Европе и на Кавказе Д. А. Нечитайло [5]. Но в целом следует отметить недостаточное внимание российской и белорусской науки к данной проблематике.

Первые мусульмане в Дании были зарегистрированы переписью 1880 г. (8 человек), но иммиграция началась в 1950-е гг. [31, р. 394]. Ее первая волна, как и в других странах Западной Европы, была связана с экономическим подъемом 1950—1960-х гг. Источниками на данном этапе, как и в случае стран Бенилюкса [22, р. 18], стали преимущественно Турция, Марокко, Пакистан и Югославия. К 1980 г. в Дании насчитывалось около 30 тыс. мусульман, из которых свыше половины были турецкого происхождения, 6,5 тыс. пакистанского и 1,5 тыс. боснийского [13, р. 5]. Особую

активность проявляла возникшая в 1959 г. [12, р. 366] небольшая община ахмадитов из Пакистана (не считающаяся мусульманами с точки зрения основных течений ислама): с ней связано основание в 1967 г. первой в Дании мечети — Нусрат-Джахан в Хвидovre [14, р. 15]. К 1970 г. до 30 коренных датчан приняли ахмадитское вероисповедание, благодаря активной деятельности пакистанского проповедника К. Юсуфа. Одним из них был учитель С. О. Мадсен, принявший имя Абдуссалам. Он инициировал официальную регистрацию ахмадитской общины, которая стала первой признанной исламской общиной Дании [31, р. 407]. Первое издание Корана на датском языке также стало заслугой С. О. Мадсена [12, р. 367].

После вступления Дании в 1973 г. в ЕЭС и в условиях экономического спада трудовая иммиграция стала ограничиваться. В 1974 г. были введены исключения для воссоединения семей и лиц, желающих получить политическое убежище либо вступить в брак с гражданами страны [31, р. 394].

Вторая волна иммиграции мусульман в Данию пришлось на 1980—1990-е гг., ее в основном составляли беженцы — прежде всего из Ирана, Ирака и Ливана, а также Югославии и Северо-Восточной Африки [13, р. 11]. Появились мечети и исламские школы, Исламский культурный центр [29]. Мусульмане концентрировались в Копенгагене и его пригородах, а также в Оденсе и Роскилле [1].

К 1999 г. мусульмане составляли 10 % населения Копенгагена [1]. В результате двух волн иммиграции к началу XXI в. численность исламской диаспоры в Дании заметно выросла и продолжала расти. По данным сайта посольства Дании в Ливане, в 2009 г. она составляла 4 % (221,8 тыс.) из 5,4 млн населения [8], а по данным Государственного департамента США на 2010 г., — около 200 тыс. человек (3,6 %) из 5,5 млн. Ислам стал второй после христианства конфессией Дании, как и в других странах Западной Европы. Из мусульман Дании к 2009 г. 24,7 % были турецкого происхождения, 12 % — иракского, 8,2 % — пакистанского, 7,6 % — сомалийского и 6,3 % — афганского [32]. Численность принявших ислам коренных датчан выросла с 30 в 1970 г. до около 5 тыс. человек (до 2 % диаспоры) в 2009 г. По данным исследования 2007 г., 49 % диаспоры были суннитами, 13 % — шиитами, 19 % — адептами иных направлений: алевитами (курдского происхождения), ахмадитами, салафитами и др., а 18 % не указали деноминации. До 40 % составляли беженцы [8]. Согласно исследованию мигрантов из мусульманских стран в 2008 г., лишь 79 % из них были мусульманами (45 % суннитов, 11 % шиитов, 23 % адептов других течений ислама), остальные — христианами, приверженцами других конфессий либо атеистами [31, р. 402].

В то же время крупнейшая конфессия — государственная Евангелическо-лютеранская церковь Дании (ЕЛЦ) — находится в кризисе. Лишь 3 % ее прихожан регулярно посещали церковные службы в 2010 г. [1]. Если в 1998 г. к ЕЛЦ относились 85,4 % населения, то в 2014 г. — 78,4 % [24, р. 439]. Остальные общины (кроме ислама) не превышали 1 % населения [8]. Первой нехристианской общиной Дании был официально признан в 1814 г. иудаизм. К 1970 г. признано еще 10 конфессий, к 2022 г. — свыше 100 религиозных общин. Официальное признание дает право получать налоговые льготы, проводить бракосочетания, создавать кладбища, привлекать зарубежных священнослужителей с правом проживания в Дании.

Конституция Дании гарантирует свободу вероисповедания, при этом ЕЛЦ получает финансирование из государственного бюджета и имеет ряд других привилегий.

Рассматривая уже отмеченный кризис ЕЛЦ, отметим: с одной стороны, усиливается консервативное крыло, а с другой — все большее влияние получают сторонники радикального пересмотра ряда постулатов, вплоть до основ доктрины церкви [1]. На этом фоне все больше внимания привлекают рост мусульманской диаспоры и связанные с этим аспекты. К 2006 г. в Дании было уже 115 мечетей (в основном суннитских) [23, р. 217]. Диаспора предпочитает обучать детей в частных мусульманских школах (получающих и государственное финансирование): в 1978 г. была открыта первая из них в Хельсингере, а к 2014 г. их было 30. В 1999 г. Дания заняла первое место в ЕС по числу частных мусульманских школ с государственным финансированием [29, р. 399]. Интересно, что в том же году страна стала крупнейшим поставщиком халяльного мяса в арабские страны. В 2004 г. Первый канал телевидения начал еженедельную трансляцию пятничных проповедей из столичной мечети [1]. В 2006 г. было открыто первое исламское кладбище (в Брэнбю около Копенгагена), в 2008 г. — кладбища в Хернинге и Роскилле [15, р. 17].

Третья волна мусульманской миграции пришлась на 2010-е гг. и состояла из беженцев в результате «арабской весны». К 2020 г. сирийцы заняли второе место после турок, затем следовали иракцы, ливанцы, афганцы, боснийцы и иранцы; 3,8 % диаспоры составили принявшие ислам коренные датчане [23, р. 219]. К 2017 г. количество мечетей выросло до 170. Диаспора сконцентрирована в так называемом Большом Копенгагене (47,7 %), Орхусе (9,4 %), Оденсе (5,5 %), Роскилле, Ольборге и Хернинге [24, р. 439].

Существенным сегментом исламской диаспоры являются турки — крупнейшее этническое меньшинство [21, р. 32]. Большинство мечетей поддерживает Управление по религиозным делам Турции, в том числе через Датско-турецкий исламский фонд — крупнейшую мусульманскую организацию Дании [1].

Самые низкие безработица в исламской диаспоре (6,8 %) и уровень преступности у пакистанцев [21, р. 75]. В рамках диаспоры существует ряд организаций: *Islam i Danmark* (Ислам в Дании, основана в 2007 г.), *Foreningen af Demokratiske Muslimer* (Организация демократических мусульман, основана в 2006 г.) и др. [6, р. 239].

В 1980 г. Исламский культурный центр Копенгагена перечислил основные проблемы диаспоры в Дании: необходимость уплачивать «церковный налог» на ЕЛЦ (в результате некоторые мусульмане оказались членами приходских советов с правом голоса), трудности с регистрацией мусульманского имени ребенка, соблюдением пятницы и исламских праздников, предвзятый образ ислама в СМИ, отказ в государственных дотациях исламским благотворительным организациям, непризнание исламских норм семейного права, дискриминация и бытовой расизм [1].

В 1990-е гг. политические силы Дании начали призывать к ограничению иммиграции в страну. В 2000 г. был принят закон, согласно которому обе стороны международного брака с участием гражданина Дании должны быть не моложе 24 лет и проживать на площади не менее 20 кв. м на человека, в комнате, населенной не более чем 2 лицами, а датская сторона брака должна иметь доход не ниже 8986 крон [32].

Рубежом в отношении Дании к исламской диаспоре стали события 11 сентября 2001 г., среди организаторов которых была датская исламистская группировка [30]. Началась политизация ислама в Дании, а его оценка как «коллективного Другого», чуждого датской культуре, стала характерной даже для ведущих партий страны.

Еще более значительной вехой во взаимоотношениях между диаспорой и коренным населением стали события, связанные с публикацией в сентябре 2005 г. в издании «Юлландс-Постен» («*Jyllands-Posten*») 12 карикатур на пророка Мухаммеда (в 2006 г. перепечатанных норвежскими изданиями). Это вызвало международный скандал, отзыв послов Саудовской Аравии и Ливии из Дании, протесты и бойкот датских товаров в ряде исламских стран (принесший убытки датской экономике на миллиарды долларов). Послы ряда мусульманских стран выразили протест премьер-министру А. Ф. Расмуссену, который заявил, что лично осуждает публикацию, но в его стране власти не могут вмешиваться в свободу печати (при его избрании в 2009 г. генеральным секретарем НАТО Турция хотела наложить вето на его кандидатуру). Делегация датских имамов посетила ряд мусульманских стран, получив поддержку [2, с. 24]. В итоге 1 января 2006 г. А. Ф. Расмуссен выступил по телевидению с извинениями перед мусульманами, а 30 января извинения принесла редакция «Юлландс-Постен». Публикацию ка-

рикатур осудила ЕЛЦ. Вместе с тем министры иностранных дел стран ЕС выступили с заявлением в поддержку Дании. ЕС обещал принять меры по линии Всемирной торговой организации против стран, бойкотирующих датские товары [4, с. 8].

Следует отметить участие Дании в коалиции во главе с США по вступлению в Афганистан и Ирак. Накануне скандала с карикатурами в 2005 г. одно из подразделений «Аль-Каиды» предупредило о возможных террористических актах в Дании, если страна не выведет свои войска из Ирака и Афганистана [3, с. 4].

Начало 2000-х гг. характеризуется ростом антиисламских настроений датчан. Опрос показал, что 58 % датчан одобрили публикацию карикатур, многие распространяли их в сети Интернет [1]. В 2006 г. отмечались факты вандализма на могилах мусульман, случаи антииммигрантских проявлений, в том числе граффити, устные оскорбления, отказ в предоставлении услуг и приеме на работу [32].

В этот период Дания ужесточила свою иммиграционную и интеграционную политику, включая предоставление убежища и вида на жительство и воссоединение семей. В 2007 г. был принят закон, требующий от прибывших из-за рубежа священнослужителей сдать экзамен по датскому языку не позднее чем через 6 месяцев по прибытии в Данию (вступил в силу с 2010 г.) [1]; в 2009 г. — закон, запрещающий судьям носить атрибуты какой-либо религии [32]. В этом же году мусульманок, носящих никаб, обязали открывать лицо контролерам в транспорте [1]. В школах был введен запрет на покрытие лица [23, р. 223].

В 2007 г. произошли столкновения мусульманской молодежи с полицией в районе Нёрребро. Были задержаны сотни манифестантов, включая иностранцев [1].

В 2016 г. Дания и Швеция стали последними странами Шенгенской зоны, которые ввели пограничный контроль — именно для сдерживания мусульманской миграции [10]. Отмечалось ужесточение условий экзаменов на получение гражданства, требований к владению датским языком и финансовой независимости. В 2017 г. фолькетинг (парламент Дании) принял закон, запрещающий скрывать лицо, а в 2018 г. — закон о запрете никаба и бурки, принятие которого повлекло демонстрации в Нёрребро. Первой страной ЕС, принявшей такой закон, была Франция в 2011 г. [19], за ней Бельгия, Австрия, Болгария и Нидерланды. В 2018 г. был принят закон, запрещающий уклоняться от рукопожатий на церемонии получения гражданства. Один из датских имамов призвал мусульман покидать мероприятие, если на рукопожатии настаивают. Премьер-министр Л. Л. Расмуссен, сменивший А. Ф. Расмуссена, заявил: «Если Европейский союз не может защищать свои рубежи, все больше стран будут вынуждены вводить подобные меры» [9, р. 1].

С 2015 по 2019 г. кабинет, возглавляемый партией «Венстре», ввел 114 ограничительных мер в сфере иммиграции. Заметный вклад в это внесла И. Стойберг — министр иммиграции и интеграции Дании в 2015—2019 гг., тогда одна из лидеров либеральной партии «Венстре», а с 2022 г. — глава евроскептической антииммигрантской партии «Демократы Дании». В 2018 г. она призвала мусульман, выполняющих сложную работу, брать отпуск в Рамадан, чтобы не подвергать риску общество. Это вызвало скандал [7].

По данным опроса 2008 г., 43 % датчан назвали ислам несовместимым с культурой и ценностями их страны [32]. Начались столкновения между мусульманами и праворадикальными датчанами, но 15 февраля 2008 г. один из ведущих имамов Дании М. Чендид на пятничной проповеди обратился к единоверцам: «Пророк Мухаммед не учил вас жечь школы. Он учил вести себя цивилизованно» [1].

В то же время на веб-сайте «Аль-Каиды» появилось обращение У. бен Ладена, который предупредил об ответной реакции и назвал карикатуры на пророка Мухаммеда частью нового «крестового похода» против ислама. В день 9-летия террористического акта в Нью-Йорке в сентябре 2010 г. был организован взрыв в гостинице «Йоргенсен» в Копенгагене (задержан чеченец). В 2010 г. арестованы пять исламистов, готовивших теракт против издательства «Юлландс-Постен» [33]. В 2015 г. в Копенгагене в течение двух дней происходила стрельба в общественных местах во время массового мероприятия (погибли трое человек, включая террориста). В Копенгагене, Орхусе и Оденсе появились боевые организации, насчитывающие сотни членов («Хизб ут-Тахрир Дания» и др.) [23, р. 215]. Все больше датских мусульман утверждали, что подвергаются оскорблениям [17].

Наряду с усилением антиисламских настроений росла приверженность диаспоры исламу. Так, если в 2006 г. 37 % датских мусульман молились 5 раз в день, то в 2018 г. — уже 50 %, что контрастировало с секуляризацией датского общества [17].

Одним из центров радикального исламизма в Дании стала мечеть Масджид Аль-Фарук в копенгагенском районе Нёрребро, связанная с радикальной организацией «Хизб ут-Тахрир». Ее имам выступал с экстремистскими проповедями и был осужден за призыв к уничтожению евреев и джихаду для «покорения Европы» [11].

С 2011 по 2014 г. 125 человек выехали из страны в Сирию и Ирак, большинство присоединилось к ИГИЛ, до 30 из них погибли [30].

Заметное влияние на антиисламский и антииммигрантский дискурс в датской политике оказали парламентские выборы 2001 г. [20], когда впервые за 100 лет правоцентристы и правые оказались в большинстве. И впервые

же центральной предвыборной темой стала иммиграция, что было связано с событиями 11 сентября в Нью-Йорке (выборы прошли в ноябре). Либерально-консервативная коалиция осталась у власти на 10 лет [26]. Вопрос о роли мусульманской диаспоры, ислама и религии в обществе с 2001 г. стал важнейшим для датской политики.

Дания показательна в контексте Северной Европы как пример подъема правого популизма. Сначала антииммигрантский и антиисламский сегмент политического спектра занимала Партия прогресса (ПП), в 1973 г. занявшая второе место на парламентских выборах с 16 % голосов и 28 мандатами из 179 (уступив лишь Социал-демократической партии (СДП)). Затем ее популярность уменьшалась, прежде всего, в силу внутренних противоречий (на выборах 1979 г. ПП получила 20 мест, на выборах 1990 г. — лишь 12, а в 2001 г. не получила мест (набрав 0,56 % голосов), утратив представительство в фолькетинге). В 1995 г. после раскола ПП была создана Датская народная партия (ДНП), занявшая ее электоральную нишу [27, р. 15]. В 1998 г. она прошла в фолькетинг, набрав 7,4 % голосов и 13 мест, тогда как ПП получила всего 2,42 % и 4 места соответственно [18, р. 272]. На выборах 2015 г. ДНП набрала уже 21 % голосов, став второй после СДП [26]. Это был исторический результат: ДНП обогнала Либеральную партию «Венстре». Затем она 4 раза голосовала за либерально-консервативный кабинет меньшинства в обмен на ужесточение антииммиграционных мер, на выборах в 2019 г. получив 8,74 % голосов и 16 мест из 179 [20] — третье место после СДП и «Венстре», которые внесли ее положения об исламе в политическую повестку.

ДНП позиционировала ислам через призму столкновения цивилизаций — мусульманского мира как носителя отсталости, нетерпимости, угрозы ценностям датского общества с западной культурой как носительницей прогресса. Она привлекала рабочий класс, малый бизнес, пенсионеров, усматривающих связь идентичности с системой социального обеспечения [21, р. 124]. Однако ДНП начала терять электорат, недовольный ее непоследовательностью. В 2015 г. была создана партия «Новые правые» (НП), которая строила свою программу именно на критике ислама и получила на выборах 2019 г. 4 места, в то время как фракция ДНП сократилась до 16. Кроме того, в 2017 г. на правом фланге появилась более радикальная сила (позднее была запрещена) — «Жесткий курс» («*Stram Kurs*») во главе с известным антиисламскими акциями Р. Палуданом. И хотя последняя на выборах 2019 г. набрала лишь 1,8 % голосов и не прошла в фолькетинг, она способствовала ослаблению ДНП [20].

Наконец, в 2022 г. бывшая министр И. Стойберг создала партию «Датские демократы», также на основе антиисламского и антиимми-

грационного дискурса. На парламентских выборах 2022 г. Эта партия получила 8 % голосов и 14 из 179 мест, заняв пятое место (НП — 3,6 % и 6 мест, ДНП — 2,6 % и 5 мест). Таким образом, правые партии с антииммигрантской повесткой получили в совокупности 25 мест [23, р. 231].

По данным опросов, в датском обществе ужесточение правил иммиграции пользуется поддержкой [28]. В Дании самый жесткий в Скандинавии режим иммиграции, натурализации, предоставления убежища и воссоединения семей.

В противовес укреплению антиисламской политической повестки в Дании растет и политическая активность самой диаспоры. Датские мусульмане, как и другие иммигранты, еще в 1989 г. получили право избирать и быть избранными на местных выборах при условии легального пребывания в стране не менее 3 лет. В последние десятилетия в парламент и ряд муниципальных советов было избрано несколько лиц исламского вероисповедания [23, р. 230]. В 2006 г. была основана организация «Демократические мусульмане», сочетавшая ислам и либеральные ценности, но вскоре прекратившая деятельность ввиду слабой электоральной поддержки [6, р. 240]. В 2014 г. мусульманами была предпринята безуспешная попытка создания Национальной партии для «противодействия наступлению на традиционные датские ценности — толерантность и открытость» [30].

В 2017 г. опрос показал, что $\frac{2}{3}$ датчан считали, что мигранты-мусульмане не могут интегрироваться в общество и воспринимаются как угроза «датскости» (*Danskhed*). Если в 2011 г. число тех, кто видел в иммигрантах угрозу датской идентичности, уступало приверженцам терпимости на 14 %, то в 2017 г. превысило на 8 %. Однако опросы свидетельствуют также, что часть датчан видит в дебатах об исламе и идентичности попытку уйти от обсуждения социально-экономических проблем [20].

Центральная идея антиисламской концепции — дихотомия «мы — они». Партии, чередующиеся у власти (СДП и «Венстре»), признают, что ислам занял в политической повестке слишком много места и выступают за ужесточение иммиграционной политики.

Датская политика основана на взаимосвязи трех компонентов — национальной идентичности, демократии и системы социального благополучия. Этот синтез появился в межвоенный период, когда СДП предотвратила классовый конфликт и возник образ Дании как «народного дома» («*Folkhemmet*»). При этом формировался образ ислама как «Другого» с: а) тоталитарной идеологией, враждебной либеральной светской демократии; б) демографическим вызовом, способным превратить диаспору в доминирующую группу населения; в) социально-религиозной системой, находящейся на более низкой ступени развития в

сравнении с Западом. Даже королева Маргрете II, старающаяся держаться вне политики, в 2005 г. заявила, что уважает ислам как религию, но в нем есть «черты тоталитарности» [1].

Можно сделать главный вывод: у датской политической элиты имеется стремление растворить исламофобию в дихотомии «западная — незападная цивилизации». С этим связана концепция «параллельных обществ», ставится вопрос о «геттоизации» городских районов. Прежде всего имеются в виду Нёрребро в Копенгагене, Геллеруп в Орхусе и Вольсмосе в Оденсе. Под гетто понимается район, 50 % населения которого составляют мигранты, а заработок населения в среднем на 55 % ниже среднего уровня по стране. Премьер-министр с 2019 г. (от СДП) М. Фредериксен заявила, что к сокращению гетто приведут уменьшение численности проживающих в районе мигрантов на 30 %, посещение детьми уроков «датских ценностей» и снижение пособий для мигрантов. Но именно стремление завуалировать социально-экономический аспект стоит за позиционированием исламской угрозы датской идентичности [20].

Следует сделать еще один вывод: государство социального благополучия, каким себя позиционирует Дания, не справляется с вызовом в лице исламской миграции. Появление иной культуры выявило очевидный провал политики мультикультурализма, а массовость притока мигрантов — фактически коллапс социального государства, существовавшего десятилетиями. Поэтому политические силы Дании не могут игнорировать нарастающий комплекс проблем, связанный с иммиграцией и противопоставлением исламской диаспоры обществу, или пытаться свести деятельность антииммигрантских партий к популизму.

Мусульманский дискурс для политических процессов в Дании играет важнейшую роль, являясь одним из основных положений предвыборных программ даже мейнстримных политических партий с опорой на настроения в датском обществе. Пример Дании в этом вопросе может стать знаковым для ряда стран — членов ЕС, что совпадает с ростом популярности правых партий, отстаивающих укрепление национальной идентичности во все большем числе европейских государств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Архимандрит Августин (Никитин). Ислам в Дании: докл. на междунар. конф. «Скандинавские чтения», Санкт-Петербург, 27–29 окт. 2010 г. / Архимандрит Августин (Никитин) [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургская духовная академия Русской православной церкви. — Режим доступа: <<https://spbda.ru/publications/arhimandrit-avgustin-nikitin-islam-v-danii/>>. — Дата доступа: 12.04.2022.
2. Власова, О. Восход Европы / О. Власова, А. Кокшаров // Эксперт. — 2006. — № 6 (500). — С. 21–28.
3. Гушер, А. «Террористический интернационал» / А. Гушер // Азия и Африка сегодня. — 2006. — № 7. — С. 2–6.
4. Морозов, Н. Ислам и Запад: за свободу слова с мусульманским фанатизмом / Н. Морозов // Эхо планеты. — 2006. — № 8. — С. 6–11.
5. Нечитайло, Д. А. Ислам в скандинавских странах / Д. А. Нечитайло // Ближний Восток и современность. — Вып. 29. — М.: ИБВ, 2006. — С. 182–203.
6. Carlbom, A. Islam in Denmark: the Challenge of Diversity / A. Carlbom // International Dialogue. — 2013. — Vol. 3, Art. 24. — P. 236–241. (<https://doi.org/10.32873/uno.dc.ID.3.1.1073>)
7. Danish minister Stojberg provokes Ramadan row [Electronic resource] // BBC. — 22.05.2018. — Mode of access: <<https://www.bbc.com/news/world-europe-44209471>>. — Date of access: 03.07.2018.
8. Denmark — Official Denmark — Church and Religion [Electronic resource] // Udenrigsministeriet: WayBack Machine — Internet Archive. — Mode of access: <<https://web.archive.org/web/20060208030036/http://www.um.dk/Publikationer/UM/English/Denmark/kap1/1-14.asp>>. — Date of access: 12.11.2020.
9. Denmark 2018: International Religious Freedom Report [Electronic resource] // U.S. Department of State. — Mode of access: <<https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/05/DENMARK-2018-INTERNATIONAL-RELIGIOUS-FREEDOM-REPORT.pdf>>. — Date of access: 12.12.2019.
10. Denmark responds to Swedish border checks with own controls [Electronic resource] // BBC. — 04.01.2016. — Mode of access: <<https://www.bbc.com/news/world-europe-35222015>>. — Date of access: 15.01.2016.
11. Friday Sermon by Copenhagen Imam Mundhir Abdallah: Every Single Muslim Leader Has Been Serving American and «Crusader» Interests [Electronic resource] // MEMRI.TV. — 22.06.2019. — Mode of access: <<https://www.memri.org/tv/copenhagen-imam-mundhir-abdallah-jerusalem-muslim-leaders-spearhead-crusade-iran-flames>>. — Date of access: 03.06.2022.
12. Handbook of Nordic New Religions / ed. by J. R. Lewis, I. B. Tøllefsen. — Leiden; Boston: Brill, 2015. — 514 p.
13. Houssain, M. Denmark. Muslims in the EU: Cities Report / M. Houssain. — Open Society Foundation, 2007. — 64 p.
14. Islam in Denmark: The Challenge of Diversity / ed. by J. S. Nielsen. — Lexington Books, 2011. — 268 p.
15. Islam in the Nordic and Baltic Countries / ed. by G. Larsson. — Routledge, 2009. — 160 p.
16. Jacobsen, B. A. Religionsociologiske perspektiver på religion i Danmark / B. A. Jacobsen // Religionsociologiske perspektiver på religion i Danmark / ed. by A. Hvithamar [et al.]. — Højbjerg: Forlaget Univers, 2022. — P. 91–117.
17. Jacobsen, S. Danish Muslims feel backlash as immigration becomes election issue / S. Jacobsen [Electronic resource] // Reuters. — 31.05.2019. — Mode of access: <<https://www.reuters.com/article/idUSKCN1T111R/>>. — Date of access: 31.05.2022.
18. Jespersen, K. A History of Denmark / K. Jespersen. — London: Palgrave MacMillan, 2004. — 288 p.
19. Joining other European countries, Denmark bans full-face veil in public [Electronic resource] // FRANCE24. — 31.08.2018. — Mode of access: <<https://www.france24.com/en/20180531-denmark-islam-veil-niqab-burqa-europe-women-ban-full-face-public>>. — Date of access: 21.03.2022.
20. Meret, S. Islam as a ‘floating signifier’: Right-wing populism and perceptions of Muslims in Denmark / S. Meret, A. B. Gregersen [Electronic resource] // Brookings. — 24.07.2019. — Mode of access: <<https://www.brookings.edu/research/research/islam-as-a-floating-signifier-right-wing-populism-and-perceptions-of-muslims-in-denmark/>>. — Date of access: 08.04.2020.

21. Meret, S. The Danish People's Party, the Italian Northern League and the Austrian Freedom Party in a Comparative Perspective: Party Ideology and Electoral Support: PhD dissertation / S. Merret. — Aalborg: Aalborg University, 2010. — 322 p.
22. Patapeika, P. A. Muslim communities in the United Kingdom, Ireland and the Benelux / P. A. Patapeika // Journal of the Belarusian State University. International Relations. — 2022. — N 2. — P. 16–22.
23. Petersen, J. Denmark / J. Petersen, N. V. Vinding // Yearbook of Muslims in Europe. Vol. 14 / ed. by S. Akgönül [et al.]. — Leiden: Brill, 2022. — P. 214–232.
24. Religion between Politics and Media: Conflicting Attitudes towards Islam in Scandinavia / K. Lundby [et al.] // Journal of Religion in Europe. — 2017. — Vol. 10, N 4. — P. 437–456. (<http://dx.doi.org/10.1163/18748929-01004005>)
25. Religious Composition by Country, 2010–2050 [Electronic resource] // Pew Research Center. — Mode of access: <<https://www.pewresearch.org/religion/interactives/religious-composition-by-country-2010-2050>>. — Date of access: 21.12.2022.
26. Rose, F. Six takeaways from the Danish elections / F. Rose [Electronic resource] // Politico. — 19.06.2015. — Mode of access: <<https://www.politico.eu/article/six-takeaways-from-the-danish-elections/>>. — Date of access: 24.06.2015.
27. Rydgren, J. Class politics and the Radical Right / R. Rydgren. — Routledge, 2012. — 330 p.
28. Simonsen, J. B. Islam in Denmark — an historical overview / J. B. Simonsen [Electronic resource] // Nordics.info. — 29.04.2019. — Mode of access: <<https://nordics.info/show/artikel/islam-in-denmark-an-historical-overview>>. — Date of access: 10.11.2021.
29. Svanberg, I. The Nordic Countries / I. Svanberg // Islam Outside the Arab World / ed. by D. Westerlund, I. Svanberg. — Routledge, 1999. — P. 379–401.
30. The Foreign Fighters Phenomenon in the European Union [Electronic resource] // The International Centre for Counter-Terrorism. — 01.06.2016. — Mode of access: <<https://www.icct.nl/publication/foreign-fighters-phenomenon-eu-profiles-threats-policies#:~:text=>>. — Date of access: 31.06.2022.
31. The Oxford Handbook of European Islam / ed. by J. Cesari. — Oxford: Oxford University Press, 2014. — 896 p.
32. 2010 Report on International Religious Freedom — Denmark. Source: United States Department of State. 17 Nov. 2010 [Electronic resource] // Refworld: Global Law & Policy Database. — Mode of access: <<http://www.refworld.org/docid/4cf2d0a2c.html>>. — Date of access: 18.04.2022.
33. Wienberg, Ch. Police Arrest 'Militant Islamists' in Denmark Plot / Ch. Weinberg [Electronic resource] // Bloomberg. — 29.12.2010. — Mode of access: <<https://www.bloomberg.com/news/articles/2010-12-29/five-people-arrested-in-denmark-sweden-under-suspicion-of-terrorist-plot>>. — Date of access: 31.10.2018.

Статья поступила в редакцию 13 апреля 2023 г.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Онуралп Доган Чакыр

Рассмотрено турецко-белорусское экономическое сотрудничество: изложены ключевые позиции документов, составляющих его правовые основания, дана краткая характеристика его содержания. Выявлены качественные и количественные особенности экономических контактов двух стран, исследована позиция турецких партнеров в оценке состояния и перспектив взаимного экономического сотрудничества. Сделан вывод, что прагматические экономические отношения и сотрудничество Турции и Беларуси, несмотря на различия систем и опыта, доказывают важность поиска новых рынков и партнеров как ключевого момента минимизации рисков, особенно во время кризисов.

Ключевые слова: Беларусь; инвестиции; правовые основы; турецкий бизнес в Беларуси; Турция; экономическое сотрудничество.

«Economic Cooperation between the Republic of Turkey and the Republic of Belarus» (Onuralp Dogan Çakir)

Turkish-Belarusian economic cooperation is analysed: the key positions of the documents constituting its legal bases are outlined, its content is briefly characterised. The qualitative and quantitative features of economic contacts between the two countries are revealed, the position of Turkish partners in assessing the state and prospects of mutual economic cooperation is explored. It is concluded that the pragmatic economic relations and cooperation between Turkey and Belarus, despite their different systems and experiences, prove the importance of finding new markets and partners as a key point to minimise risks, especially during crises.

Keywords: Belarus; economic cooperation; investments; legal framework; Turkey; Turkish business in Belarus.

Турция и Беларусь — страны, расположенные в разных регионах Евразии, установили прочные отношения в области экономики. Государства активно сотрудничают в нескольких секторах, таких как торговля, инвестиции и энергетика. Цель настоящей статьи — охарактеризовать экономическое сотрудничество Турции и Беларуси. Реализации поставленной цели послужит выполнение следующих задач: рассмотреть документы, составляющие правовые основания турецко-белорусских экономических отношений, выявить особенности экономических контактов двух стран, охарактеризовать позицию представителей Турции по вопросам экономического сотрудничества с Беларусью.

Экономическое взаимодействие Турции и Беларуси является предметом ряда работ белорусских ученых. Автор выделяет Е. Э. Васильеву, которая представила перспективные направления турецко-белорусского сотрудничества. В ее работе проводится анализ состояния турецкой экономики для более полного понимания возможностей развития двустороннего сотрудни-

чества [2]. Следует обратить внимание на статью А. А. Нечай, которая обозначила основные аспекты развития турецко-белорусских экономических отношений, а также дала оценку новым формам и направлениям торгово-экономического сотрудничества [11].

О. М. Овечкина [12], Е. А. Рупакова [14], А. А. Трушкевич [19] показали состояние экономического сотрудничества Турции и Беларуси, в частности в секторе инвестиций. Эти авторы рассматривали Турцию как перспективного партнера, который в обмен на широкий доступ к евразийским рынкам способен поддержать Беларусь благодаря своему влиянию на Ближнем Востоке. Они изучили статистику экономического развития обеих стран, показатели инвестиционной и другой деловой активности, а также выделили конкретные проблемы, затрудняющие двустороннее сотрудничество. Период 2010—2014 гг. авторы назвали временем интенсивного роста экономических связей, особенно в области строительства, телекоммуникаций и туризма. В оценках турецко-белорусских отношений данные авторы

Автор:

Чакыр Онуралп Доган — соискатель кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: onuralp.cakir@mfa.gov.tr
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Çakir Onuralp Dogan — post-graduate student of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: onuralp.cakir@mfa.gov.tr
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

придерживаются скорее прагматической линии, четко показывая, что данные отношения строятся не на родстве культур, а на взаимовыгодном расчете.

Турецко-белорусские экономические отношения стали предметом научного интереса также турецких исследователей. Они отмечали сравнительно небольшую долю участия турецкого бизнеса в экономике Беларуси, а степень вовлеченности представителей Турции в совместные экономические проекты характеризовали скорее как «активную заинтересованность». Вместе с тем авторы сосредоточились на комплексе проблем, связанных с различием законодательства и правовых практик и в целом подходов турецкой и белорусской сторон к пониманию сути и особенностей сотрудничества двух стран. Кроме этого, они сформулировали ряд предложений в рамках двустороннего сотрудничества, которые помогли бы турецкой стороне активнее осваивать евразийское экономическое пространство. Объединяющим фактором для обеих сторон турецкие авторы (Й. Гердан, Э. Дженгиз, Х. Йылмаз) определили своеобразное «срединное положение» как Турции, так и Беларуси в своих регионах. На этом основании они обосновали возможность их объединения, которое могло бы дать значительный положительный эффект [3; 4; 7; 9].

Экономические отношения Турции и Беларуси можно проследить с начала 1990-х гг., когда между двумя странами начали налаживаться торговые связи. За прошедшие годы две страны установили прочное экономическое партнерство и сотрудничают в различных секторах, таких как сельское хозяйство, транспорт, строительство, туризм. Еще в 1992 г. был создан Белорусско-Турецкий деловой совет. Белорусскую сторону в этом совете представляет Белорусская торгово-промышленная палата, турецкую — Совет по внешнеэкономическим связям Турции [6].

Кроме того, две страны подписали ряд соглашений для расширения экономического сотрудничества и дальнейшего укрепления отношений: Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики о торговом и экономическом сотрудничестве 1993 г., Договор о дружбе и сотрудничестве между Республикой Беларусь и Турецкой Республикой 1996 г., Протокол о совместном сотрудничестве между Департаментом по предпринимательству Министерства экономики Республики Беларусь и Организацией по развитию и поддержке малого и среднего предпринимательства Турецкой Республики 2012 г., Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики о системе содействия взаимной торговле 2016 г., Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики о взаимном содействии осуществлению и за-

щите инвестиций 2018 г., Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики о международных комбинированных перевозках грузов 2018 г. [8].

Так, в соответствии с Договором о дружбе и сотрудничестве между Республикой Беларусь и Турецкой Республикой (подписан 24 июля 1996 г., вступил в силу 25 апреля 2000 г.) стороны договорились всесторонне и в долгосрочной перспективе развивать сотрудничество в области экономики и торговли путем обеспечения необходимых правовых, экономических, финансовых и торговых условий для широкого и эффективного перемещения товаров, услуг и капиталов между двумя странами и укрепления сотрудничества, в частности в таких отраслях, как промышленность, сельское хозяйство, транспорт, телекоммуникации, энергетика, строительные и транспортные услуги и защита окружающей среды. Кроме того, стороны Договора поддерживают двусторонние и многосторонние совместные инвестиционные проекты в своих и третьих странах [5].

Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики о взаимном содействии осуществлению и защите инвестиций «применяется в отношении инвестиций на территории государства одной Договаривающейся Стороны, осуществленных в соответствии с ее законодательством инвесторами государства другой Договаривающейся Стороны...». Кроме того, «...каждая из Договаривающихся Сторон на своей территории будет поощрять инвестиции инвесторов государства другой Договаривающейся Стороны настолько, насколько это возможно... Инвестициям инвесторов государств Договаривающихся Сторон на постоянной основе предоставляется режим в соответствии с минимальным стандартом для иностранцев, предусмотренным международным правом, включая справедливое и равное отношение, полную защиту и охрану на территории государства другой Договаривающейся Стороны». Вместе с тем данным документом установлено, что «каждая из Договаривающихся Сторон предоставляет осуществленным на своей территории инвестициям режим не менее благоприятный, чем тот, который предоставляется при аналогичных обстоятельствах инвестициям своих инвесторов или инвестициям инвесторов третьего государства, в зависимости от того, какой из этих режимов является наиболее благоприятным в отношении учреждения, управления, функционирования, осуществления, приобретения, расширения, продажи, ликвидации или передачи инвестиций» [16].

Соглашением между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики о системе содействия взаимной торговле была сформирована Система содействия взаимной торговле (ССВТ), которая ос-

нована на обмене важной информацией о перемещении товаров и транспортных средств в соответствии с техническими условиями обмена информацией. Соглашение предусматривает, что «участники внешнеэкономической деятельности, в отношении которых применяется ССВТ, будут получать следующие преимущества: а) приоритетный порядок оформления в пунктах пропуска в соответствии с национальным законодательством Сторон; б) упрощение таможенных формальностей, где это возможно, включая выделение отдельных полос в целях сокращения времени оформления; в) неприменение таможенного досмотра в пунктах пропуска, за исключением случаев наличия признаков таможенных правонарушений или контрабанды» [18].

Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики о международных комбинированных перевозках грузов в числе прочего направлено на регулирование двусторонних отношений в условиях возрастающих объемов грузовых перевозок между Беларусью и Турцией, а также на интеграцию транспортных сетей стран Восточной Европы, Прибалтики, Черноморского бассейна, Ближнего Востока и Кавказа. В связи с этим документом предусматривается весьма широкая область применения. Соглашение «применяется в области международных комбинированных перевозок грузов с использованием железнодорожного, водного и (или) автомобильного транспорта, осуществляемых транспортным средством, зарегистрированным на территории государства одной из Договаривающихся Сторон, между территориями государств Договаривающихся Сторон или транзитом по территории государств одной или обеих Договаривающихся Сторон» [17].

Таким образом, положения даже приведенных документов создают тесные двусторонние экономические связи, с помощью которых Турция и Беларусь укрепляют положение в евразийском экономическом и политическом пространстве. С точки зрения официальных протоколов и соглашений экономические связи Турции и Беларуси охватывают значительное число сфер экономической деятельности, закрепляют равные позиции стран в этом партнерстве.

С момента провозглашения суверенитета Беларуси белорусско-турецкие торговые и экономические отношения поступательно развиваются в рамках заключенных соглашений. Во многих областях, таких как экономика, инвестиции, торговля, передовые технологии, культура и гуманитарная область, оборонная промышленность, борьба с терроризмом, между Беларусью и Турцией налажено успешное сотрудничество. Как отметил Й. Гердан, основы торговли между Турцией и Беларусью были заложены еще во время существования СССР

и, следовательно, нельзя сказать, что они стали развиваться с нуля после обретения Беларусью независимости. В 1992 г. товарооборот между Турцией и Беларусью составлял 8,579 млн дол. США, а в 1993 г. — 3,235 млн дол. США, т. е. до 1994 г. объем товарооборота оставался незначительным. Первое оживление торгово-экономического сотрудничества отмечалось в 1995—1998 гг., однако на возрастание показателей сильно повлиял кризис 1998 г. [3, с. 81]. Очередной рост товарооборота между Беларусью и Турцией наблюдался с 2000 по 2008 г. В 2000 г. турецкий экспорт резко возрос и составил 11,7 млн дол. США, однако этот положительный сдвиг не смог закрепиться вследствие кризиса, поразившего экономику Турции в 2001 г. Объем товарооборота, составивший в 2000 г. около 30 млн дол. США, к 2008 г. вырос до 266 млн. Очередной экономический кризис отразился на белорусско-турецких отношениях, однако уже с 2010 г. вновь начал наблюдаться рост показателей внешнеэкономической деятельности Беларуси в целом и белорусско-турецкого товарооборота в частности [7, с. 122].

Экономические отношения между Турцией и Беларусью стали достаточно тесными. Страны активно сотрудничали в сфере торговли товарами и услугами, при этом Турция являлась одним из крупнейших торговых партнеров Беларуси. Кроме того, Турция вкладывала значительные средства в белорусскую экономику, особенно в такие секторы, как энергетика и услуги, а также в развитие транспортной инфраструктуры Беларуси. Налаживались связи в сфере туризма (Турция всегда была популярным направлением у белорусских туристов). Развивалось сотрудничество в области сельского хозяйства: Турция экспортировала сельскохозяйственную продукцию в Беларусь, и наоборот.

Турция является одним из самых крупных инвесторов в экономику Беларуси. Турецкие бизнесмены инвестируют в белорусскую промышленность, строительство и сферу обслуживания. Первые турецкие инвесторы появились в Беларуси в 1991 г., однако их число было незначительным. Белорусско-турецкое инвестиционное сотрудничество активно развивалось, постепенно выделились и сформировались основные направления турецких инвестиций. Среди них стоит отметить строительную сферу, связь и транспортные коммуникации, легкую промышленность [15].

С 2000-х гг. турецкие компании начали более активную инвестиционную деятельность, чему способствовала внутренняя экономическая ситуация в самой Турции. Среди примеров успешной инвестиционной деятельности турецких бизнесменов в Беларуси можно назвать реконструкцию отеля «Минск», строительство отелей «*Crowne Plaza*», «Президент-Отель» и бизнес-центра «Журавинка», создание компании «*Life*» после покупки большей части

«БеСТ» турецкой фирмой «*Turkcell*» [12, с. 103; 14, с. 105], открытие магазинов одежды марок «*LC Waikiki*», «*Koton*», «*Colin's*» и «*DeFacto*».

В секторе подрядных работ в Беларуси заняты несколько турецких фирм. Одной из самых крупных является группа компаний «Эмсаш» (*Emsaş*), которой принадлежат такие проекты, как «Президент-Отель» и Аквапарк в Минске. В целом за 2008—2017 гг. в Беларуси турецкие строители реализовали проекты примерно на 414 млн дол. США [12, с. 103]. Так, в 2012 г. на белорусский строительный рынок вышла одна из крупнейших турецких компаний «Ренессанс Констракшн» («*Renaissance Construction*»). Компания инвестировала около 150 млн дол. США в строительство многофункционального комплекса «*Galleria Minsk*» [21].

Кроме столичного региона, Турция активно сотрудничала со свободными экономическими зонами (СЭЗ) и предприятиями, расположенными в других областях Беларуси. Во второй половине 2010-х гг. центром экономической активности стала СЭЗ «Могилев». Предприятие с турецким капиталом ИООО «СБИ Каучук» работает в СЭЗ «Могилев» с 2009 г. и выпускает резиновые уплотнители для различных строительных конструкций. К 2020 г. предприятие показало наращивание мощностей и устойчивое развитие, выпускает около 3000 т продукции [20]. Резидент СЭЗ ООО «Бел-Эмса» создало 115 рабочих мест. Фирма выпускает товары под маркой «*Senso Baby*», 60 % продукции экспортирует в 15 стран мира, 40 % поступает на белорусский рынок [20].

Э. Дженгиз отмечал, что зарубежные инвесторы инвестировали в промышленный сектор (42,9 %), торговый и сектор общественного питания (8,5 %), транспортный (6,3 %), коммуникационный (4,1 %) и строительный секторы (1,6 %). В рамках промышленного сектора особый интерес представляли автомобильная, нефтехимическая, лесная продукция, электроника, потребительские товары и продовольствие [7, с. 125].

Сотрудничество двух стран в полной мере поддерживается белорусским государством. Еще в октябре 2015 г. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко подтвердил, что государственные органы Беларуси, как и страна в целом «готовы стать проводниками турецкого присутствия на пространстве Евразийского экономического союза. У нас есть необходимый для этого промышленный и научно-технологический потенциал» [13].

Сотрудничество с Турцией позволяет Беларуси расширить присутствие на восточных рынках сбыта продукции и диверсификацию экспорта, так как белорусское правительство, формируя свой международный курс, уделяет большое внимание восточному направлению внешней политики. Турецкий капитал выходит на рынки Евразийского экономического союза. Объем торговли между Турцией и Бела-

русью в 2019 г. составил 900,3 млн дол. США (759,2 млн дол. США экспорта Турции в Беларусь, 141,1 млн дол. США экспорта Беларуси в Турцию). В 2019 г. объем турецких инвестиций в экономику Беларуси составил 43,9 млн дол. США. В этом же году в Беларуси было зарегистрировано 139 компаний с капиталом из Турции [22].

Деятельность Белорусско-Турецкого делового совета способствует развитию торгово-экономических отношений двух стран и укреплению связей между представителями бизнеса. В соответствии с его решениями был реализован План действий по развитию белорусско-турецких отношений в областях внешней торговли, инвестиций и строительства, приняты меры по упрощению и ускорению процедур выдачи виз, изучены возможности создания специального торгового режима и налаживания сотрудничества между промышленными объектами двух стран. 15-е заседание Белорусско-Турецкого делового совета было проведено в феврале 2018 г. в Минске в рамках визита Премьер-министра Турции в Беларусь, а 16-е заседание состоялось в Анкаре в апреле 2019 г. в рамках бизнес-форума в ходе визита Президента Республики Беларусь в Турцию [6].

Межправительственная комиссия является важным механизмом укрепления двустороннего сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах, так как представляет собой основной двусторонний орган согласования совместной политики сотрудничества в данных областях. Так, в 2019 г. были подписаны декларация о сотрудничестве между Министерством иностранных дел Беларуси и Министерством лесного хозяйства и водных ресурсов Турции, а также декларации о намерениях в сферах лесного хозяйства, метеорологии и в области водных ресурсов. Заключены меморандумы о взаимопонимании между Национальным центром маркетинга и конъюнктуры цен Беларуси и Советом по внешне-экономическим связям Турции. Кроме того, подписан план совместных действий между администрацией СЭЗ «Могилев» и Комитетом по развитию и поддержке малого и среднего бизнеса Турции [1].

В 2020 г. Чрезвычайный и Полномочный Посол Турции в Республике Беларусь М. Озджан на встрече в рамках районно-городского форума «Могилев — Амасья», организованной по инициативе турецких деловых кругов, отметил, что поворотной точкой в выстраивании взаимоотношений двух стран стал визит в 2016 г. Президента Турции Р. Т. Эрдогана в Беларусь. С этого времени наблюдается устойчивая динамика партнерства, однако картина экономических отношений не отражает дух общего диалога между государствами. Поэтому поставлена задача увеличить товарооборот до 1,5 млрд дол. США при соблюдении баланса

партнерства. Вместе с тем турецкая сторона не только поддерживает развитие торговых отношений, но и выступает за совместные инвестиции и инвестиционные проекты с выходом на рынки третьих стран [20].

В 2021 г. товарооборот двух стран впервые превысил 1 млрд дол. США. В этом же году оборот услуг между Беларусью и Турцией составил 94,8 млн дол. США (161,8 % к аналогичному периоду 2020 г.), экспорт услуг — 52,8 млн дол. (133,8%), импорт — 42 млн дол. (219,5 %), saldo положительное (10,8 млн дол. США) [10].

Таким образом, торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество между Турцией и Беларусью обладает устойчивой динамикой. Несмотря на кризисы и спады, оно расширяется и охватывает новые области. Стороны высказывают намерения увеличить товарооборот и вывести сотрудничество в торгово-экономической сфере на новый уровень. Осуществляется работа, направленная на активизацию двустороннего сотрудничества, включая визиты представителей деловых кругов и правительства.

Экономическое сотрудничество Турции и Беларуси характеризуется как в достаточной степени активное и взаимовыгодное. Для содержательной и последовательной работы в рамках двусторонних экономических отношений создана хорошая правовая база. В документах турецкой стороне предоставляются

равные, справедливые, прозрачные условия для осуществления экономической деятельности совместно с белорусской стороной. Однако в 2011 г. некоторые турецкие эксперты с осторожностью оценивали перспективы экономического сотрудничества с Беларусью. Они отмечали проблемы соответствующего законодательства для инвесторов и указывали на то, что в крупном бизнесе сохраняется влияние государства, частный сектор состоит из небольших предприятий, распространена система штрафов, а административные процессы в достаточной мере бюрократизированы [7, с. 127].

Вместе с тем особенности экономических контактов двух стран определяются плавным переходом от торговых связей к обширным инвестициям турецкого бизнеса в экономику Беларуси, причем в инвестиционных проектах представлены традиционно «сильные» области турецкой экономики: строительство и легкая промышленность. Позиция представителей Турции по вопросам экономического сотрудничества с Беларусью может быть охарактеризована как оптимистическая. Турецкие бизнесмены, несмотря на ряд сложностей, получают поддержку своего государства. Поэтому можно говорить о постепенном наращивании объемов инвестиций и развития производства, укреплении и расширении торговых связей.

Список использованных источников

1. Беларусь и Турция подписали семь документов по итогам заседания Межправкомиссии в Минске [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь в Турецкой Республике. — Режим доступа: <<https://turkey.mfa.gov.by/ru/embassy/news/c44138d122b1do3b.html>>. — Дата доступа: 18.11.2023.
2. Васильева, Е. Э. Либерализация турецкой экономики: уроки для Беларуси // Беларусь — Турция: пути сотрудничества: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 8 дек. 2009 г. — Минск: Четыре четверти, 2010. — С. 83—88.
3. Гердан, Й. Белорусско-турецкие экономические отношения: современное состояние, проблемы и перспективы / Й. Гердан // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2002. — № 3. — С. 81—84.
4. Гердан, Й. Экономическое развитие Турции и перспективы сотрудничества с Республикой Беларусь / Й. Гердан // Беларусь в современном мире: материалы XV Междунар. науч. конф., посвящ. 95-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 27 окт. 2016 г. — Минск, 2016. — С. 150—151.
5. Дагавор аб дружбе і супрацоўніцтве паміж Рэспублікай Беларусь і Турэцкай Рэспублікай: [падпіс. ў г. Анкары 24.07.1996 г.] [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.
6. Деловые советы. Перспективная площадка в поддержку Вашего бизнеса [Электронный ресурс] // Белорусская торгово-промышленная палата. — Режим доступа: <<https://www.cci.by/o-palate/partnery-beltp/delovye-sovety/>>. — Дата доступа: 18.11.2023.
7. Дженгиз, Э. Оценка коммерческих связей Беларуси и Турции / Э. Дженгиз // Беларусь — Турция: пути сотрудничества: материалы Второй междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25 февр. 2011 г. — Минск: Четыре четверти, 2011. — С. 115—129.
8. Договорно-правовая база [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь в Турецкой Республике. — Режим доступа: <https://turkey.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/agreements/>. — Дата доступа: 18.11.2023.
9. Йылмаз, Х. Различные предложения в области экономических отношений Беларуси и Турции / Х. Йылмаз, С. Гёктен // Беларусь — Турция: пути сотрудничества: материалы Второй междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25 февр. 2011 г. — Минск: Четыре четверти, 2011. — С. 111—114.
10. Национальная экспозиция Беларуси будет представлена на главной выставке в Турции [Электронный ресурс] // Национальный центр маркетинга. — 19.07.2022. — Режим доступа: <<https://ncmps.by/news/natsionalnaya-ekspozitsiya-belarusi-budet-predstavlena-na-glavnoy-vystavke-v-turtsii/>>. — Дата доступа: 24.11.2023.
11. Нечай, А. А. Либерализация турецкой экономики и привлечение иностранного капитала / А. А. Нечай // Беларусь — Турция: пути сотрудничества: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 8 дек. 2009 г. — Минск: Четыре четверти, 2010. — С. 133—137.
12. Овечкина, О. М. Инвестиции Турецкой Республики в строительный сектор экономики Республики Беларусь / О. М. Овечкина // Новая экономика. — 2019. — № 2. — С. 101—104.
13. Полежай, Т. Лукашенко: Беларуси и Турции необходимо переводить диалог в разряд стратегического партнерства / Т. Полежай [Электронный ресурс] // БЕЛТА. — 05.10.2015. — Режим доступа: <<https://www.belta.by/president/view/lukashenko-belarusi-i-turtsii-neobhodimo-perevodit-dialog-v-razrad-strategicheskogo-partnerstva-165189-2015/>>. — Дата доступа: 24.11.2023.

14. Рупакова, Е. А. Турецкие инвестиционные проекты в Республике Беларусь / Е. А. Рупакова // Беларусь — Турция: пути сотрудничества: материалы Второй междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25 февр. 2011 г. — Минск: Четыре четверти, 2011. — С. 103—110.
15. Семак, Е. А. Развитие экономического сотрудничества Беларуси и Турции в условиях мирового финансового кризиса / Е. А. Семак // Беларусь — Турция: пути сотрудничества: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 8 дек. 2009 г. — Минск: Четыре четверти, 2010. — С. 70—75.
16. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики о взаимном содействии осуществлению и защите инвестиций: [подп. 14 февр. 2018 г. в г. Минске] [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.
17. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики о международных комбинированных перевозках грузов: [подп. 14 февр. 2018 г. в г. Минске] [Электронный ресурс] // Там же.
18. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики о системе содействия взаимной торговле: [подп. 11 нояб. 2016 г. в г. Минске] [Электронный ресурс] // Там же.
19. Трушкевич, А. А. Значение взаимодействия с Турецкой Республикой для развития национальной экономики Республики Беларусь / А. А. Трушкевич // Человек, психология, экономика, право, управление: проблемы и перспективы: материалы XXII Междунар. науч. конф. аспирантов, магистрантов и студентов, Минск, 17 мая 2019 г. / Минск. инновац. ун-т. — Минск, 2019. — С. 40—41.
20. Турецкие компании расширяют производства в Могилеве [Электронный ресурс] // Могилевский городской исполнительный комитет. — 21.02.2020. — Режим доступа: <<https://mogilev.gov.by/ekonomika-i-proizvodstvo/37005-turetskie-kompanii-rasshiryayut-proizvodstva-v-mogileve>>. — Дата доступа: 24.11.2023.
21. Турецкий бизнес чувствует себя спокойно в Беларуси [Электронный ресурс] // Sputnik Беларусь. — 04.12.2015. — Режим доступа: <<https://sputnik.by/20151204/1018829725.html>>. — Дата доступа: 22.11.2023.
22. Турции выгодно объединить усилия с Беларусью в промышленности — турецкий эксперт: [интервью с доктором политических наук, преподавателем Университета общественных наук Анкары Ресулом Ялчином] [Электронный ресурс] // Евразия Эксперт. — 17.07.2020. — Режим доступа: <<https://eurasia.expert/turtsii-vygodno-obedinit-usiliya-s-belarusyu/>>. — Дата доступа: 24.11.2023.

Статья поступила в редакцию 15 декабря 2023 г.

СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ И СТРАН АСЕАН В СФЕРЕ НЕТРАДИЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОДВИЖЕНИЯ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»

Ван Лэпин

В статье рассматриваются особенности развития сотрудничества между Китаем и странами АСЕАН в сфере нетрадиционной безопасности в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Угрозы для нетрадиционной безопасности — новый вызов для региональной и глобальной безопасности, с которым сталкивается современное общество, поскольку проблемы, связанные с нетрадиционной безопасностью, приобретают все более широкий и сложный характер. В связи с этим, все больше стран и международных организаций уделяют повышенное внимание вопросам нетрадиционной безопасности, заинтересованы в укреплении и расширении сотрудничества в данной сфере. Автор приходит к выводу о том, что с момента выдвигения инициативы «Один пояс, один путь» Китай и страны АСЕАН подписали ряд документов о сотрудничестве по противодействию нетрадиционным угрозам безопасности, активизировали совместные усилия по предотвращению и устранению последствий угроз и различных кризисных ситуаций, что позволило им достичь значительного прогресса и ускорить тем самым продвижение китайской инициативы.

Ключевые слова: АСЕАН; болезни и эпидемии; КНР; нетрадиционная безопасность; трансграничная преступность; управление стихийными бедствиями.

«China — ASEAN Cooperation in Non-Traditional Security in the Context of Promoting the Belt and Road Initiative» (Wang Leping)

The article discusses the features of the development of cooperation between China and ASEAN countries in the field of non-traditional security within the framework of the Belt and Road initiative. Non-traditional security threats are a new challenge to regional and global security faced by modern society, as problems related to non-traditional security are becoming increasingly broad and complex. Accordingly, more and more countries and international organisations have started paying attention to non-traditional security issues and strengthening cooperation in this field. The author concludes that since the launch of the Belt and Road initiative, China and ASEAN countries have signed a number of documents on cooperation in countering non-traditional security threats, intensified joint efforts to prevent and eliminate the consequences of threats and various crisis situations, which allowed them to achieve significant progress and thus accelerate the advancement of the Chinese initiative.

Keywords: ASEAN; China; disaster management; diseases and epidemics; non-traditional security; transnational crime.

Реализация инициативы «Один пояс, один путь» играет важную роль в укреплении взаимовыгодных отношений между Китаем и странами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Данная инициатива создала надежную платформу сотрудничества для обеих сторон, способствовала углублению экономических связей посредством совместного строительства инфраструктуры и активизации торговых обменов, а также укреплению взаимного доверия.

Цель данной статьи — раскрыть особенности развития сотрудничества в сфере нетрадиционной безопасности между Китаем и странами АСЕАН в контексте продвижения

инициативы «Один пояс, один путь» по различным направлениям. Взаимодействие Китая и АСЕАН в области нетрадиционной безопасности в китайских академических кругах осуществляется по вопросам секьюритизации, регионального сотрудничества в области безопасности и управления глобальной безопасностью [8]. Китайские ученые Сюй Хуабинг [12] и Ю Сяофэн [35; 36] провели исследования по вопросам, связанным с нетрадиционной безопасностью. Сотрудничество между странами — членами АСЕАН и Китаем в борьбе с нетрадиционными угрозами безопасности в рамках инициативы «Один пояс, один путь» является предметом исследований китай-

Автор:

Ван Лэпин — аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: wangleping96@gmail.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Wang Leping — post-graduate student of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: wangleping96@gmail.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

ских экспертов Чжуан Хуа, Ма Чжунхун [14], Фэн Икай, Ван Цзунбинь, Ши Цзюньи, Гао Лицюнь, Цзинь Иньцзи [18]. Важными источниками послужили официальные сайты министерств и ведомств Китая, а также сайты новостных агентств.

В научных исследованиях, как правило, традиционная безопасность ассоциируется с военной сферой. В то же время нетрадиционная безопасность включает в себя невоенные вопросы, такие как экологические проблемы, нелегальная миграция и беженцы, контрабанда наркотиков, терроризм и т. д. Эти проблемы носят глобальный и транснациональный характер и часто требуют международного многостороннего сотрудничества для их разрешения [35, с. 41]. Китайские ученые считают, что все страны мира должны внедрять концепцию «ориентированности на людей» в деле противостояния нетрадиционным угрозам безопасности [12, с. 154]. Согласно китайской Голубой книге, посвященной угрозам нетрадиционной безопасности (2016—2017 гг.), инициатива «Один пояс, один путь» предоставляет странам всего мира важную основу для совместного участия в решении проблем нетрадиционной безопасности [36, с. 101].

До выдвижения инициативы «Один пояс, один путь» сотрудничество Китая и АСЕАН в сфере нетрадиционной безопасности на протяжении долгого периода было сосредоточено в основном на борьбе с терроризмом. Однако уже в начале XXI в. взаимодействие в сфере нетрадиционной безопасности стало охватывать новые направления. В 2002 г. на 6-й встрече лидеров Китая и АСЕАН была принята Совместная декларация Китая и АСЕАН о сотрудничестве в сфере нетрадиционной безопасности, в которой указывалось, что необходимо сосредоточить внимание на борьбе с незаконным оборотом наркотиков, нелегальной миграцией, торговле женщинами и детьми, пиратстве, терроризме, контрабанде оружия, отмывании денег, международной экономической преступности, киберугрозах и т. д. В документе подчеркивалось, что проблемы нетрадиционной безопасности требуют комплексного использования политических, экономических, дипломатических, правовых, технологических и других средств для их разрешения [30]. С выдвижением инициативы «Один пояс, один путь» Китай и страны АСЕАН столкнулись с серьезными проблемами в сфере нетрадиционной безопасности. В частности, очевидными угрозами стали трансграничная преступность, загрязнение окружающей среды и проблемы широкого распространения болезней и эпидемий. Кроме того, в силу больших различий между странами непросто является достижение единства взглядов на нетрадиционную безопасность.

Транснациональная преступность разнообразна и сложна по своей природе и представляет собой огромный вызов для безопасности

и стабильности в Восточной Азии. Трансграничная преступная деятельность, включая незаконный оборот наркотиков, контрабанду и киберпреступность, стала общей проблемой, с которой приходится сталкиваться как Китаю, так и странам АСЕАН. Благодаря расширению политического диалога на высоком и высшем уровне Китай и страны Юго-Восточной Азии укрепили сотрудничество в борьбе с транснациональной преступностью и достигли определенных результатов. В документе «Видение стратегического партнерства между КНР и АСЕАН до 2030 года», обнародованном на 21-й встрече лидеров Китая и АСЕАН в ноябре 2018 г., стороны признали необходимость укрепления сотрудничества в области безопасности, в том числе нетрадиционной безопасности. При этом отмечалось, что Китай и страны АСЕАН должны совместно решать трансграничные проблемы и оказывать противодействие нетрадиционным вызовам безопасности, угрожающим региональному миру и стабильности региона [24].

Успешное продвижение инициативы «Один пояс, один путь», несомненно, требует обеспечения безопасности инфраструктуры, создаваемой Китаем, а также достижения безопасности ресурсов. Заместитель министра иностранных дел Китая Ло Чжаохуэй в декабре 2020 г., выступая с речью «Нетрадиционные угрозы безопасности и международное контртеррористическое сотрудничество», отметил, что нетрадиционные угрозы безопасности требуют транснациональных ответных действий. Он подчеркнул, что «человечество — сообщество с единым будущим» и реагирование на нетрадиционные проблемы безопасности должно быть последовательным, устойчивым и долгосрочным, а не реактивным [13]. На Четвертом полицейском научном форуме Китай — АСЕАН, который состоялся в 2022 г., эксперты и ученые осуществили всесторонний обмен мнениями по таким вопросам, как борьба с транснациональной преступностью, региональное управление безопасностью и обеспечение безопасных условий для деятельности транснациональных инвестиционных компаний, а также обсудили возможности укрепления сотрудничества в борьбе с трансграничной преступностью [26].

Китай и АСЕАН создали механизмы сотрудничества по вопросам противодействия нетрадиционным угрозам: каждые два года проводятся министерские встречи по борьбе с транснациональной преступностью, обе стороны регулярно проводят совместные правоохранительные операции. Такая практика позволила добиться определенного прогресса, в частности в борьбе с наркотрафиком, торговлей людьми, нелегальной миграцией, что способствовало большей стабильности в регионе.

Юго-Восточная Азия всегда была одним из важных регионов для контрабанды наркотиков и злоупотребления ими. Управление

Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности опубликовало в 2019 г. отчет под названием «Эволюция, развитие и влияние организованной преступности в Юго-Восточной Азии», который является наиболее полным исследованием организованной преступности в Юго-Восточной Азии, проведенным ООН за последние годы. В отчете отмечается, что незаконный оборот синтетических наркотиков является самой прибыльной незаконной торговлей в Юго-Восточной Азии [39]. Эта деятельность представляет большую угрозу стабильному развитию стран АСЕАН и в целом демографической безопасности в регионе, что может негативно сказаться на реализации инициативы «Один пояс, один путь».

Учитывая важность борьбы с наркоманией руководство Китая и стран АСЕАН еще в начале XXI в. приняли решение о налаживании взаимодействия в этой сфере. В октябре 2000 г. в Бангкоке (Таиланд) состоялась первая Международная конференция по борьбе с наркотиками. На встрече были приняты План действий по сотрудничеству между АСЕАН и Китаем по борьбе с наркотиками, а также решение о создании рабочей группы по борьбе с наркотиками [4]. В 2005 г. на втором совещании стран АСЕАН и Китая по борьбе с наркотиками был обновлен План по борьбе с наркотиками. Стороны заявили о необходимости укрепления сотрудничества по контролю над наркотиками и проведения совместных операций в борьбе с их незаконным оборотом [6]. Кроме того, Китай оказал инфраструктурную помощь отдельным странам АСЕАН в борьбе с наркоманией. В частности, в ноябре 2017 г. премьер-министр Госсовета КНР Ли Кэцян и президент Филиппин Р. Дутерте провели переговоры, по результатам которых было принято решение о строительстве центров по борьбе с наркоманией на Филиппинах китайской стороной. Этот проект был успешно завершен: два центра для лечения наркомании были построены в 2018 и 2019 гг. В процессе строительства центров Китай нанял 450 филиппинских рабочих и активно участвовал в подготовке персонала строительных специальностей. Центры по борьбе с наркоманией в южных регионах Филиппин предоставляют наркозависимым госпитализацию, реабилитационное лечение, постоянное отслеживание состояния после лечения, проверку на наркозависимость и многие другие услуги. Завершение проекта показывает искреннее желание и решимость правительства Китая помочь Филиппинам в борьбе с наркотиками и решении связанных с ними проблем [28].

Реализация инициативы «Один пояс, один путь» в значительной степени способствовала перемещению персонала, материалов и средств в страны вдоль маршрутов проекта, что, к сожалению, создало новые возможности для осуществления преступной деятельности

в отдельных странах АСЕАН. Сиануквиль, где находится единственный глубоководный порт Камбоджи, с момента запуска китайской инициативы «Один пояс, один путь» испытал на себе приток мигрантов. Отчет Национальной полиции Камбоджи показал, что из 341 уголовного дела с участием иностранцев с января по март 2019 г. в 241 деле фигурировали граждане Китая [38]. Проблема наркотрафика в Сиануквиле продолжает усугубляться и, соответственно, требует своевременного реагирования правоохранительных органов Камбоджи [32].

В целях осуществления борьбы с наркотиками и, соответственно, поддержания нулевой толерантности к наркотикам Китай активно продвигает сотрудничество по вопросам противодействия наркоторговле с ключевыми странами, расположенными вдоль маршрутов инициативы «Один пояс, один путь», в частности с Мьянмой, Лаосом, Вьетнамом. КНР прилагает колоссальные усилия для борьбы с наркотиками в дельте Меконга, проводит региональные двусторонние и многосторонние специальные операции по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Для успешной реализации этой деятельности был учрежден совместный офис по борьбе с наркотиками в рамках «золотого треугольника» — района, расположенного на границе трех стран Юго-Восточной Азии: Таиланда, Мьянмы и Лаоса [1]. Этот регион на протяжении длительного времени является крупнейшим в мире производителем опиума и других наркотических средств, а также главным источником распространения наркотиков на территории Китая. По данным отчета по наркотической обстановке в Китае за 2021 г., героин и метамфетамин, поставляемые из «золотого треугольника», составляли соответственно 98,8 и 89,3 % от общего объема изъятых наркотиков [37]. Только в августе 2022 г. совместные патрульные органы Китая, Лаоса, Мьянмы и Таиланда, действующие в дельте Меконга, раскрыли 33 случая транспортировки наркотиков и изъяли 6,75 т наркотических средств [5].

С развитием сетевых информационных технологий стали распространяться преступные действия с использованием трансграничных телекоммуникационных сетей для совершения мошенничества, обычно с участием нескольких стран и регионов. В связи с этим страны АСЕАН и Китай демонстрируют намерения создавать механизм трансграничного обмена криминальной информацией, укреплять международное сотрудничество правоохранительных органов и повышать интенсивность борьбы с трансграничным телекоммуникационным мошенничеством. Так, в апреле 2021 г. председатель КНР Си Цзиньпин дал важные указания по борьбе с преступлениями в сети, связанными с мошенничеством, подчеркнув необходимость развития международного сотрудничества правоохранительных органов [10].

Юго-Восточная Азия является одним из наиболее подверженных природным катастрофам регионов мира: здесь часто происходят стихийные бедствия, например тайфуны, наводнения, землетрясения и т. д. Китай и страны АСЕАН находятся в непосредственной географической близости и, соответственно, сталкиваются с аналогичными природными катастрофами, которые наносят колоссальный урон экономике государств и приводят к многочисленным человеческим жертвам. Природные катаклизмы могут оказать негативное воздействие на продвижение инициативы «Один пояс, один путь», поскольку несут опасность разрушения инфраструктуры и, следовательно, экономические потери. Китай и страны Юго-Восточной Азии тесно сотрудничают для предотвращения и смягчения последствий природных катастроф, что закреплено в ряде документов, подписанных на правительственном уровне.

Китайское правительство неоднократно оказывало гуманитарную помощь странам АСЕАН. В июле 2015 г. в Мьянме произошло сильнейшее за последние 40 лет наводнение, в результате которого пострадали около 5 млн человек. Правительство Китая предоставило две партии гуманитарной помощи, в том числе 100 штурмовых катеров, медикаменты, водные насосы и т. д. [27]. В июле 2018 г., когда произошло обрушение плотины на гидроэлектростанции в Южном Лаосе, медицинская группа Народно-освободительной армии Китая направила 32 медицинских работника на место бедствия для проведения спасательных работ, оказав большую помощь Лаосу в его усилиях по ликвидации последствий наводнения [11].

Кроме предоставления экстренной и гуманитарной помощи, Китай также активно оказывает техническую поддержку странам Юго-Восточной Азии в области метеорологических предупреждений и устранения последствий природных катастроф. В сентябре 2016 г. в Гуанси прошел семинар Китая и стран АСЕАН по научно-техническим инновациям и ликвидации последствий тайфунов, на котором страны-участницы обсудили вопросы инноваций и применения научно-технических достижений в ликвидации последствий тайфунов [20]. По окончании семинара был проведен первый Форум по сотрудничеству Китая и АСЕАН в области метеорологии, на котором была принята Инициатива Китая и стран АСЕАН по сотрудничеству в области метеорологии. Инициатива направлена на разработку механизмов совместного мониторинга, раннее предупреждение возможных стихийных бедствий в Китае и странах АСЕАН [34], которые укрепляют сотрудничество между метеорологическими и гидрологическими службами, улучшают возможности предотвращения и смягчения последствий стихийных бедствий и изменения

климата, что содействует реализации инициативы «Один пояс, один путь» [9]. Развитие регионального сотрудничества в сферах гидрометеорологии и изменения климата позволило запустить научно-исследовательские проекты по тайфунам и проливным дождям, расширить сотрудничество между авиационными метеорологическими службами и повысить региональную подготовку кадров в сфере гидрометеорологии в рамках совместных образовательных программ. В рамках сотрудничества Китай — АСЕАН были проведены различные мероприятия: по снижению риска стихийных бедствий в регионе, по науке, технологии, инновациям и борьбе с тайфунами в 2017 г. [19], по снижению риска стихийных бедствий в 2018 г. [22] и форум высокопоставленных должностных лиц Китая и АСЕАН по сокращению бедствий и управлению чрезвычайными ситуациями в 2019 г. [21]. В частности, на семинаре по снижению риска стихийных бедствий Китай — АСЕАН, состоявшемся в 2018 г., официальные лица из отдела по борьбе со стихийными бедствиями и гуманитарной помощи Секретариата АСЕАН отметили, что в последние годы Китай активно предоставлял АСЕАН технологии и организовал обмен опытом для предотвращения и смягчения последствий стихийных бедствий. Беспилотные летательные аппараты и другое высокотехнологичное оборудование, предоставленное Китаем, стали для АСЕАН важным средством быстрой оценки ситуации в пострадавших от стихийных бедствий районах и снижения воздействия стихийных бедствий. В октябре 2021 г. состоялась первая министерская встреча Китая и АСЕАН по управлению стихийными бедствиями. В связи с пандемией *COVID-19* заседание проводилось в видеоформате. На встрече был утвержден План работы Китая — АСЕАН по управлению чрезвычайными ситуациями (2021—2025 гг.) и опубликовано совместное заявление, направленное на планирование сотрудничества Китая и АСЕАН в области управления чрезвычайными ситуациями [33].

В 2022 г. в рамках реализации Плана действий по всестороннему стратегическому партнерству Китая и АСЕАН (2022—2025 гг.) стороны подтвердили намерение укреплять сотрудничество в области метеорологии и управления рисками, применять метеорологические спутники и осуществлять подготовку персонала [23].

Гуанси-Чжуанский автономный район, расположенный в южной части Китая и граничащий с Вьетнамом и Лаосом, всегда был важным каналом общения между Китаем и странами Юго-Восточной Азии. В последние годы Гуанси активно участвует в инициативе «Один пояс, один путь» для расширения связей между Китаем и странами АСЕАН. Глава управления по чрезвычайным ситуациям Гуанси-Чжуанского автономного района

Сю Цзяньчжун заявил, что Гуанси намерен проводить совместные спасательные операции с соседними государствами, укреплять сотрудничество по предотвращению таких стихийных бедствий, как землетрясения, тайфуны и цунами, а также усиливать обмен информацией о стихийных бедствиях и расширять спасательные операции в случае климатических катастроф [31].

Важной составляющей совместного строительства инициативы «Один пояс, один путь» является активное осуществление Китаем научно-технического сотрудничества со странами-партнерами. Такое сотрудничество не только способствует укреплению научно-технического обмена между государствами, но и, что более важно, повышает способность стран к предотвращению и уменьшению последствий катастроф. В 2016 г. Китайская сейсмическая служба реализовала проект «Сеть сейсмического мониторинга в Юго-Восточной Азии» в рамках инициативы «Один пояс, один путь». В рамках проекта были предоставлены средства для создания центров сейсмического мониторинга в Лаосе, Мьянме и Малайзии, а также построены 14 станций сейсмического мониторинга в Индонезии. Это позволило значительно улучшить возможности мониторинга землетрясений в Юго-Восточной Азии и способствовало сотрудничеству между Китаем и странами АСЕАН в области предотвращения землетрясений и борьбы с последствиями бедствий [29].

Регион Юго-Восточной Азии является очень густонаселенным. Ввиду этого возрастает вероятность быстрого распространения опасных болезней, что может привести к большому числу жертв среди населения. С момента выдвижения инициативы «Один пояс, один путь» Китай уделяет особое внимание сотрудничеству в сфере здравоохранения. В опубликованном в 2015 г. Трехлетнем плане реализации содействия обмену и сотрудничеству в области здравоохранения в рамках инициативы указано, что основное сотрудничество будет осуществляться по таким направлениям, как борьба с инфекционными заболеваниями, традиционная медицина, развитие здравоохранения, подготовка кадров, пропаганда здорового образа жизни [3]. В октябре 2016 г. на Первом форуме Китай — АСЕАН по здравоохранению была опубликована Наньнинская декларация по сотрудничеству и развитию в области здравоохранения между Китаем и АСЕАН, в которой подчеркивалось, что потенциальную угрозу инфекционных заболеваний нельзя недооценивать. Стороны подчеркнули большое значение информационного обмена между Китаем и странами АСЕАН в контексте противодействия серьезным инфекционным заболеваниям, а также распространения опыта и обучения специалистов [15]. Данный форум проводится каждые два года и способствует сотрудничеству Китая и стран АСЕАН в области

профилактики и контроля инфекционных заболеваний, включая осуществление Стратегии по искоренению малярии на границе Китая и Мьянмы, Совместного проекта по ликвидации и контролю болезни, вызываемой кровососущими червями вдоль реки Меконг, и др. [18, с. 79]. 14 октября 2019 г. состоялось открытие конференции «Медицинский альянс университетов Китая и АСЕАН», организованной Центром «Китай — АСЕАН» и медицинским факультетом Пекинского университета [16]. На конференции была опубликована Совместная декларация, обеспечивающая платформу для расширения сотрудничества между Китаем и странами АСЕАН в области медицинского образования, научных исследований, здравоохранения и т. д. [17]. Это позволило расширить региональное сотрудничество и обеспечить координацию деятельности в области здравоохранения.

Регулярно организуются совместные семинары, проводятся совместные научные исследования, создаются совместные лаборатории, что содействует решению ключевых региональных и глобальных проблем, связанных со здоровьем населения. С начала 2020 г. по всему миру распространилась пандемия COVID-19. Китай и АСЕАН начали тесно сотрудничать уже на ранней стадии вспышки вируса. Китай предоставлял медицинские материалы и техническую поддержку АСЕАН, а также обеспечивал обмен опытом в борьбе с COVID-19. Согласно данным, опубликованным Министерством иностранных дел Китая в сообщении «Факты и цифры о сотрудничестве Китая и АСЕАН: 1991—2021 гг.», к декабрю 2021 г. Китай предоставил почти 600 млн доз вакцин странам АСЕАН и создал платформу «Друзья вакцин» с целью усилить сотрудничество с АСЕАН в области информации о вакцинах, их совместной разработки, производства и использования [25].

В октябре 2021 г. премьер-министр Госсовета КНР Ли Кэцян в своей речи на 24-м саммите лидеров Китай — АСЕАН заявил о готовности Китая совместно с АСЕАН реализовывать инициативу по общественному здравоохранению, уделяя особое внимание укреплению сотрудничества в области профилактики и борьбы с инфекционными заболеваниями, а также обучения кадров в области медицины и здравоохранения [7]. Для реализации этой инициативы медицинский факультет Пекинского университета при поддержке Министерства науки и технологий Китая заявил о создании Центра сотрудничества Китая и АСЕАН в области общественного здравоохранения (основан 25 апреля 2023 г.), ответственного за развитие взаимодействия по профилактике и борьбе с инфекционными заболеваниями, устранению кризисных ситуаций, разработке вакцин и лекарств, а также обучению кадров в области здравоохранения в странах АСЕАН [2].

Таким образом, для борьбы с нетрадиционными угрозами безопасности Китай и страны АСЕАН усиливают международное сотрудничество, создают эффективный механизм обмена информацией и расширяют взаимодействие в правоохранительной сфере. В контексте реализации инициативы «Один пояс, один путь» сотрудничество между Китаем и странами АСЕАН сталкивается с новыми вызовами и угрозами безопасности. Осуществляя деятельность в таких направлениях, как противодействие трансграничной преступности, предотвращение и устранение последствий

природных катастроф и общественное здравоохранение, стороны смогут лучше скоординировать свои усилия по борьбе с нетрадиционными угрозами безопасности, повысить общий уровень безопасности и стабильности региона, укрепить экономическое сотрудничество и углубить дружественные отношения между странами. Обеспечение безопасности и устойчивого развития в рамках инициативы «Один пояс, один путь» — долгосрочный процесс, который требует от стран совместной работы, что позволит внести важный вклад в процветание региона и мира в целом.

Список использованных источников

1. Бао чи дуй ду пин дэ лин жун жэнь во го шэн жу туй цзинь цзин ду жэнь минь чжань чжэн чэн сяо цзун шу = Поддержание нулевой терпимости к наркотикам — краткое изложение результатов активной пропаганды Китаем народной войны против наркотиков [Электронный ресурс] // Чжунго чжэнфу ван = Правительство КНР. — 26.06.2017. — Режим доступа: <http://www.gov.cn/xinwen/2017-06/26/content_5205744.htm>. — Дата доступа: 05.04.2023 (на кит. яз.).
2. Бэй да и сюе чжи чжэн чжун го дун мэн гун гун вэй шэн кэ ди хэ цзо чжун син цзянь шэ = Пекинский медицинский университет поддерживает строительство Центра сотрудничества Китая и АСЕАН в области общественного здравоохранения [Электронный ресурс] // Бэй да и сюе бу = Центр медицинских наук Пекинского университета. — 22.06.2022. — Режим доступа: <<https://bynews.bjmu.edu.cn/zhxw/2022/335116bb683469faf9fc714dea251c7.htm>>. — Дата доступа: 05.04.2023.
3. Го цзя вэй шэн цзи шэн вэй гуань юй туй цзинь и дай и лу вэй шэн цзяо лю хэ цзо сань нянь ши ши фан ань = Трехлетний план реализации содействия обмену и сотрудничеству в области здравоохранения в рамках инициативы «Один пояс, один путь» [Электронный ресурс] // Чжунхуа жэньминь гунхэго гоцзя вэйшэн цзянькан вэйюаньхуэй = Государственный комитет по делам здравоохранения КНР. — Режим доступа: <<http://www.nhc.gov.cn/ewebeditor/upl oadfile/2015/10/20151023161915772.docx>>. — Дата доступа: 05.03.2023 (на кит. яз.).
4. Гун ань бу цзюэ чжун го дун мэн цзинь ду хэ цзо хой и цзу син фа бу хой = В Министерстве общественной безопасности состоялась пресс-конференция, посвященная Конференции Китая и АСЕАН по сотрудничеству в борьбе с наркотиками [Электронный ресурс] // Сина синьвэнь чжунсинь = Новостной портал Китая. — 12.10.2005. — Режим доступа: <<https://news.sina.com.cn/c/2005-10-12/11287150801s.shtml>>. — Дата доступа: 19.06.2023 (на кит. яз.).
5. Ди 120 ци чжун лао мянь тай мэй гун хэ лян хэ чжи фа син дун юань мань вань чэн = Успешно завершена 120-я совместная патрульная и правоохранительная операция Китая, Лаоса, Мьянмы и Таиланда на реке Меконг [Электронный ресурс] // Го цзя ду пин вэн ти чжи ли янь цзю чжун син = Национальный исследовательский центр управления наркотиками. — 27.08.2022. — Режим доступа: <<https://dcppc.swupl.edu.cn/jddt/be508a7368d64459cfce4078263dc314.htm>>. — Дата доступа: 05.04.2023 (на кит. яз.).
6. Ди эр цзе дун мэн хэ чжун го цзинь ду хэ цзо хой и цзай бэй цзин чжао кай = В Пекине прошла вторая международная конференция АСЕАН — Китай по сотрудничеству в области контроля над наркотиками [Электронный ресурс] // Чжунго чжэнфу ван = Правительство КНР. — 18.10.2005. — Режим доступа: <http://www.gov.cn/gzdt/2005-10/18/content_79126.htm>. — Дата доступа: 05.04.2023 (на кит. яз.).
7. Ли кэ цян цзай жи 24 ци чжун го дун мэн лин дао жэнь хой и шан дэ цзян хуа = Выступление Ли Кэцяна на 24-м саммите лидеров Китай — АСЕАН [Электронный ресурс] // Чжунго чжэнфу ван = Правительство КНР. — 27.10.2021. — Режим доступа: <http://www.gov.cn/xinwen/2021-10/27/content_5645083.htm>. — Дата доступа: 05.04.2023 (на кит. яз.).
8. Ли Чэньян. Цзун ти го цзя ань цюань гуань ши юй ся чжун го дун мэн фэй чуан тун ань цюань хэ цзо тань си = Анализ нетрадиционного сотрудничества Китая и АСЕАН в области безопасности с точки зрения общей национальной безопасности / Ли Чэньян, Ян Цань // Тайпинянь сюэбао = Тихоокеан. журн. — 2021. — № 4. — С. 39–52 (на кит. яз.).
9. Наньнин чан и чжу туй и дай и лу = «Инициатива Наньнина» продвигает «Один пояс, один путь» [Электронный ресурс] // Чжунго цисянь цзюй = Метеорологическое управление КНР. — 16.12.2016. — Режим доступа: <https://www.sma.gov.cn/2011xzt/2016zt/2016121601/202111/t20211104_4168166.html>. — Дата доступа: 05.04.2023 (на кит. яз.).
10. Си Цзиньпин дуй да цзи чжи ли дьян син ван ло чжа пьнь фань цзуй гун цзо цзо чжун го чжи ши = Си Цзиньпин дал важные инструкции по пресечению преступлений в сфере телекоммуникаций и сетевого мошенничества [Электронный ресурс] // Чжунго чжэнфу ван = Правительство КНР. — 09.04.2021. — Режим доступа: <http://www.gov.cn/xinwen/2021-04/09/content_5598703.htm>. — Дата доступа: 05.04.2023 (на кит. яз.).
11. Сунь Гуангён. Чжун го ши лао во чжэнь чжэн дэ пэн ю = Китай — настоящий друг Лаоса / Сунь Гуангён, Чжао Ипу [Электронный ресурс] // Жэньминь ван = Народная сеть. — 31.07.2018. — Режим доступа: <<http://world.people.com.cn/n1/2018/0731/c1002-30179267.html>>. — Дата доступа: 05.04.2023 (на кит. яз.).
12. Сюй Хуабинг. Вэй цзи юй чжи ли чжун го фэй чуань тун ань цюань вэн ти юй чжань люе сюань цзэ = Кризис и управление: нетрадиционные вопросы безопасности и стратегический выбор Китая / Сюй Хуабинг. — Шанхай: Шанхай сань лян шу дьянь = Шанхай: Шанхай. кн. магазин Санлиан, 2016. — 218 с. (на кит. яз.).
13. Фэй чуан тун ань цюань вэй се юй го цзи фань кун хэ цзо = Нетрадиционные угрозы безопасности и международное контртеррористическое сотрудничество [Электронный ресурс] // Чжунго чжэнфу ван = Правительство КНР. — 22.12.2020. — Режим доступа: <https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zyjh_674906/202012/t20201222_7946333.shtml>. — Дата доступа: 05.04.2023 (на кит. яз.).
14. Чжун Хуа. Дун нань я ди цюй чжун го гун минь куа цзин ван ло фань цзуй цзи чжи ли янь цзю = Исследование трансграничной киберпреступности и управления китайскими гражданами в Юго-Восточной Азии / Чжун Хуа, Ма Чжунхун // Наньян вэнти яньцзю = Исследование проблем Наньян. — 2022. — № 4. — С. 132–154, 159 (на кит. яз.).
15. Чжун го дун мэн вэй шэн хэ цзо юй фа чжань нань нин сюань янь = Наньнинская декларация по сотрудничеству и развитию в области здравоохранения между Китаем и АСЕАН [Электронный ресурс] // Чжун хуа жэнь минь гун хэ го шан у бу = Министерство торговли КНР. — 28.10.2016. — Режим доступа: <<http://policy.mofcom.gov.cn/pact/pactContent.shtml?id=2820>>. — Дата доступа: 05.04.2023 (на кит. яз.).
16. Чжун го дун мэн гао сяо и сюе лян мэн = Медицинский альянс университетов Китая и АСЕАН [Электронный ресурс] // Чжун го дун мэн гао сяо и сюе лян мэн = Медицинский альянс университетов Китая и АСЕАН. — 19.08.2021. — Режим доступа: <<https://caucmh.bjmu.edu.cn/index/index/article.html?id=27#>>. — Дата доступа: 05.04.2023 (на кит. яз.).
17. Чжун го дун мэн гао сяо и сюе лян мэн чэн ли лян хэ сюань янь = Совместная декларация о создании Медицинского альянса университетов Китая и АСЕАН [Электронный ресурс] // Чжун го дун мэн гао сяо и сюе лян мэн =

- Медицинский альянс университетов Китая и АСЕАН. — 19.08.2021. — Режим доступа: <<https://caucmh.bjmu.edu.cn/index/index/article.html?id=28#>>. — Дата доступа: 05.04.2023 (на кит. яз.).
18. Чжун го дун мэн гун гун вэй шэн ань юань хэ цзо дэ цзи чжи тэ дьянь цзи тьяо чжань = Механизм, характеристики и проблемы сотрудничества Китая и АСЕАН в сфере общественного здравоохранения / Фэн Икай [и др.] // Чжун го вэй шэн чжэн цэ янь цзю = Исследование политики здравоохранения Китая. — 2022. — № 15 (11). — С. 75—81 (на кит. яз.).
19. Чжун го дун мэн кэ ти чуан син юй тай фэн цзай хай ин дуй янь тао хой цзай нань нин чжао кай = Семинар Китай—АСЕАН по науке, технологии, инновациям и борьбе с тайфунами прошел в Наньнине [Электронный ресурс] // Чжун-го синьвэнь ван = Новости Китая. — 14.09.2017. — Режим доступа: <<https://www.chinanews.com.cn/m/gn/2017/09-14/8331309.shtml>>. — Дата доступа: 23.04.2022 (на кит. яз.).
20. Чжун го дун мэн кэ цзи чуан син юй тай фэн цзай хай ин дуй янь тао хой цзай гуан си нань нин цзюй син = Семинар Китай — АСЕАН по научно-техническим инновациям и ликвидации последствий тайфунов в Наньнине, Гуанси [Электронный ресурс] // Жэньминь ван = Народная сеть. — 08.09.2016. — Режим доступа: <<http://world.people.com.cn/n1/2016/0908/c1002-28702014.html>>. — Дата доступа: 05.04.2023 (на кит. яз.).
21. Чжун го дун мэн цзянь цзай юй ин цзи гуань ли гао гуань лунь тань цзай нань нин цзай син = Форум высокопоставленных должностных лиц Китая и АСЕАН по сокращению бедствий и управлению чрезвычайными ситуациями 2019 года прошел в Наньнине [Электронный ресурс] // Чжунго синьвэнь ван = Новости Китая. — 25.10.2019. — Режим доступа: <<https://www.chinanews.com.cn/gn/2019/10-25/8989624.shtml>>. — Дата доступа: 23.04.2022 (на кит. яз.).
22. Чжун го дун мэн цзянь цин цзай хай фэн сянь янь тао хой цзай нань нин чжао кай = Семинар по снижению риска стихийных бедствий Китай — АСЕАН прошел в Наньнине, Гуанси [Электронный ресурс] // Чжунго синьвэнь ван = Новости Китая. — 05.09.2018. — Режим доступа: <<https://www.chinanews.com.cn/sh/2018/09-05/8619482.shtml>>. — Дата доступа: 23.04.2022 (на кит. яз.).
23. Чжун го дун мэн цюан мянь чжань люй хо бань гуань си син дун цзи хуа = План действий по всестороннему стратегическому партнерству Китая и АСЕАН (2022—2025) [Электронный ресурс] // Вай цзю бу = Министерство иностранных дел КНР. — 11.11.2022. — Режим доступа: <https://www.mfa.gov.cn/web/zili/ao_674904/1179_674909/202211/t20221111_10972996.shtml>. — Дата доступа: 05.04.2023 (на кит. яз.).
24. Чжун го дун мэн чжань люй хо бань гуань си цзюнянь юань цзинь = Видение стратегического партнерства между КНР и АСЕАН до 2030 года [Электронный ресурс] // Чжунго чжэнфу ван = Правительство КНР. — 15.11.2018. — Режим доступа: <http://www.gov.cn/xinwen/2018-11/15/content_5340677.htm>. — Дата доступа: 05.04.2023 (на кит. яз.).
25. Чжун го жун мэнхэ цзо ши ши юй шу цзюй 1991—2021 = Факты и цифры о сотрудничестве Китая и АСЕАН: 1991—2021 гг. [Электронный ресурс] // Вай цзю бу = Министерство иностранных дел КНР. — 31.12.2021. — Режим доступа: <https://www.fmprc.gov.cn/web/wjbxw_673019/202201/t20220105_10479078.shtml>. — Дата доступа: 05.04.2023 (на кит. яз.).
26. Чжун го хэ дун мэн тань тао цзя цзян хэ цзо да ди куа го фань цзуй = Китай и АСЕАН обсудили укрепление сотрудничества в борьбе с транснациональной преступностью [Электронный ресурс] // Чжунго синьвэнь ван = Новости Китая. — 14.09.2022. — Режим доступа: <<https://www.chinanews.com.cn/sh/2022/09-14/9851623.shtml>>. — Дата доступа: 05.04.2023 (на кит. яз.).
27. Чжун го чжэн фу сянь мянь дьянь чжэн фуцзин цзи ти гун цзоо вань юань жэнь минь би цзю цзай = Правительство Китая выделило 30 млн юаней на оказание чрезвычайной помощи правительству Мьянмы [Электронный ресурс] // Чжун хуа жэнь минь гун хэ го шан у бу = Министерство торговли КНР. — 14.07.2016. — Режим доступа: <<http://yws.mofcom.gov.cn/article/b/201607/20160701361567.shtml>>. — Дата доступа: 05.04.2023 (на кит. яз.).
28. Чжун го юань цзянь фэй люй пинь цзе ду чжун синь нань а гу сан сянь му цзюй бань и цзюй и ши = Состоялась церемония передачи китайского проекта реабилитации наркозависимых на Филиппинах в провинции Агусандель-Сур [Электронный ресурс] // Чжун хуа жэнь минь гунь хэ го чжу фэй люй пин гун хэ го да ши гуань = Посольство КНР в Республике Филиппины. — 10.04.2019. — Режим доступа: <http://ph.china-embassy.gov.cn/tpxw/201904/t20190410_1200298.htm>. — Дата доступа: 05.04.2023 (на кит. яз.).
29. Чжун го юй гун цзянь и дай и лу го цзя цзи цзи кай чжань кэ цзи хэ цзо се шо ин дуй цзай хай тьяо чжань = Китай и страны, совместно строящие «Один пояс, один путь», активно осуществляют научно-техническое сотрудничество и объединяют усилия для решения проблем стихийных бедствий [Электронный ресурс] // И дай и лу ван = Портал «Один пояс, один путь». — 06.10.2022. — Режим доступа: <<https://www.yidaiyilu.gov.cn/xwzx/hwxw/281988.htm>>. — Дата доступа: 23.04.2023 (на кит. яз.).
30. Чжун го юй дун мэн гуань юй фэй чуан тун ань цюань хэ цзо льянь хэ сюань янь = Совместная декларация Китая и АСЕАН о сотрудничестве в сферах нетрадиционной безопасности, Пномпень, 4 нояб. 2002 г. [Электронный ресурс] // Вай цзю бу = Министерство иностранных дел КНР. — 04.11.2002. — Режим доступа: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zuxw/200211/t20021112_277792.shtml>. — Дата доступа: 05.04.2023 (на кит. яз.).
31. Чжун го юй дун мэн фэнь сянь ин цзи гуань ли цзинь янь = Китай и АСЕАН обмениваются опытом управления чрезвычайными ситуациями [Электронный ресурс] // Чжунго синьвэнь ван = Новости Китая. — 10.12.2022. — Режим доступа: <<https://www.chinanews.com.cn/gj/2022/12-10/9912427.shtml>>. — Дата доступа: 23.04.2023 (на кит. яз.).
32. Чжун цзянь чжи фа хэ цзо нянь ци дун и ши цзай цзинь цзюй син = В Пекине прошла церемония открытия Года сотрудничества между правоохранительными органами Китая и Камбоджи [Электронный ресурс] // Чжунго чжэнфу ван = Правительство КНР. — 29.03.2019. — Режим доступа: <http://www.gov.cn/guowuyuan/2019-03/29/content_5378224.htm>. — Дата доступа: 05.04.2023 (на кит. яз.).
33. Шо цзе чжун го дун мэн цзай хай гуань ли бу чжань цзи хой и цзюй син = Состоялась первая министерская встреча Китая и АСЕАН по управлению стихийными бедствиями [Электронный ресурс] // Чжунго ин цзи гуань ли бу = Министерство по чрезвычайным ситуациям КНР. — 14.10.2021. — Режим доступа: <https://www.mem.gov.cn/xw/yjw/202110/t20211014_400081.shtml>. — Дата доступа: 23.04.2022 (на кит. яз.).
34. Шо цзе чжун го дун мэн цзи сянь хэ цзо лунь тань цзай наньнин чжао кай = В Наньнине прошел первый Форум по сотрудничеству Китая и АСЕАН в области метеорологии [Электронный ресурс] // Чжунго цисянь цзюй = Метеорологическое управление КНР. — 11.09.2016. — Режим доступа: <https://www.cma.gov.cn/2011xwzx/2011xqxw/2011xqdxuw/201609/t20160911_321586.html>. — Дата доступа: 05.04.2023 (на кит. яз.).
35. Ю Сюэфэн. Фэй чуань тун ань цюань гай лунь = Введение в нетрадиционную безопасность / Ю Сюэфэн. — Ханчжоу: Чжэ цзянь жэнь мин чу бан шэ = Ханчжоу: Чжэцзян. народ. изд-во, 2006. — 373 с. (на кит. яз.).
36. Ю Сюэфэн. Чжун го фэй чжуань тун ань цюань янь цзю бао гао (2016—2017) = Китайская Голубая книга по нетрадиционной безопасности (2016—2017 гг.) / Ю Сюэфэн. — Пэйцзин: Шэ хой кэ сюе вэнь сянь чу бань шэ = Пекин: Изд-во лит. по обществ. наукам, 2017. — 375 с. (на кит. яз.).
37. 2021 нянь чжун го ду цин син ши бао гао = Отчет по наркотической обстановке в Китае за 2021 год [Электронный ресурс] // Чжунго цзинь ду ван = Китайская сеть по борьбе с наркотиками. — 23.06.2022. — Режим доступа: <http://www.nnc626.com/2022-06/23/c_1211659746.htm>. — Дата доступа: 05.04.2023 (на кит. яз.).
38. Rim, S. The Social Costs of Chinese Transnational Crime in Sihanoukville / S. Rim [Electronic resource] // The Diplomat. — 05.06.2022. — Mode of access: <<https://thediplomat.com/2022/07/the-social-costs-of-chinese-transnational-crime-in-sihanoukville/>>. — Date of access: 05.04.2023.
39. Transnational Organized Crime in Southeast Asia: Evolution, Growth and Impact 2019 [Electronic resource] // United Nations Office on Drugs and Crime. — Mode of access: <https://www.unodc.org/roseap/uploads/archive/documents/Publications/2019/SEA_TOCTA_2019_web.pdf>. — Date of access: 05.04.2023.

Статья принята в редакцию 11 июля 2023 г., доработана в декабре 2023 г.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЛАСТВОВАНИЯ ВДОВСТВУЮЩЕЙ ИМПЕРАТРИЦЫ ЦЫСИ

Иван Чувилов

В статье рассматривается политическое развитие династии Цин под управлением вдовствующей императрицы Цыси. Исследование определяет личностный вклад императрицы в преобразование Китая в более прогрессивное государство. Несмотря на явные политические неудачи (японо-китайская война 1894—1895 гг. и подписание Симоносекского договора, восстание ихэтуаней и вторжение восьми держав, побег императорской семьи из столицы), правление Цыси характеризуется центральной ролью императрицы в управлении государством и смелыми, поступательными преобразованиями в империи: попытки превращения Китая в конституционную монархию, введения избирательной системы, отказ от ряда устаревших традиций в области социального и культурного развития, государственного управления и межкультурного диалога. Цыси удалось сформировать обширную дипломатическую миссию империи, структурировать и усовершенствовать таможенную и финансовую системы, в отдельные периоды ее правления укрепить отношения с иностранными государствами. Во время управления империей она проявляла политическую дальновидность, несмотря на собственный консервативно-охранительный подход к международным отношениям и политическим процессам внутри Китая.

Ключевые слова: вдовствующая императрица; династия Цин; политическая история Китая; Цыси.

«Political Aspects of the Rule of Empress Dowager Cixi» (Ivan Chuvilov)

The article studies the political development of the Qing dynasty under the reign of Empress Dowager Cixi. The research defines Cixi's personal contribution to the transformation of China into a more developed state. Despite clear political setbacks (the Sino-Japanese War of 1894—1895 and the signing of the Treaty of Shimonoseki, the Yihetuan uprising and the invasion of the Eight Powers, the flight of the imperial family from the capital), Cixi's reign is characterised by the central role of the empress in the administration of the empire and bold, progressive transformations in the state: attempts to turn China into a constitutional monarchy, the introduction of an electoral system, the rejection of a number of outdated traditions. Cixi managed to form an extensive diplomatic mission of the empire, structure and improve the customs and financial systems, and strengthen relations with foreign states in certain periods of her reign. During the time she ruled the empire, Cixi demonstrated political foresight, despite her own conservative and protective approach to international relations and political processes within China.

Keywords: Cixi; empress dowager; political history of China; Qing dynasty.

В политической истории Китая можно попытаться найти ответы или хотя бы некоторые намеки на то, каким образом реализуется современная внешнеполитическая стратегия страны. Нельзя спорить с тем, что история циклична. История Китая является в данном случае не исключением, а наоборот, ярким отдельным примером данного утверждения.

Политическая мысль в Китае формируется не одно столетие. Современные политические деятели КНР руководствуются принципами, которые были выработаны великими мыслителями прошлого. Так, влияние философских и политических концепций Конфуция, Сунь Цзы может быть прослежено во внутри- и внешнеполитических программах Китая XX и XXI вв.

В рамках данной статьи представляется достаточно убедительным рассмотрение политической деятельности вдовствующей императрицы Цыси, которая формально никогда и не правила Китаем. Изучение ее нетипичного взгляда на политическое развитие династии Цин и предпринятых шагов по разрешению кризисных ситуаций в империи поможет лучше понять политическую историю Китая, пролить свет на искаженные в отечественной и зарубежной науке сведения. Это также определяет актуальность рассматриваемой проблемы, когда в условиях современного усиления роли КНР в системе глобальных отношений явно возрастает интерес к ее историческому опыту.

Автор:

Чувилов Иван Алексеевич — кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: chuvilovIA@bsu.by
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Chuvilov Ivan — Candidate of Political Studies, Associate Professor of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: chuvilovIA@bsu.by
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

Среди существующей научной литературы на русском языке, посвященной жизни и политической деятельности Цыси, можно выделить монографии русского синоведа В. И. Семанова [6] и китайского ученого Цзюнь Чана [8]. При написании данной статьи основной источник качественной информации был получен именно из монографии Цзюнь Чана, поскольку в его исследовании наиболее полно проанализировано правление Цыси. В труде китайского историка объективно представлены основные исторические события конца династии Цин, дана справедливая оценка личности Цыси в истории. В монографии Г. Хейтер-Мензис [13] приведена история китайской империи при Цыси, изложенная женой американского дипломата в Китае С. Конгер. Анализ личности Цыси в художественной и научной литературе был осуществлен профессором А. О. Олдриджем [9]. Книга Дж. О. П. Блэнда представляет уникальные биографические сведения о Цыси, которые ранее не были опубликованы в научной литературе [10]. В труде Юй Дэлин (*Princess Der Ling*, также известной как *Elisabeth Antoinette White*) приведены интересные детали пребывания девушки в должности фрейлины у Цыси [15]. Для подготовки статьи использовались исследования китайского историка Сюй Че о правлении Гуансюя [7], а также научные статьи, в которых затронута политическое развитие династии Цин при вдовствующей императрице Цыси [1; 11].

Цель статьи — выявить роль Цыси в политическом развитии китайской империи при династии Цин. Следует подчеркнуть, что политическое развитие Китая в конце династии Цин под управлением вдовствующей императрицы Цыси в Беларуси не изучено. Представленная статья дополняет исторические сведения о династии Цин, в национальный научный оборот вводятся работы китайских и зарубежных исследователей политической истории императорского Китая.

Вхождение Цыси в ближайшее окружение императора. Цыси родилась в 1835 г. Имя, которое ей дали при рождении, доподлинно неизвестно. Уже в 16 лет девушка оказалась в императорском дворце, став наложницей императора Сяньфэна (Айсиньгоро Ичжу). Являясь представительницей маньчжуров, Цыси благодаря своему происхождению и предприимчивости смогла превзойти остальных наложниц и постепенно стать наиболее приближенной к императору. В 1856 г. Цыси родила императору сына — первого наследника империи (Тунчжи), что придало ей еще больше влияния при дворе. Так начался первый период правления Цыси, который можно именовать как «**внутридворцовый**».

Укрепление положения Цыси в империи происходило на фоне важных внешнеполитических событий, которые были связаны с первой (1840—1842 гг.) и второй (1856—1860 гг.)

опиумными войнами. Цыси, как пишет М. Воркман, жила в бурную эпоху китайской истории. Имперские западные державы вторгались в Китай и претендовали на древнюю землю как на свою собственность, в то время как китайское правительство, которое контролировалось маньчжурской династией, пыталось сохранить тысячелетние традиции и наследие страны посредством изоляции и самодостаточности [17, р. 1]. По результатам первой опиумной войны был подписан Нанкинский договор, в соответствии с которым Китай передавал Великобритании Гонконг, а также обязывался выплатить контрибуцию. В дополнение к Нанкинскому договору в 1843 г. был подписан Хумэньский договор, гарантировавший Британской империи привилегии в торговле с Китаем. Из-за поражения в этих войнах политическая ситуация в Китае была достаточно нестабильной, империя оказалась ослабленной на фоне постепенного укрепления влияния западных государств. Китаю пришлось прервать существовавший более 100 лет запрет на нахождение в империи иностранцев, согласиться на деятельность в государстве европейских миссионеров, открыть новые порты для внешней торговли (одним из таких портов был Шанхай) [2, с. 76—77]. Последствия опиумных войн стали одними из главных проблем внутри- и внешнеполитической обстановки в Китае, с которыми пришлось иметь дело Цыси, когда власть перешла к ней.

В последний год второй опиумной войны императору пришлось столкнуться с вторжением иностранных держав в столицу Пекин. Китайская армия, защищавшая пределы города, была разгромлена. Император и его ближайшее окружение были вынуждены бежать. Иностранные войска в качестве наказания для Китая сожгли Старый летний дворец — одну из резиденций императора. Этот дворец был излюбленным местом также и для Цыси, которая впоследствии всю свою жизнь пыталась вернуть резиденции первоначальный величественный облик. Иностранные войска посягнули на культурную архитектурную реликвию императорского Китая, разворовали находившиеся во дворце ценности и произведения искусства [2, с. 71].

В этот переломный момент император и его свита находились в бегах. Цзюнь Чан так описывает положение Цыси в тот период: «На протяжении невиданного нынешнего династического надлома Цыси еще не играла никакой политической роли. Она оставалась запертой в гареме, где ей было даже опасно намекать на свои воззрения. Ее роль состояла в том, чтобы приглядывать за сыном, которому в то время шел пятый год от роду» [8, с. 55]. При этом Цыси сумела воспользоваться сложившейся ситуацией, когда в 1861 г. император скончался. Власть перешла к Совету регентов. Цыси организовала переворот и взяла управление

империей в свои руки. В этом ей оказала полную поддержку императрица Цы Ань (супруга Сяньфэна). Цыси и Цы Ань обладали двумя красными печатями — символами императорской власти. Используя печати и договоренности с титулованными придворными, Цыси удалось сместить Совет регентов и издать указ (от имени императора Тунчжи, который еще был ребенком) о том, что управлять империей будут Цыси и Цы Ань. Цыси считала себя обязанной объявить, что править Китаем ее и императрицу Цы Ань заставляет сложившееся положение, а не личная прихоть. Данное событие может быть рассмотрено как отсчет начала политической самостоятельности Цыси [8, с. 77]. Таким образом, в рамках выделенного «внутридворцового» периода Цыси удалось войти в ближайшее окружение императора, сохранить влияние во время вынужденного бегства из столицы, воспользоваться сложившейся после смерти императора ситуацией и взять управление империей под свой контроль.

Политическая деятельность Цыси. Получив власть в свои руки, Цыси начала программно пересматривать политическое развитие империи. Ее взгляды также были консервативны, как и у прежних императоров. Тем не менее ее отличали реалистичный подход, понимание насущной необходимости реформ. В области внешней политики Цыси выбрала стратегию открытости Китая для остального мира и поиска компромиссов в отношениях с иностранными державами. Она осознавала, что выстраивание прочных политических и экономических связей с иностранцами, заимствование их опыта в торгово-экономической, политической и законодательной областях может стать основой успешного развития самого Китая.

После второй опиумной войны (1856—1860 гг.) в Китае началось «движение за самоусиление». Значительную роль в этом движении сыграла Цыси. Десятилетия, которые затронуло **«движение за самоусиление» (1861—1895 гг.)**, могут быть выделены как следующий период правления Цыси.

Для сохранения политической стабильности и обеспечения сохранности империи Цыси осознавала необходимость открытости Китая внешнему миру. Она инициировала учреждение внешнеполитического ведомства для установления связей с зарубежными государствами. Первое внешнеполитическое ведомство империи возглавил великий князь Гун — один из участников переворота, благодаря которому Цыси пришла к власти. Иностранная поддержка, полученная благодаря формированию доверительных внешнеполитических связей, помогла вдовствующей императрице подавить восстание тайпинов (1850—1864 гг.) [4, с. 239—240].

В области внешней торговли Цыси проявила свойственную ей дальновидность. Для координации внешнеторговой деятельности

по инициативе Цыси была реформирована таможенная служба, во главе которой был поставлен ирландец Р. Харт. Историк из Шанхайского университета Цзяотун Чан Чихунь высоко оценил вклад Р. Харта в модернизацию Китая: «В течение долгого XIX в. империя Цин неоднократно переживала упадок. Ухудшение ситуации в регионе было настолько резким, что потребовались большие усилия, чтобы приостановить данный процесс. После окончания второй опиумной войны в 1860 г. империя инициировала ряд реформ, которые продолжались более полувека. Некоторые называют эти реформы “вестернизацией” (фраза, инициированная Западом) или “самоусилением” (термин, специально используемый цинским правительством). Один иностранец всегда находился за кулисами, внимательно наблюдая за этими изменениями. Этим человеком был сэр Р. Харт, второй генеральный инспектор Китайской морской таможни. Он жил в Китае с 1854 по 1908 г. и все это время служил вдовствующей императрице Цыси. Год, когда он после отставки уехал в Лондон, был годом смерти императрицы. Жизнь и карьера Р. Харта в Китае предоставили некоторые из наиболее важных документов для понимания более широкой картины китайской истории. Он внес свой вклад не только в усилия Китая по модернизации, но и в изучение историками этих реформ» [8, с. 110]. Р. Харт еще в 1901 г. предсказал роль Китая как фабрики для всего мира: «Подождите несколько десятков лет, и Китай будет продавать за шиллинг с прибылью то, что Европе нужно произвести в полкороны» [14].

Продуктивная деятельность Р. Харта на посту генерального инспектора Китайской морской таможни предопределяла и направляла процесс поступательного развития внешнеэкономического сотрудничества империи Цин с мировыми державами. На фоне процессов в экономической сфере происходило усиление контактов в социальной и культурной областях. Как пишет Цзюнь Чан, «стремясь раскрыть своему народу глаза на внешний мир, Цыси стала отправлять за море китайских путешественников» [8, с. 108]. Так стали формироваться экспедиции (по своей сути дипломатические) для того, чтобы постепенно перенимать европейский опыт.

В период с 1861 по 1875 г. Цыси управляла империей через сына Айсиньгьоро Цзайчунь (Тунчжи). Молодой и неопытный император прожил короткую жизнь. С ранних лет ему преподавали основы конфуцианской этики, письма, истории. Но Тунчжи проявлял крайне мало интереса к подобным занятиям. Он не стремился к полноценному управлению империей. При Тунчжи началась реставрация Старого летнего дворца, что было в большей степени инициативой самой Цыси. Правление юного императора не было отмечено серьезными достижениями. Перед смертью Тунчжи

велел, чтобы государственными делами занялись Цыси и Цы Ань [8, с. 153]. Поэтому после смерти сына Цыси обрела еще большую полноту власти в империи. После Тунчжи следующим наследником престола был выбран Гуансюй, которого Цыси усыновила.

С мая по июль 1879 г. Китай посетил бывший американский президент У. Грант, который провел встречу с одной из самых важных фигур в политической системе династии Цин при Цыси — Ли Хунчжаном (одним из политиков, фактически выстраивавшим внешнюю политику империи). У. Грант и Ли Хунчжан в основном обсуждали вопросы модернизации Китая, а также урегулирования японо-китайских споров [8, с. 165]. Визит американского политика в Китай ознаменовал приверженность империи к диалогу с иностранцами, поиску выгодных направлений сотрудничества.

Важным аспектом упрочения империи стало возвращение Синьцзяна, превращение данной территории в китайскую провинцию. Цыси удалось сдержать растущие амбиции Российской империи по отношению к Синьцзяну, переговоры по этому вопросу доходили до критических моментов, грозящих началом новой войны. Разрешение вопроса было найдено дипломатическими методами [8, с. 184].

При Гуансюе власть Цыси была связана с необходимостью передачи части полномочий молодому императору, который после совершеннолетия обрел всю полноту правления. Молодой император при этом был умен, начитан и интересовался иностранными системами государственного управления и политическими реформами, но также был застенчив и, по мнению некоторых историков, не имел воли противостоять Цыси [12]. После фактической передачи полноты власти новому императору Цыси была вынуждена отстраниться от политических дел. В 1889—1894 гг. руководством внешней политикой империи занимался Гуансюй и его советники. В это время империя стала менее активной в международных вопросах.

Ослаблением империи без твердой руки Цыси воспользовалась Япония, которая к тому времени проводила ускоренную модернизацию армии. Первой целью японской агрессии стала Корея, находившаяся под формальной защитой Китайской империи в рамках трибунарной системы. Так началась японо-китайская война 1894—1895 гг. Цыси даже не была уведомлена о начале войны, она проживала в Летнем дворце без возможности управления внешнеполитической ситуацией. Цыси не удалось вывести империю из невыгодных для династии условий Симонсекского мирного договора, поэтому она не принимала участия в процедуре его ратификации. Цинский Китай утратил контроль над Тайванем, Ляодунским полуостровом, обязывался выплатить Японии 200 млн лян серебром [2, с. 133].

Китай вынужден был пойти на сближение с Российской империей, заключив с ней союзный договор. Цыси сместила с должности главного дипломата империи Ли Хунчжана, который был ответственным за заключение Симонсекского мирного договора. В качестве своеобразного наказания Цыси не лишила его полностью всех привилегий, а «отправила семидесятипятилетнего старика в полную трудностей экспедицию по замерзшей реке Хунанхэ проводить геологические исследования и предлагать способы обуздания паводков» [8, с. 289].

В правлении Цыси наступил **«переходный период»**. После повторного обретения полноты власти, когда по итогам японо-китайской войны император Гуансюй вынужден был подключить вдовствующую императрицу к решению политических вопросов, Цыси начала реформировать систему государственного управления. Упрочение позиций Цыси было невыгодно самому императору, пытавшемуся продвинуть собственный план реформ (так называемые 100 дней реформ). Была организована попытка убийства вдовствующей императрицы, которая отвергла предложенные императором планы реформ в империи. При этом важную роль сыграл Кан Ювэй — в основу реформаторской политики Гуансюя были положены именно его идеи. Цыси не была согласна с предложенной программой изменений. В империи воцарился хаос: соперничали крайне противоположные идеи о направлениях дальнейшего развития Китая. Цыси подавила подобные идеи в зачатке, поместила Гуансюя в небольшую усадьбу в Морском дворце (в Запретном городе), а остальных реформаторов приказала казнить. Кан Ювэй удалось избежать смерти. В эмиграции он инициировал движение за реформы в Китае от имени Гуансюя, продолжив развивать реформаторские идеи даже после того, как разразилась революция и возникла Китайская Республика [16, р. 538]. Профессор истории и мировой политики Йельского университета О. А. Вестад пишет, что для Цыси и сторонников традиций в империи в 1898 г. речь шла о сохранении их личной власти и защите Китая от внутренних угроз, Цыси видела в предложенных реформах угрозу для сохранения конфуцианской души Китая [2, с. 137].

Цыси стремилась установить дружественные отношения с иностранными дипломатами, организовывала личные приемы и встречи. Западные державы же стремились иметь в Китае собственные территории. Стала более активной миссионерская деятельность в империи. Особенно активизировались в государстве христианские миссии. Распространение христианства в Китае вызвало негодование местного населения, которое было привержено традиционным конфуцианским канонам. Цыси защищала христианские миссии, чтобы

не обострять отношения с иностранцами. Начали формироваться отряды сопротивления иностранному вмешательству. Ихэтуани были недовольны неравноправными договорами со странами Европы, по которым еще с середины XIX в. Китай терял территории и вынужден был выплачивать контрибуции. Ихэтуани выступали также против распространения христианства в Китае. Такие повстанческие отряды возникли на севере империи Цин. Цыси оказалась в сложном положении, так как, с одной стороны, она не хотела раскола общества в самой империи, а с другой — не желала эскалации конфликта с потенциальными европейскими союзниками [8, с. 374–375].

Политическая деятельность вдовствующей императрицы с самого начала выстраивалась на постулате о необходимости налаживания отношений с Европой и США, использования их опыта в развитии Китая (естественно, только с учетом китайских традиций). Этим можно объяснить то, что первоначально Цыси выступала против ихэтуаней и подавляла их мятежи. Интересно, что даже в такой ситуации вдовствующая императрица проявляла уникальные дипломатические навыки, не желая полностью уступать иностранному диктату.

Давление со стороны европейских держав стремительно набирало силу, они требовали полного уничтожения мятежников, которые выступали против европейского влияния в Китае. Это было прямой угрозой положению Цыси. Сложилась ситуация, когда власть в империи была под угрозой свержения извне. В Пекин для защиты иностранных дипломатов были введены небольшие боевые подразделения европейских государств. Цыси боялась свержения власти и решила стать на сторону ихэтуаней, способных оказать сопротивление иностранцам. В ответ последовали вторжение войск восьми государств в Китай и потеря контроля над фортами Дагу, расположенными в нескольких десятках километров от Тяньцзиня и Пекина. Цыси вынуждена была объявить войну восьми государствам — России, США, Японии, Великобритании, Франции, Германии, Италии и Австро-Венгрии. Главным оружием сопротивления государствам-агрессорам были ихэтуани. Однако китайская армия не смогла оказать должного сопротивления. Цыси вынуждена была бежать из столицы. Вдовствующая императрица забрала с собой в первую очередь императора и его супругу Лунъюй, других важных особ империи. Из-за нехватки транспортных средств не было возможности взять одну из наложниц императора, которая была у Цыси в немилости из-за сговора против нее и которую Цыси приказала бросить в колодезь [10, р. 210].

Вторжение восьми держав в Китай привело к еще большему ослаблению империи. Однако власть Цыси не рухнула, она продолжила управлять империей даже в изгнании. Намест-

ники вдовствующей императрицы остались лояльны к ней и настаивали, чтобы власть Цыси сохранилась после интервенции восьми держав. Многим в европейских столицах стало очевидно, что «только Цыси обладает умом для предохранения империи от распада; сдача ею престола наследнику станет причиной гражданской войны, которая для представителей Запада будет означать обвал торговли, отказ от платежей по ссудам и расширение движения ихэтуаней» [8, с. 389]. Так Цыси смогла вернуться в Пекин.

После восстания ихэтуаней и вторжения восьми держав в Китай Цыси осознала необходимость новаций и перемен. В целях реформирования государственных и политических основ в империи Цыси начала реализовывать свои смелые замыслы по преобразованию системы управления государством. Ее изменения касались политической, торгово-экономической, социальной и даже культурной сфер. Император Гуансюй формально был отстранен от государственных дел, в его обязанности входило посещение Тяньтаня (Храма Неба). В данном случае можно выделить начало следующего периода в правлении Цыси — **периода «новой политики»**, поскольку 29 января 1901 г. был опубликован указ о начале осуществления «новой политики» [1, с. 79]. Этот курс стал попыткой Цыси реформировать страну, усилить способности правительства управлять империей.

Наиболее важная новация Цыси — преобразование империи в конституционную монархию, внедрение избирательной системы. 1 сентября 1906 г. от имени Цыси была опубликована декларация, в которой обозначалась цель по установлению конституционной монархии с выборным парламентом, которая должна была сменить существующую абсолютную монархию в Китае [8, с. 462]. В последние годы правления Цыси возросла роль женщин в обществе, которые обрели ряд возможностей реализации своих прав. Цыси начала реализовывать программы обучения молодежи в зарубежных странах. Она планировала использовать полученные молодыми специалистами знания для восстановления империи. Уже с 1902 г. начался пересмотр правовой системы династии Цин. Была отменена смертная казнь «через тысячу порезов», введен запрет на пытки. Цыси инициировала создание национального банка, введение валюты (юань). При ее жизни была достигнута договоренность о постепенном сокращении количества ввозимого в Китай опиума.

Китайский историк Ду Бинбин выделил этапы преобразования государственного управления и административной системы империи Цин периода «новой политики»: «Подготовка преобразований началась с образовательной сферы. В 1903–1905 гг. были проведены изменения в государственной админи-

страции, образован ряд новых министерств с унифицированной организацией руководства и строго определенными функциями. В 1905 г. было принято решение о подготовке конституционной реформы, созданы государственные органы, ответственные за сбор и анализ мнений общественности по поводу введения конституции, а также за подготовку рекомендаций двору. В страны с конституционной формой правления были направлены официальные делегации для изучения их опыта... Реформы местного управления были нацелены на укрепление вертикали власти и лишали провинциальных губернаторов возможности бесконтрольно распоряжаться на подведомственных территориях. В административном аппарате появлялись специализированные органы, готовившие разделение трех ветвей власти. С 1907 г. на местах стали в официальном порядке создаваться органы местного самоуправления» [3, с. 21]. Административные реформы проводились под четким контролем Цыси, которая акцентировала внимание на необходимости адаптации династии Цин к новым международным и внутривластным условиям. «Новая политика» также предполагала подготовку новой армии и поиск средств на ее снабжение, отмену государственных экзаменов, свойственных конфуцианской традиции образовательной подготовки («кэцзюй»), открытие школ западного образца [5].

Историк-китаист А. А. Бокщанин, рассматривая «новую политику» Цинского правительства, считает, что Цыси в начале XX в. все же взяла курс на существенные политические и общественные преобразования, получившие наименование «новой политики», однако эти усилия оказались слишком поздними [1, с. 79].

Итоги правления Цыси. В 1908 г. Гуансюй находился при смерти из-за тяжелой болезни. Цыси в это же время также умерла. Гуансюю удавалось бороться с недугом, существовал шанс на выздоровление, но император все-таки был отравлен (о чем свидетельствуют исследования его останков, проведенные в 2008 г.). Доподлинно не известно, кто был его отравителем. Существует точка зрения, что это совершила Цыси, которая боялась, что Гуансюй переживет ее и продолжит самостоятельно править Китаем. Цыси умерла на следующий день после Гуансюя [8, с. 500].

В декрете, составленном перед своей смертью, Цыси назначила регента: «Вчера я издала указ, согласно которому Цзайфэн назначается регентом, и я приказываю, чтобы все дела правительства были в его руках. Охваченная смертельной болезнью и не имея надежды на

выздоровление, я приказываю, чтобы отныне управление империей было полностью в руках регента. Тем не менее, если возникнет какой-либо жизненно важный вопрос, относительно которого желательно выражение мнения вдовствующей императрицы, регент должен лично обратиться к ней за инструкциями» [8, с. 290]. Наследником престола стал старший сын Цзайфэна молодой Пу И, а вдовствующей императрицей — Лунъюй, жена Гуансюя. Новая вдовствующая императрица не пользовалась уважением при дворе, ее мнение Цыси и Гуансюй еще при жизни почти не учитывали.

Как пишет Цзюн Чан, Цыси осознавала, что проводимые ей реформы могут привести к падению династии, а пока она жива, маньчжурский престол может удержаться: «Как только она уйдет, ее преемнику может не хватить сил, а конституционная монархия, которую она старалась создать, дело темное... Последние часы жизни Цыси больше всего заботила судьба маньчжуров — ее собственного народа. Если восстание республиканцев на самом деле охватит всю империю, если только случится шанс избежать кровопролития, единственным вариантом для малочисленных маньчжуров будет капитуляция... Ни один мужчина не согласится на обсуждение капитуляции..., поэтому Цыси передала право принятия решения в условиях такого «исключительно опасного» поворота событий императрице Лунъюй. Цыси могла рассчитывать на то, что эта императрица сдаст династию ради гарантии собственного выживания, а также сохранения маньчжурского народа» [6, с. 502—503]. 12 февраля 1912 г. Лунъюй подписала указ об отречении императора, что стало концом династии Цин.

В результате исследования роли Цыси в политическом развитии Китая династии Цин была проведена периодизация правления Цыси, исходя из политических аспектов: 1) «внутридворцовый» период; 2) период «движения за самоусиление»; 3) переходный период; 4) период «новой политики».

Таким образом, наследие Цыси для Китая достаточно велико. Как неординарный правитель она смогла управлять империей несколько десятилетий, отстаивать собственную политику, ей также частично удавалось проводить смелые реформы. Наследие конфликтов второй половины XIX в., произошедших столкновений интересов Китая и зарубежных государств частично отражается на современной китайской политике. Несмотря на отмеченные историками недостатки политики Цыси, ее личность как пример яркого китайского правителя заслуживает научного внимания.

Список использованных источников

1. Бокщанин, А. А. Правительницы Китая / А. А. Бокщанин // Общество и государство в Китае: ученые записки отдела Китая ИВ РАН. Вып. 2. — М.: Ин-т востоковедения РАН, 2010. — С. 71—79.
2. Вестад, О. А. Беспокойная империя. Китай и мир с 1750 года: пер. с англ. / О. А. Вестад. — М.: Центрполиграф, 2014. — 639 с.

3. Ду Бинбин. Реформа административного аппарата империи Цин (1901—1911 гг.): автореф. ... дис. канд. ист. наук: 07.00.03 / Ду Бинбин; Рос. ун-т дружбы народов. — М., 2006. — 26 с.
4. Лю Чжан. Китай. Полная история / Лю Чжан. — М.: АСТ, 2023. — 304 с.
5. «Новая политика» конца эпохи Цин (清末“新政”) [Электронный ресурс] // Шанс: книжный магазин. — Режим доступа: <<https://shansbooks.ru/spravochnik-kitaista/novaya-politika-kontsa-epokhi-tsin/>>. — Дата доступа: 17.05.2023.
6. Семанов, В. И. Из жизни императрицы Цыси. 1835—1908. Изд. 2-е, испр. и доп. / В. И. Семанов. — М.: Наука, 1979. — 172 с.
7. Сюй Че. Гуансюй хуанди = Император Гуансюй / Сюй Че. — Пекин: Изд-во кит. лит. и истории, 2011. — 350 с. (на кит. яз.)
8. Цзюнь Чан. Императрица Цыси. Наложница, изменившая судьбу Китая. 1835—1908: пер. с англ. / Цзюнь Чан. — М.: Центрполиграф, 2019. — 575 с.
9. Aldridge, A. O. The empress dowager CI-XI in western fiction : a stereotype for the far east ? / A. O. Aldridge // RLC — Revue de Litterature Comparee. — 2001. — N 1 (297). — P. 113—122.
10. Bland, J. O. P. China Under the Empress Dowager: the History of the Life and Times of Tzu Hsi / J. O. P. Bland, E. Backhouse. — Boston: Houghton Mifflin Company, 1914. — 392 p.
11. Chang Chihyun. Sir Robert Hart and the writing of modern Chinese history / Chang Chihyun // International Journal of Asian Studies. — 2020. — Vol. 17, N 2. — P. 109—126. (<https://doi.org/10.1017/S1479591420000200>)
12. Guangxu Emperor [Electronic resource] // Alpha history. — Mode of access: <<https://alphahistory.com/chineserevolution/guangxu-emperor/>>. — Date of access: 16.02.2023.
13. Hayter-Menzies, G. The Empress and Mrs. Conger: the Uncommon Friendship of Two Women and Two Worlds / G. Hayter-Menzies. — Hong Kong: Hong Kong University Press, 2011. — 368 p.
14. Marlowe, L. Hart of China — an Irishwoman’s diary on Sir Robert Hart, inspector general of Chinese customs / L. Marlowe [Electronic resource] // The Irish Times. — 24.05.2020. — Mode of access: <<https://www.irishtimes.com/opinion/hart-of-china-an-irishwoman-s-diary-on-sir-robert-hart-inspector-general-of-chinese-customs-1.4261200>>. — Date of access: 19.01.2023.
15. The Princess Der Ling. Two years in the forbidden city / The Princess Der Ling. — New York: Moffat, Yard and Company, 1911. — 440 p.
16. Wong, Y.-T. Revisionism Reconsidered: Kang Youwei and the Reform Movement of 1898 / Y.-T. Wong // The Journal of Asian Studies. — 1992. — Vol. 51, N 3. — P. 513—544. (<https://doi.org/10.2307/2057948>)
17. Workman, M. Empress Dowager Cixi and Western Women: History Undergraduate Thesis. 2016 / M. Workman [Electronic resource] // University of Washington. — Mode of access: <https://digitalcommons.tacoma.uw.edu/history_theses/22/>. — Date of access: 15.08.2023.

Статья поступила в редакцию 10 октября 2023 г.

ВЗГЛЯД НА «ВАРВАРОВ» В КОНФУЦИАНСТВЕ И ЕГО ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ КИТАЯ СО ВРЕМЕН КОНФУЦИЯ ДО ПРАВЛЕНИЯ ДИНАСТИИ ХАНЬ

Жэнь Сюе

В статье проанализированы основные аспекты отношения Конфуция и последователей его учения к «варварам» с момента зарождения конфуцианского учения до правления династии Хань. Научная новизна статьи заключается в увязке положений конфуцианской идеологии с практикой внешней политики Древнего Китая. Автором выделены статические и динамические аспекты отношения конфуцианцев к «варварам» и охарактеризованы основные концепции, отражающие позицию конфуцианских мыслителей по отношению к иностранцам: разделение мира на китайцев и прочие («варварские») народы, ассимиляция «варваров» и превращение их в китайцев, защита китайского государства от «варваров», объединение китайцев и «варваров» в одну семью. Сделан вывод о том, что на раннем этапе конфуцианское учение предполагало разделение китайцев и «варваров», но в последующем его постулаты были изменены в сторону большей открытости по отношению к внешнему миру, что привело к углублению противоречий и краху династии.

Ключевые слова: «варвар»; внешняя политика; династия Хань; Китай; конфуцианство.

«The View of “Barbarians” in Confucianism and its Impact on Chinese Foreign Policy from the Time of Confucius to the Han Dynasty» (Ren Xue)

The article analyses the main aspects of the attitude of Confucius and the followers of his teachings to «barbarians» from the moment of the origin of Confucian teaching to the reign of the Han Dynasty. The scientific novelty of the article lies in linking the provisions of Confucian ideology with the practice of foreign policy of Ancient China. The author points out the static and dynamic aspects of the Confucians attitude to «barbarians» and characterises the main concepts reflecting the position of Confucian thinkers in relation to foreigners: division of the world into Chinese and other («barbarian») peoples, assimilation of «barbarians» and their transformation into Chinese, protection of the Chinese state from «barbarians», unification of Chinese and «barbarians» in one family. The conclusion is made that at the early stage Confucian doctrine assumed the separation of the Chinese and «barbarians», but later its postulates were changed in the direction of greater openness to the outside world. The conclusion is made about the deepening of contradictions, which led to the collapse of the dynasty.

Keywords: «barbarian»; China; Confucianism; foreign policy; Han Dynasty.

Конфуцианство представляет собой величайший элемент культурного и философского наследия Китая. Оно сыграло большую роль в китайском государственном строительстве и оказало значительное воздействие на китайскую внешнюю политику.

Вопрос использования постулатов конфуцианства во внешней политике Китая и, в частности, в отношениях между Китаем и «варварами» нашел отражение в работах китайских ученых, таких как Дин Цзуюй [1], Линь Сяньцзянь [4], Ли Цзэхоу [5], Ма Дайчжэн [7], Сунь Един [11], Хэ Синьхуа [14], Хэ Фанчуань [15], Чэнь Линьго [17], Шао Фан [18], Шэн Хун [19]. По мнению директора Института эконо-

мических исследований Тяньчжи Шэн Хуна, конфуцианство, по сути, выступило в роли своеобразного нравственного кодекса международных отношений и в этом качестве сохранило актуальность и в последующие времена [19]. Преподаватель финансового экономического университета Дин Цзуюй на основе анализа модели управления Китаем подчиненными государствами и народами сделал вывод о том, что идеи конфуцианства способствовали углублению их интеграции на региональном и глобальном уровнях [1, с. 89]. По мнению Хэ Фанчуаня, бывшего вице-президента Пекинского университета, использование конфуцианских установок правителями

Автор:

Жэнь Сюе — аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: 2533206821@qq.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Ren Xue — post-graduate student of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: 2533206821@qq.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

Древнего Китая содействовало упорядочению отношений между китайцами и «варварами» [15, с. 37].

Повышенное внимание проблеме использования конфуцианских нарративов в отношениях Древнего Китая с «варварами» уделяли советские и российские ученые-китаеведы М. В. Крюков [2; 3], В. В. Малявин [6], Л. С. Переломов [9], Т. В. Степугина [10]. Они также отмечали, что конфуцианство оказало значительное влияние на внешнюю политику китайского государства в целом и на его взаимодействие с миром «варваров», хотя существенным образом не изменило установки на «китаеццентричность».

В статье проанализировано влияние конфуцианских нарративов на отношения между китайцами и «варварами» с момента зарождения учения Конфуция до правления династии Хань. Цель статьи — оценка особенностей и результатов воздействия конфуцианства на отношения между китайцами и «варварами».

Китайцы называли свою страну Средним Государством, и правители Китая полагали, что владеют центром мира, окруженным с четырех сторон землями «варваров» — «мань», «жун», «и», «ди» [6, с. 112]. Тем самым они отделяли аграрное общество от кочевого.

До появления учения Конфуция в китайской политике в отношении «варваров» стало использоваться понятие «добродетели» («дэ» кит. 德). В период правления династии Западная Чжоу возникла идея «великого единения людей», пребывающего под властью Сына Неба (т. е. правителя Китая). Очевидно, что к этому моменту китайцы уже осознали существовавшие между ними и «варварами» различия и необходимость защиты от «варварских» племен. Китайское государство было поделено на регионы, похожие на круги. Чем дальше регион находился от управленческого центра, тем слабее был контроль подвластных территорий со стороны государственного аппарата и меньше обязательств перед правителем несли вассалы. «Варвары» обитали в самом дальнем от центра круге, но китайские правители рассматривали их земли как часть собственного государства.

Конфуцианские мыслители унаследовали взгляды ученых древности по вопросу отношения к «варварам». По мнению китайского ученого Ли Цзэхуо, со времен Конфуция различие между китайцами и «варварами» является культурным, а не расовым понятием [5, с. 315], точнее разграничивается на основе принципа «ли», т. е. свода правил, этикета и ритуалов. Такой принцип разделения считался прогрессивным и рациональным.

Конфуций считал, что соблюдение правил «ли» важно для всех людей. Если даже у «варваров» «и» и «ди» есть свои правители, им никогда не сравниться со всеми «ся», лишеными правителей [9, с. 317]. Он общался с родоначальником даосизма философом Лао-

цзы, проживавшим в государстве Чу, которое формально относилось к государствам «варваров». Это доказывает, что Конфуций не считал образованного человека «варваром».

Китайский философ-конфуцианец Мэн-цзы также осознавал важную роль китайской культуры в отношениях Китая с «варварами». Он указывал, что правитель Шунь и чжоуский царь Вэнь Вань были «варварами», но смогли стать правителями Китая, поскольку приняли передовую китайскую культуру и стали использовать конфуцианские установки. Впрочем Мэн-цзы оставался приверженцем китаеццентричных идей и высказывал мнение о том, что «варвары» всегда будут отсталыми народами. Он сравнивал голоса южных «варваров» со щебетанием птиц, высказывая пренебрежение к их культуре. Характеризуя племя «мо», Мэн-цзы отнес его к дикарям, сославшись на то, что «у них нет ни городов, ни крепостей, ни дворцов, ни домов, ни храмов предков, нет также обрядов поминания и жертвоприношений; нет у них ни владетельных князей, которым нужны шелка и ткани, ни яств для угощений и подарков; у них нет никаких чинов и управляющих» [8, с. 182].

Отношение другого философа-конфуцианца Сюнь-цзы к «варварам» было более прогрессивным. Он считал, что самосовершенствование, образование и практика «ли» позволяют любому человеку стать чистым и беспорочным [13].

Конфуцианские мыслители подчеркивали неоспоримое различие между китайцами и «варварами», но не рассматривали их как статичную и неизменную группу. Они полагали, что группы «варваров» динамичны и способны меняться. Если «варвар» следовал правилам «ли», он мог эволюционировать и стать китайцем.

По мнению Конфуция, народ «хуася», имеющий развитую культуру, должен был просвещать «варваров», чтобы защитить китайскую цивилизацию. Он предлагал ввести принцип «образования для всех», с помощью которого можно было разрушить границы между китайцами и «варварами» и приобщить «варваров» к китайскому образованию и культуре. Среди учеников Конфуция было много выходцев из «варварских» племен. Конфуций сам хотел поселиться среди «варваров» и считал, что там, где поселится благородный муж, должны исчезнуть грубые нравы [9, с. 366].

Мэн-цзы настаивал на том, что «варвары» всегда нуждаются в воспитании со стороны китайцев: «Я слышал о том, что народ хуася способствовал изменению поведения «варваров», но чтобы хуася менялись под влиянием «варваров», мне слышать не приходилось» [см.: 3, с. 151].

Сюнь-цзы считал, что различия в географическом положении и климатических условиях порождают дифференциацию в образе жизни

и обычаев у разных народов. Он предлагал сделать процесс китаизации «варваров» более гибким и индивидуально подходить к каждому из племен [12].

Конфуцианцы стремились к созданию идеальной модели управления Китаем, при которой «жители границ не могут устраивать заговоры против великих владений; пришельцы не могут сеять хаос среди процветающих стран» [16]. В контексте проявляемой «варварами» агрессии, порождаемой заинтересованностью в получении мгновенной выгоды, они исходили из необходимости защиты от них Срединного царства.

Конфуций призывал «уважать и защищать императора от варваров» («цзунь ван жан и», кит. 尊王攘夷). С его точки зрения, уважение к императору означало поддержание авторитета династии Чжоу и ее власти над вассальными государствами при соблюдении необходимых ритуалов («Чжоу Ли»). Изгнание «варваров» также являлось одной из форм проявления уважения к императору, поскольку способствовало объединению вассальных государств для противодействия вторжению «варваров» в Срединное царство.

С точки зрения конфуцианцев, если человек принимал и соблюдал правила «ли», он становился членом одной семьи и частью «великого объединения». Конфуций полагал, что мудрый правитель должен относиться к «варварам» и китайцам как к единому народу, и предлагал создать общество содружества («общество Да Тон», кит. 大同社会). Он утверждал, что если благородный человек почтителен и не допускает промахов, к людям относится с уважением и соблюдает ритуал, то он может найти братьев среди четырех морей [5, с. 281–282].

Разграничение мира на китайцев и «варваров» и идея о том, что все люди составляют одну семью, выглядели противоположными, но сводились к одному. В их основу было положено стремление ассимилировать «варваров» и превратить их в китайцев. Таким образом, идею объединения китайцев и «варваров» можно рассматривать как важный элемент укрепления связей между ними и как идеал, к достижению которого предлагали стремиться конфуцианские мыслители и который пытались реализовать на практике китайские правители.

В наибольшей мере идеи конфуцианства воплотились в жизнь в период правления династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) Значительный вклад в это внес философ Дун Чжуншу, который обновил конфуцианскую доктрину посредством включения в нее элементов даосизма, легизма и древнекитайской диалектики и связал власть императора с «мандатом Неба». Именно Дун Чжуншу убедил императора У-ди (правил в 141–87 гг. до н. э.) придать конфуцианству статус официальной идеологии.

Изменения затронули и политику в отношении «варваров». Ханьское правительство учредило специальные дипломатические протоколы для визита к императору правителей больших «варварских» племен «хунну» и «усуни». К примеру, вождям «хунну» при встрече с императором было разрешено пользоваться некоторыми преимуществами, а после аудиенции придворные чиновники провожали их в отведенные покои, выказывая свое почтение [14, с. 110].

Руководствуясь индивидуальным подходом, правители династии Хань относились к различным племенам по-разному. В отношении небольших государств проводилась политика силового подчинения, при выстраивании отношений с более крупными и влиятельными государствами — политика объединения для защиты от общей угрозы. Для усмирения «варваров» династия Хань применяла различные способы, в том числе заключение договоров «хэ цинь юэ», устрашение силой, принятие капитуляции, миграцию, уничтожение, выдачу титулов местным руководителям, снижение налогов и т. д. Для управления отдаленными районами были созданы различные органы власти — уезды (для управления гражданской администрацией и обороны приграничных районов), государственные аппараты подчинения (для управления внутренней миграцией приграничных народов), а в некоторых приграничных районах, где уездов не было, — специальные структуры, такие как «наместничество Сиюй» («Сиюй Духуфу», кит. 西域都护府 — наместничество Западного края, созданное для управления и контроля территории Сиюй) или «Генерал на Ляо» («ду-Ляо цзянцзюнь», кит. 度辽将军 — генерал, командующий за пределами Ляо) [7, с. 7].

Особую роль играл договор «хэ цинь юэ» (договор о мире, основанный на родстве), который предполагал принятие правящей верхушкой «хунну» некоторых конфуцианских моральных ценностей. Осуществление этого договора на практике приводило к усвоению вождями «хунну» конфуцианского влияния и их постепенной китаизации [2, с. 366–367]. К примеру, переезд принцессы Чжаоцзюнь из Китая в земли «хунну» привел к тому, что хуннуский шаньюй (правитель) предложил ханьскому императору передать ему полномочия по охране границ империи, избавив ханьских пограничных чиновников и солдат от этого бремени [14, с. 138]. Во время правления династии Хань правители Южного Вьетнама, «хунну» и Западного края (наместничество Сиюй) неоднократно присылали своих сыновей в качестве заложников династии. Прибывшим заложникам оказывали почести и предоставляли хорошие условия для жизни и обучения в столице. Они перенимали ханьскую культуру и поддерживали тесные и дружеские отношения с ханьским двором, играя положительную роль в установ-

лени и поддержании дружественных связей между властями «варварских» государств и имперским правительством, а также в развитии экономических и культурных обменов между Средним царством и «варварами».

Повышенное внимание уделялось образованию «варваров». Характер проводимой династией Хань политики соответствовал конфуцианским идеям об ассимиляции «варваров» и возможности получить доступ к образованию всем, независимо от происхождения.

Идея великого объединения народов появилась вследствие тенденции к централизации, расширению территории империи и укреплению связей между различными этническими группами страны. Императору У-ди удалось расширить свои владения на северо-западе благодаря победе в войне под руководством Вэй Цина, оттеснению кочевников и переносу ставки севернее пустыни Гоби. Путешествие китайского дипломата Чжан Цяня по западным областям способствовало объединению различных народов соответствующих территорий. Открытие Великого шелкового пути позволило земледельческим народам Среднего царства и кочевым народам севера установить тесные связи с помощью торговли, оплаты дани, миграции.

В правление династии Хань получила развитие идея уважительного отношения к «варварам». Дун Чжуншу утверждал, что мир принадлежит императору, а все люди, включая «варваров», являются его подданными [4, с. 23]. Несмотря на рост военных и административных расходов в империи, налоги для народов западных регионов не увеличивались. Правители династии Хань даже приняли специальный закон, предоставлявший «варварам» освобождение от налогов [18, с. 138].

Изменения затронули и сферу историографии. При династии Западная Хань этнические меньшинства впервые стали рассматриваться в качестве объекта исследования. К примеру, известный китайский историк Сыма Цянь категорически отказался приравнивать «варваров» к животным и раскрыл значение «варваров» (прежде всего «хунну») в истории китайской государственности [17, с. 38].

Еще одним новшеством, используемым династией Хань в отношении «варваров», стала система «цзими» (кит. 羈縻). Она представляла собой модель китайских административных единиц, созданных для иностранных правителей или вождей, которые либо были покорены военным путем, либо добровольно подчинились империи Хань. Стратегия «цзими» заключалась в том, что если «варвары» нападали, их отбивали, если они покидали места своего проживания, их не преследовали, если они приходили с данью, с ними обращались вежливо. Во времена династии Хань система «цзими» была внедрена преимущественно в местах проживания «хуннов» и «усуней» [17, с. 38].

Разработанная система выплаты дани являлась результатом развития стратегии «цзими». Правящая династия предлагала материальное вознаграждение «варварским» племенам за защиту границ и благосклонно относилась к тем, кто исправно платил дань. Благодаря конфуцианству и его идее «ценить мораль и не переоценивать прибыль», а также политике «щедро одаривать вассалов и принимать их скромные подношения» считалось, что доброжелательное отношение и праведность стоят на первом месте и существует возможность одержать победу над «варварами» без пролития крови [11, с. 32]. Китайские правители рассматривали дань не как способ обогащения, а как моральную ценность, элемент ритуала. Китай старался показать преимущества системы данничества не только «варварам», но и соседним земледельческим странам с конфуцианским мировоззрением, таким как Корея или Вьетнам. Тем самым, Китай стремился создать гармоничную и отвечающую конфуцианским постулатам вассально-сюзеренную систему международных отношений в Восточной Азии.

Следует, однако, отметить, что правители империи Хань далеко не всегда выступали в качестве последовательных приверженцев конфуцианских установок при развитии отношений с «варварами». К примеру, император У-ди отменил практику признания формального равенства «варваров», которая сложилась при его предшественниках. При обращении к «варварам» он не использовал формулировки вежливости и добивался от них безоговорочного изъявления покорности, включая одностороннее направление заложников [10, с. 270—271]. Представители ханьского императора требовали, чтобы «варвары» кланялись императорским дарам (такой случай, к примеру, произошел при общении ханьских дипломатов с «усунями») [10, с. 272]. Соответствующие установки не способствовали укреплению дружественных отношений между Средним царством и «варварами». Давление с их стороны на империю Хань продолжалось и привело к ее военному и политическому краху.

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Конфуцианство сыграло значительную роль в государственном строительстве и культурном развитии Китая. Основоположники конфуцианского учения являлись сторонниками «китаецентричного» мира. Они отделяли китайцев от «варваров», но выступали против использования исключительно силовых методов давления на них и допускали возможность выстраивания с «варварами» конструктивных отношений (и даже объединения в «великую семью») при условии приобщения их к китайской культуре с последующей китаизацией. В случае отказа иноземцев приобщиться к китайской культуре предполагалась защита от них любыми доступными способами.

2. Воздействие конфуцианства на внешнюю политику Китая усилилось во время пребывания у власти династии Хань, когда оно получило статус официальной идеологии Китайской империи. Ханьские правители попытались применить конфуцианские установки на практике, используя различные способы: специальные административные структуры, формы ритуала, договоры о «мире, основанном на родстве», династические браки, данническую систему (в том числе «цзими»). Взаимодействие с «варварами» стало более дифференцированным.

3. Использование конфуцианских установок сделало китайскую политику в отношении «варваров» более гибкой, чем в предшествующие времена, однако не избавило от «китаецен-

тричности» (как было отмечено выше, к этому не стремились даже основоположники учения). Поддержание чувства этническо-культурной исключительности у жителей Среднего царства и направленность на китаизацию других народов придавали политике империи Хань в отношении «варваров» черты непоследовательности. Ханьские правители не воспринимали «варваров» равными себе и рассматривали их как своих вассалов. Достигая тактических успехов в развитии отношений с соседними народами и государствами, они лишали политику в отношении соответствующих народов и государств стратегической глубины. Сохранение и углубление противоречий между Средним царством и миром «варваров» предопределило кризис и исчезновение империи Хань.

Список использованных источников

1. Дин Цзуюй. Жу цзя вэнь хуа хэ чжун го вай цзяо = Конфуцианская культура и китайская дипломатия / Дин Цзуюй // Журн. Цзянсу. ун-та радио и телевидения. — 2006. — № 2. — С. 89–93 (на кит. яз.).
2. Крюков, М. В. Древние китайцы: проблемы этногенеза / М. В. Крюков, М. В. Софронов, Н. Н. Чебоксаров. — М., 1978. — 344 с.
3. Крюков, М. В. Этнические и политические общности: диалектика взаимодействия / М. В. Крюков // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе / М. В. Крюков; отв. ред. Ю. В. Бромлей. — М.: Наука, 1982. — С. 147–163.
4. Линь Сяньцзянь. Дун чжун шу хуа и чжи бянь сы сян тань си = Анализ мыслей Дун Чжуншу о различии между Китаем и варварами / Линь Сяньцзянь // Журн. Хэншуй. колледжа. — 2009. — Т. 11, № 2. — С. 23–27 (на кит. яз.).
5. Ли Цзэхуо. Лунь юй цзинь ду = Современная интерпретация Лунь Юй / Ли Цзэхуо. — Аньхой: Аньхой. изд-во лит. и искусства, 1998. — 462 с. (на кит. яз.)
6. Малявин, В. В. Китайская цивилизация / В. В. Малявин. — М.: Апрель: АСТ, Издат.-продюсер. центр «Дизайн. Информация. Картография», 2000. — 632 с.
7. Ма Дайчжэн. Чжун го гу дэй дэ бянь цзян чжэн цэ юй бянь цзян чжи ли = Пограничная политика и управление в Древнем Китае / Ма Дайчжэн // Запад, исследования. — 2002. — № 4. — С. 1–15 (на кит. яз.).
8. Мэн-цзы / предисл. Л. Н. Меньшикова; пер. с кит., указ. В. С. Колоколова; под ред. Л. Н. Меньшикова. — СПб.: Петербург. востоковедение, 1999. — 272 с.
9. Переломов, Л. С. Конфуций: «Лунь Юй» / Л. С. Переломов. — М.: Вост. лит. РАН, 1998. — 588 с.
10. Степугина, Т. В. Древний Китай / Т. В. Степугина // Межгосударственные отношения и дипломатия на Древнем Востоке / В. А. Якобсон [и др.]. — М.: Наука, 1987. — С. 214–273.
11. Сунь Ецин. Цян тань ли ин сян ся дэ бо лай хоу ван = Краткое обсуждение политики в отношении вассалов под влиянием системы обрядов / Ецин Сунь // Акад. биржа. — 2007. — № 1. — С. 32–34 (на кит. яз.).
12. Сюнь-цзы. Чжэн Лун = Сюнь-цзы. Основная теория [Электронный ресурс] // Электронный проект «Тексты китайской философии». — Режим доступа: <<https://ctext.org/xunzi/zheng-lun/zhs>>. — Дата доступа: 11.09.2023 (на кит. яз.).
13. Сюнь-цзы [Электронный ресурс] // ABIRus. — Режим доступа: <<https://www.abirus.ru/content/564/623/625/647/836/11101.html>>. — Дата доступа: 21.09.2023.
14. Хэ Синьхуа. Чжун го вай цзяо ши (цзу ся чжи цзин) = История китайской дипломатии (от Ся по Цин). Т. 1 / Хэ Синьхуа // Пекин: Китай. экон. изд-во, 2017. — 445 с. (на кит. яз.).
15. Хэ Фанчуань. Хуа и чжи суй лунь = О порядке китайцев и «варваров» / Хэ Фанчуань // Журн. Пекин. ун-та. — 1998. — № 6. — С. 30–45 (на кит. яз.).
16. Цзочжуань [Электронный ресурс] // Guoxue.com. — Режим доступа: <<http://www.guoxue.com/book/cqzz/0011.htm>>. — Дата доступа: 01.09.2023 (на кит. яз.).
17. Чэнь Линьго. Лунь чжун го гу дай минь цзу гуань дэ син чэн хэ фа чжань = О формировании и развитии этнических концепций в Древнем Китае / Чэнь Линьго // Журн. Пекин. пед. ун-та. — 1995. — № 1. — С. 36–42 (на кит. яз.).
18. Шао Фан. Да и тун сы сян ся дэ минь цзу цзы чжи чжэн цэ = Политика в отношении этнических автономий в рамках идеологии Великого объединения / Шао Фан, Тан Си // Цзяньхуай. форум. — 2015. — № 1. — С. 135–141 (на кит. яз.).
19. Шэн Хун. Жу цзя дэ вай цзяо юань цзэ ди ци дан дэй и и = Конфуцианские принципы дипломатии и их современная актуальность / Шэн Хун [Электронный ресурс] // Вэн хуа цзун хэн = Культура Цзунхэн. — Режим доступа: <<http://www.21bcr.com/project-post/rujiadewaijiaoyuanzejiqidangdaiyiyi/>>. — Дата доступа: 01.09.2022 (на кит. яз.).

Статья поступила в редакцию 28 февраля 2023 г., доработана в сентябре 2023 г.

СТАВКА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ (1914—1917 гг.)

Антон Синковец

На основе анализа переписки российских дипломатов периода Первой мировой войны в статье рассматривается положение Ставки Верховного главнокомандующего во время ее расположения в Барановичах (1914—1915 гг.) и Могилеве (1915—1917 гг.). Раскрывается специфика деятельности дипломатической канцелярии данного органа военного управления. Кроме того, выявляется позиция Ставки Верховного главнокомандующего по основным внешнеполитическим вопросам (польскому, болгарскому, румынскому, итальянскому и др.), раскрывается сущность взаимоотношений российского военного командования с Сербией и другими союзниками по Антанте. Формулируются выводы относительно кадрового состава дипломатической канцелярии, степени ее осведомленности о происходивших в Ставке событиях, роли в координации внешнеполитической деятельности с Министерством иностранных дел.

Ключевые слова: Барановичи; дипломатическая канцелярия; дипломатическая переписка; Могилев; Ставка Верховного Главнокомандующего.

«The Supreme Commander-in-Chief's Headquarters through the Eyes of Russian Diplomats (1914—1917)» (Anton Sinkavets)

Based on an analysis of the correspondence of Russian diplomats during the First World War, this article examines the status of the Supreme Commander-in-Chief's Headquarters while it was located in Baranovichy (1914—1915) and Mogilev (1915—1917). The article elucidates the specific functions of the diplomatic chancery within this military administration body. Furthermore, it delineates the stance of the Supreme Commander-in-Chief's Headquarters on key foreign policy issues (the Polish, Bulgarian, Romanian, Italian questions, and the issue of the straits), and reveals the nature of the relationships between the Russian military command and Serbia, as well as other Entente allies. Conclusions are formulated regarding the personnel composition of the diplomatic chancery, its awareness of events occurring within the Headquarters, and its role in coordinating foreign policy activities with the Ministry of Foreign Affairs.

Keywords: Baranovichy; diplomatic chancery; diplomatic correspondence; Mogilev; Supreme Commander-in-Chief's Headquarters.

В годы Первой мировой войны общее руководство всеми вооруженными силами Российской империи было возложено на Верховного главнокомандующего. Для обеспечения его деятельности формировался специальный штаб, известный в русскоязычной историографии как Ставка Верховного главнокомандующего (далее — Ставка, СВГ, главная квартира). В структуру СВГ, помимо военных управлений и отделов, входил ряд гражданских подразделений. Среди них особое место занимала дипломатическая канцелярия.

Изначально формировать это подразделение не планировалось. Наспех утвержденное летом 1914 г. Положение о полевом управлении войск в военное время предусматривало, что в Ставке будет учреждена обособленная должность дипломатического чиновника, ко-

торый займется осуществлением переписки с иностранными правительствами, министром иностранных дел, российскими посольствами, миссиями и консульствами за границей, а также заключением конвенций и перемирий [7, с. 11]. Но после начала войны стало очевидно, что один сотрудник физически не может выполнять весь перечисленный объем работы. Поэтому Верховный главнокомандующий, которым стал великий князь Николай Николаевич, упразднил должность дипломатического чиновника и своим приказом образовал вместо нее новое подразделение. В состав последнего вошли директор, вице-директор, старший и младший секретари, юрисконсульт, двое писарей и трое обозных рядовых [8].

Цель статьи — установить, какие вопросы находились в фокусе внимания сотрудников

Автор:

Синковец Антон Юрьевич — научный сотрудник центра всеобщей истории, международных отношений и геополитики Института истории Национальной академии наук Беларуси, e-mail: ssw@mail.ru
Институт истории Национальной академии наук Беларуси. Адрес: 1, ул. Академическая, Минск, 220072, БЕЛАРУСЬ

Author:

Sinkavets Anton — researcher at the Centre for General History, International Relations and Geopolitics, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, e-mail: ssw@mail.ru
Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus. Address: 1, Akademicheskaya str., Minsk, 220072, BELARUS

дипломатической канцелярии Ставки Верховного главнокомандующего в период Первой мировой войны.

Отметим, что отдельное исследование данного структурного подразделения СВГ до настоящего времени в отечественной и зарубежной историографии не проводилось. Это связано с тем, что истории российской главной квартиры периода Первой мировой войны в целом посвящено крайне мало публикаций. Наиболее крупные из них подготовлены отечественными авторами, однако носят публицистический [6] либо научно-популярный характер [15]. Среди белорусских ученых, которые занимались вопросами Ставки Верховного главнокомандующего, следует упомянуть Д. С. Лавриновича [3; 4], среди зарубежных — Е. М. Болтунову [2], А. Ю. Лашкова [5], М. Ф. Флоринского [14].

В 1928 г. в журнале «Красный архив» была опубликована переписка руководства дипломатической канцелярии Ставки с российским Министерством иностранных дел (МИД) [9—13]. Ее информативность заведомо выше, чем, например, многих мемуаров и воспоминаний, ведь, по сути, это полноценный дипломатический «дневник». Исходящие бумаги, составляющие основу этого «дневника», как правило, готовились директором канцелярии и направлялись непосредственно министру иностранных дел. Так продолжалось до тех пор, пока российский МИД возглавлял С. Д. Сазонов. После его отставки письма из Ставки в основном адресовались товарищу министра А. А. Нератову. Корреспонденция канцелярии носила весьма доверительный и конфиденциальный характер, будучи призвана сфокусировать внимание главы дипломатического ведомства на наиболее острых вопросах, в решении которых было заинтересовано военное руководство страны. Кроме того, ей был присущ описательно-осведомительный характер: информирование российского МИДа практически обо всем, что происходило в Ставке.

Первым директором дипломатической канцелярии СВГ стал князь Николай Александрович Кудашев — опытный и вдумчивый чиновник, обладавший весьма проницательным умом и обширными познаниями. Страницы его писем содержат не только официальные донесения, но и глубокую аналитику, сочетающуюся с личными впечатлениями относительно происходивших в Ставке событий. Заместителем Н. А. Кудашева был назначен его тезка — Николай Александрович Базили. После того как князя Н. А. Кудашева в 1916 г. направили посланником в Китай, Н. А. Базили возглавил дипломатическую канцелярию. Его письма являются столь же информативными, как и письма Н. А. Кудашева, но по стилю изложения носят более сдержанный характер.

В 2023 г. была опубликована русскоязычная версия воспоминаний Н. А. Базили, которая среди прочего содержит в приложении черно-

вики и копии его писем в МИД из Ставки, хранящихся в Гуверовском институте войны, революции и мира Стэнфордского университета (США). Указанное издание, безусловно, дополняет публикации журнала «Красный архив», но концептуально никак их не обогащает, так как вводит в научный оборот минимальное количество документов Ставки [1].

Отметим, что переписка дипломатической канцелярии Ставки с МИДом является весьма обширной и затрагивает самые разнообразные проблемы, которые условно можно разделить на два блока: 1) описание событий, происходивших в Барановичах и Могилеве, где в период Первой мировой войны дислоцировалась главная квартира; 2) обсуждение, разъяснение и согласование внешнеполитических вопросов.

В **первом блоке** любопытным представляется описание Н. А. Кудашевым **деятельности Ставки в Барановичах (август 1914 — август 1915 гг.)**: «Здесь живет недурно. Чувствую себя молодым юнкером, отбывающим военную повинность. Дела не так уж и много, но интересное, а отношения с офицерами прекрасные» [10, с. 3] (орфография и пунктуация источника сохранены. — А. С.).

Впрочем «прекрасные отношения» не мешали князю Н. А. Кудашеву достаточно быстро и беспристрастно разобраться в истинном состоянии дел в военном руководстве. Уже в начале сентября 1914 г. он докладывал в МИД «о редкой впечатлительности» высших военных властей [10, с. 7] и всецело поддерживал решение Верховного главнокомандующего, запрещавшее допускать в штабы журналистов, мотивируя это тем, что офицеры Ставки «так впечатлительны и так мало скрывают свои чувства (хотя соблюдают большую осторожность о фактах), что корреспонденты могли бы выводить часто нежелательные заключения из своих наблюдений» [10, с. 9]. «Если уста молчат, то над выражением своих лиц наши генералы не властны», — резюмировал директор дипломатической канцелярии [10, с. 15].

К концу осени 1914 г. Н. А. Кудашев утратил иллюзии относительно уровня профессиональной компетенции высших военных чинов, руководивших барановичской Ставкой. В своих донесениях за этот период он отмечал отсутствие какого-либо стратегического планирования с их стороны [10, с. 20] и достаточно дерзко заявлял: «Германцы достигли крушения нашего плана наступления на их территорию благодаря превосходству их стратегов» [10, с. 27]. Директор дипломатической канцелярии полагал, что если России и удастся «вывернуться» из сложившегося положения, то «только благодаря численности и стойкости наших войск, а не мудрости нашей стратегии» [10, с. 25]. Свои наблюдения Н. А. Кудашев обобщил дальновидным выводом о том, что «надо готовиться к длительной войне, т. к. мы не талантами можем победить, а лишь упорством» [10, с. 27].

Зимой 1914/1915 г. главный дипломат Ставки вновь вернулся к теме отсутствия военных талантов среди русского генералитета. «Я убежден в том, что наши генералы — прекрасные знатоки дела, — писал он, — прекрасные, умные, добросовестные люди, но творческой искры в них нет» [10, с. 28]. Соотнося тяжелое положение дел на фронтах с попыткой объяснить это недостатком патронов и ружей, Н. А. Кудашев приходит к заключению о том, что «тут вина не в заводах, а в стратегии или тактике», высказывая убежденность в необходимости замены высших военных начальников, у которых «нервы измочалились от слишком упорной и продолжительной работы» [10, с. 29]. Во время зимнего отступления российских войск из Восточной Пруссии князь недоумевал и писал в МИД, что решительно не понимает, чем объяснить «такое неумение у нас предвидеть события» [11, с. 3].

При этом с критикуемыми им военачальниками руководитель дипломатической канцелярии старался выстраивать конструктивные взаимоотношения. В частности, он достаточно быстро разобрался в конфигурации власти в барановичской Ставке и понял, насколько ревниво начальник Штаба генерал Н. Н. Янушкевич относится к своему положению и старается блокировать любые попытки других лиц напрямую общаться с Верховным главнокомандующим. Н. А. Кудашев принял его условия игры и «стал к нему в отношении подчиненного к начальнику» с целью «получить какое-нибудь влияние на ход того или другого дела» [10, с. 11–12].

Примечательно, что не только военные находились под наблюдением дипломатов, но и наоборот, свидетельством чему является инцидент, произошедший весной 1915 г. с юрисконсультлом дипломатической канцелярии профессором В. Э. Грабарем. Письма последнего, в которых он сетовал на допущенные российскими войсками нарушения международного права, были перлюстрированы. В итоге профессора отчислили из СВГ. Единственное, чего удалось добиться Н. А. Кудашеву, — разрешения В. Э. Грабарю вместо скандала подать «рапорт о болезни» [11, с. 15].

Определенную напряженность в размеренную жизнь Ставки вносили визиты императора. Во время первого приезда Николая II осенью 1914 г. у Н. А. Кудашева сложилось впечатление, что великий князь Николай Николаевич «удерживает государя» в Барановичах [10, с. 13]. Это было не так далеко от истины, учитывая определенную конфронтацию, которая имела место в начальный период войны между СВГ, правительством и императрицей Александрой Федоровной. Старшие чины российской главной квартиры были вынуждены отвлекаться от своих дел на завтраки и обеды с царем, начальника Штаба и вовсе «разрывали на части» [10, с. 24]. Ради удовольствия Ни-

колая II генералы преувеличивали значение своих побед [10, с. 13–14], причем для барановичской Ставки это было достаточно частым явлением [10, с. 16]. Еще одной негативной тенденцией было стремление служащих Ставки к получению наград во время приезда императора. Так, по случаю этого «радостного для штаба события» в нарушение правил к награде был представлен секретарь дипломатической канцелярии С. П. Валуев, не прослуживший необходимого срока [10, с. 19].

Летом 1915 г. настроение писем Н. А. Кудашева стало еще более пессимистическим. По его словам, в этот период уже сами руководители Ставки, в частности генерал-квартирмейстер Ю. Н. Данилов, говорили, что «стратегия может быть теперь совсем упразднена, так как мы ничего предпринимать не можем», а надеется остаться только «на утомление самих германцев, на случай и — на св. Николая чудотворца» [11, с. 28]. По мнению директора дипломатической канцелярии, в это время война начала приобретать характер «отечественной» [11, с. 35], а начальник Штаба Верховного главнокомандующего Н. Н. Янушкевич замечал относительно военного положения России, что «придется испить чашу до дна» [11, с. 36].

При таких обстоятельствах в Ставке озадачили общественным мнением, указывая на то, что информирование общественности, особенно за границей, не организовано, а иностранная пресса поступает в главную квартиру «неравномерно и случайно» [11, с. 40]. Положение дел на фронтах было настолько тяжелым, что в СВГ всерьез задумались о возможности мирных переговоров. Во всяком случае из дипломатической канцелярии в МИД ушло несколько писем, в которых обращалось внимание на статью в шведской газете о мирных течениях в Германии [11, с. 40].

Следствием широкомасштабного отступления российской армии летом 1915 г. стало **перевозбазирование Ставки Верховного главнокомандующего в Могилев**. Ее дипломатическая канцелярия прибыла туда 12 августа 1915 г. (здесь и далее — по старому стилю). Князь Н. А. Кудашев отметил, что переезд был организован довольно странно и свидетельствовал о «полном отсутствии организаторских способностей тех органов военного ведомства, коим поручена административная часть дела» [11, с. 47]. Непродуманность переезда состояла в том, что Верховный главнокомандующий и «стратегическая» (генерал-квартирмейстерская) часть его Штаба выехали первыми, оставив всех остальных в Барановичах, а логичнее было бы поступить наоборот — направить второстепенные подразделения для подготовки нового места дислокации. Произшедшую «сумятицу» начальник дипломатической канцелярии объяснял «упадком духа» генералов, которые, в свою очередь, начали говорить о деморализации войск: «В общем итоге, все

мои впечатления от новой ставки как нельзя более мрачны», — сообщал Н. А. Кудашев [11, с. 50].

После перебазирования Ставки в Могилев началось реформирование ее работы. Переходный период, который Н. А. Кудашев охарактеризовал как «штабной кризис», сопровождался апатией со стороны руководства главной квартиры, которое находилось в ожидании скорых перемен. Начальник Штаба генерал Н. Н. Янушкевич, ранее сутками просиживавший за бумагами, теперь открыто говорил, что у него нет дела, генерал-квартирмейстер генерал Ю. Н. Данилов иногда часами отсутствовал в своем управлении. Из высшего руководства СВГ только великий князь Николай Николаевич сохранил полное самообладание [11, с. 51, 53].

Вечером 20 августа 1915 г. в Могилев прибыл генерал М. В. Алексеев, который в тот же день принял должность начальника Штаба Верховного главнокомандующего. Н. А. Кудашев отметил, что по манерам — «это прямой контраст с Янушкевичем, но нельзя его упрекнуть в недостатке любезности и корректности», в главной квартире относительно его приезда иронизировали: «сдал все до единой наши крепости и приехал в ставку» [11, с. 52]. Позднее, 23 августа 1915 г., должность Верховного главнокомандующего занял император Николай II. Острый ум главы дипломатической канцелярии Ставки и здесь проявил свои аналитические способности в предвидении будущего: «Насколько мне дано судить об этом событии, оно будет иметь громадное отрицательное значение и результаты», — подвел своеобразную черту Н. А. Кудашев [11, с. 53]. 25 августа 1915 г. великий князь Николай Николаевич уехал из Ставки, оставив ее «в полном унынии» [11, с. 55].

В скором времени положение дел в главной квартире выправились, чему, безусловно, способствовало поведение М. В. Алексеева: он был крайне прост и прямолинеен в общении, чем быстро заслужил всеобщее уважение. «Я должен засвидетельствовать редкую ясность мышления у нового начальника штаба и отрядную ширину взглядов, облегчающую решение мелких вопросов, по которым мне приходится к нему обращаться», — так Н. А. Кудашев характеризовал М. В. Алексеева спустя полтора месяца совместной работы [12, с. 12], добавив позднее, что пока фактическое верховное командование остается в руках этого генерала, «никаких неосторожных приключений, могущих отразиться на наших международных отношениях, опасаться нам не приходится» [12, с. 17]. Такую же высокую оценку давал М. В. Алексееву новый директор дипломатической канцелярии Н. А. Базили, отмечавший, что всякое разумное начинание встретит со стороны генерала самую решительную поддержку. При этом ближайшие помощники нового начальника Штаба характеризовались в

дипломатической переписке как лица «очень посредственные и лишенные всякой инициативы» [12, с. 43].

Напряженная работа сказалась на здоровье М. В. Алексеева, и в ноябре 1916 г. по медицинским соображениям он был вынужден покинуть свой пост. Временно исполнять его обязанности был назначен генерал В. И. Гурко. В дипломатической канцелярии отметили, что последний «не может быть признан столь же вдумчивым», как М. В. Алексеев, но, по видимому, «в высокой степени волевой тип» [13, с. 43]. Этому мнению дипломаты придерживались о нем и далее [13, с. 46].

Революционные события и последовавшие вслед за ними изменения в Ставке дипломатической переписка, к сожалению, не описывает. Письма в 1917 г. становятся все более редкими и краткими, составляются сухим канцелярским языком и в основном сопровождают копии каких-либо документов. Это является закономерным итогом колоссальных общественных потрясений, разорвавших ранее сложившиеся служебные коммуникации.

Второй блок проблем, которые затрагивала переписка Ставки с МИДом, касался координации внешнеполитической деятельности. Для удобства изложения эти проблемы можно разделить на ряд тематических вопросов.

Одним из первых дипломатам пришлось разрешать «польский вопрос», который трактовался ими в узком и широком смысле.

Под узким смыслом понималась необходимость реагирования на предложения польской стороны оказать России военную и материальную помощь. В данном контексте «польский вопрос» подробно рассматривался Н. А. Кудашевым в письмах от 27 августа и 5 сентября 1914 г. Речь шла о том, что отдельные представители польского общества заверяли Ставку, что могут организовать, вооружить и предоставить в распоряжение верховного главнокомандования порядка 500 тыс. военнослужащих. Взамен они просили об объединении Польши после окончания войны [10, с. 6]. Рассмотрев данное предложение, в главной квартире решили его принять, но при условии, что формированию польской армии «будет придан характер ополчения». Другими словами, по политическим мотивам в Ставке не захотели, чтобы польские подразделения получили статус полноценных воинских формирований. Кроме того, возможность выполнения поляками своих обещаний вызывала объективные сомнения. Здесь свою прозорливость проявил Н. А. Кудашев. Не разделяя доверия к ничем не подкрепленным обещаниям, он порекомендовал начальнику Штаба сначала убедиться в том, что заявленная помощь действительно последует [10, с. 7]. Время подтвердило его правоту: спустя неделю дипломат докладывал в МИД, что о поляках и их предложениях «за последнее время не слышно» [10, с. 9].

«Польский вопрос» в широком смысле предусматривал поиск наиболее эффективной формы политического устройства Польши после окончания войны. В переписке дипломатической канцелярии Ставки этому аспекту уделено крайне мало внимания, очевидно, в силу желания Штаба заниматься по большей части военными делами. Такой подход оказался весьма прагматичным. Как известно, летом 1915 г. российские войска покинули Варшаву и дальше обсуждать было попросту нечего. Начальник Штаба Верховного главнокомандующего генерал Н. Н. Янушкевич прокомментировал сложившуюся ситуацию следующим образом: «Заявление И. Л. Горемыкина об автономии Польши было сделано очень своевременно (в январе 1915 г. на частном совещании думской комиссии по обороне председатель Совета министров Российской империи пообещал, что проект автономии Польши будет внесен в Думу. — А. С.). Теперь пусть поляки выбирают между нами и немцами. Если выяснится, что они предпочитают последних, то это избавит нас от всех наших обещаний им» [11, с. 44].

Весной 1916 г. в Ставке вернулись к рассмотрению «польского вопроса». Начальник Штаба генерал М. В. Алексеев считал потенциальной угрозой использование польского населения противником и сожалел, что ранее Ставкой не были организованы польские легионы. Он высказывался за объединение Польши и предоставление ей в будущем широкой автономии, попросив министра иностранных дел выработать на этот счет соответствующий план [12, с. 42—43]. В дальнейшем М. В. Алексеев планировал провести свое решение «польского вопроса» через Совет министров, хотя и понимал, что это дело «безнадежное» [12, с. 48].

«Болгарский вопрос» также нашел отражение в рассматриваемой переписке. В Штабе Верховного главнокомандующего внимательно следили за переговорами относительно вступления Болгарии в войну. 20 мая 1915 г. Н. А. Кудашев докладывал начальнику Штаба, что посланники стран Антанты в Софии предложили Болгарии значительные территориальные компенсации за ее выступление против Турции. Генерал Н. Н. Янушкевич, очевидно, был сторонником такого плана действий, так как отметил, что «если только Болгария выступила бы, то наш десантный корпус, конечно, был бы готов присоединиться к болгарским войскам» [11, с. 27]. Несколько месяцев в Ставке надеялись на положительный исход дела, но 10 сентября 1915 г. в Болгарии была объявлена всеобщая мобилизация и ее войска сконцентрировались у сербской границы. Россия высказалась за решительные действия в отношении Болгарии, но союзники ее в этом не поддержали. 16 сентября 1915 г. в Ставку поступила телеграмма А. А. Нератова, в которой сообщалось,

что министр иностранных дел Великобритании Э. Грэй уклоняется от предъявления Болгарии ультиматума. Содержание этой телеграммы было доложено Верховному главнокомандующему императору Николаю II. Российский монарх выразил свое «неудовольствие и удивление» по поводу такой «необычайной осторожности» английского министра. В этом его поддержал генерал М. В. Алексеев, который опасался разгрома Сербии. При этом начальник Штаба не отрицал, что если дела на европейских фронтах пойдут для Антанты успешно, то «решение Грэя окажется наиболее мудрым и предотвратит излишнюю сербо-болгарскую войну» [12, с. 6].

После выступления Болгарии на стороне противников России в Ставке задумались, каким образом повернуть события вспять. Самое неординарное предложение российского генералитета сводилось к проведению в Болгарии государственного переворота. При содействии болгарских государственных деятелей предполагалось низложить болгарского царя Фердинанда. Начальник Штаба запросил мнение российского министра иностранных дел относительно такого плана действий, пообещав со своей стороны «взять на себя дальнейшее направление дела». С. Д. Сазонов выразил «значительные опасения», но не счел нужным «противиться осуществлению предложений генерала Алексеева». При детальном рассмотрении вопроса выяснилось, что у России в Болгарии крайне мало сторонников и устранение Фердинанда является бессмысленным до того времени, пока не будет создана более благоприятная обстановка. Поэтому М. В. Алексеев санкционировал «осторожное зондирование почвы» и выяснение, возможно ли подготовить негласным путем привлечение на сторону России некоторых болгарских деятелей [12, с. 44].

В дальнейшем начальник Штаба не единожды возвращался к «болгарскому вопросу», отмечая «желательность привлечения болгар на сторону союзников». В конце лета 1916 г. между ним и МИДом состоялся очередной обмен мнениями по этому поводу. Позиция дипломатического корпуса сводилась к тому, что если Болгарии не будет нанесен серьезный удар или коренным образом не изменится обстановка на фронтах, то оснований рассчитывать на внутренний переворот в этой стране по-прежнему нет, а добиться ее перехода на сторону Антанты можно только ценой значительных политических уступок со стороны России. Генерал М. В. Алексеев ответил на это, что военные соображения еще «не могут быть признаны настолько настоятельными», чтобы заключать соглашение на невыгодных условиях [13, с. 3].

Разрешить «болгарский вопрос» дипломатическим путем так и не удалось, поэтому осенью 1916 г. на конференции в Шантильи

союзники по Антанте решили провести в начале мая 1917 г. согласованные боевые действия против Болгарии с целью вывести ее из состава участников войны. 17 декабря 1916 г. в Ставке состоялся военный совет, определивший основные направления подготовки этой операции [9, с. 5—6].

Красной нитью через всю переписку дипломатической канцелярии СВГ и МИДа на протяжении первых военных лет проходил «*румунский вопрос*». Примечательно, что позиция верховного главнокомандования по его решению отличалась своей непоследовательностью и не раз менялась в зависимости от положения на фронтах.

Так, если в середине сентября 1914 г. Н. А. Кудашев докладывал, что Штаб «очень озабочен нейтралитетом Румынии и страстно желает втянуть ее в войну» [10, с. 10], то в январе 1915 г. он же докладывал министру иностранных дел, что Верховный главнокомандующий считает, что выступление Румынии (и Италии) «может оказаться для нас даже невыгодным» [10, с. 39]. После того, как стало известно, что Италия все же выступит на стороне Антанты, Верховный Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич начал высказывать еще более резкие суждения, указывая на «чрезмерность и неприемлемость» румынских требований [15, с. 14]. Аналогичной позиции в мае 1915 г. придерживался также император Николай II [11, с. 24].

Здесь опять проявились прагматизм и аналитический склад ума директора дипломатической канцелярии. В то самое время, когда стало известно, что против дальнейших уступок румынам выступил сам государь, Н. А. Кудашев предусмотрительно сделал в своем письме в российский МИД оговорку: «Если будет что-нибудь из Румынии, сообщите. Завтра барометр будет, может быть, ниже, и тогда опять будут мечтать о скором выступлении Румынии» [11, с. 24]. Не прошло и месяца, как предположения чиновника оправдались. После военных неудач в Галиции Верховный главнокомандующий направил министру иностранных дел телеграмму, где сообщал, что «выступление Румынии при теперешней обстановке на театре военных действий является весьма желанным» [11, с. 29]. Впрочем спустя месяц последовал очередной пересмотр этого вопроса [11, с. 36] — такие колебания курса продолжались вплоть до вступления Румынии в войну на стороне Антанты, которое в итоге принесло больше вреда, чем пользы. Военная подготовка Румынии оказалась настолько плохой, что уже к концу лета 1916 г. в СВГ задумались «наложить руку на управление» румынской армией [13, с. 9]. С этой целью в Румынию была направлена военная миссия во главе с генералом М. А. Беляевым [13, с. 25]. Произшедший к концу осени 1916 г. разгром румынской армии вынудил Ставку сформиро-

вать Румынский фронт, которым формально командовал румынский король Фердинанд, а фактически — русский генерал В. В. Сахаров (в 1917 г. его сменил генерал Д. Г. Щербачев. — А. С.) [13, с. 46].

Для «*итальянского вопроса*» в начале войны была характерна такая же неопределенность. С одной стороны, выражались сомнения в целесообразности вступления Италии в войну, с другой — ради этого Ставка была готова идти на любые уступки. Примером может служить то, с какой скоростью она изменила свое мнение по вопросу о разграничении Далматинского побережья, пойдя навстречу притязаниям Италии и пожертвовав сербскими интересами [11, с. 9—10].

14 апреля 1915 г. министр иностранных дел С. Д. Сазонов сообщил, что в Лондоне подписано соглашение с Италией, но по настоянию итальянского правительства оно должно храниться в тайне. В этом же месяце в Ставку прибыл итальянский военный агент полковник Е. Ропполо, с которым сразу же начались переговоры. Н. А. Кудашев отмечал в своих донесениях, что «Ропполо по-видимому смущен количеством обращенных к нему вопросов, на которые он ответить не может и по которым ему пришлось в тот же день запросить Рим» [11, с. 14]. В ответ на его запрос пришло сообщение, что не все его телеграммы были разобраны. Как результат — переговоры затягивались. Но спустя несколько дней военная конвенция все же была подписана. При этом Е. Ропполо «всех поразил своей нервностью и озабоченностью» [11, с. 19], что объяснялось начавшимся отступлением российских войск, не входившим в планы Италии, которая хотела вступить в войну на более выгодных условиях. В дальнейшем союз с Италией, как и в случае с Румынией, не принес заметной выгоды, вызывая в Ставке лишь раздражение относительно слабости итальянских войск и не всегда уместных требований о поддержке [12, с. 51].

Соглашение с Италией негативно сказалось на *взаимоотношениях Ставки с Сербией*. Королевич Александр направил письмо великому князю Николаю Николаевичу, в котором прямо указал на то, что «интересы славян, во имя которых началась эта война, принесены в жертву Италии, как плата за вступление ее в войну» [15, с. 16]. Верховный главнокомандующий ответил весьма лаконично, сославшись на то, что данный вопрос «вне его компетенции» [11, с. 21].

Относительно *взаимоотношений Ставки с другими союзниками по Антанте* можно сделать вполне однозначный вывод об отсутствии согласованности военных действий. Поведение некоторых стран блока иначе как потребительское охарактеризовать сложно. Так, в октябре 1914 г. в СВГ были недовольны приказом императора Николая II о посылке казаков в Англию. В условиях, когда российским

войскам «каждая сотня казаков и, вообще, каждый кавалерист дорог и необходим», англичане просили направить 6-сотенный казачий полк, чтобы у себя в стране «подбодрить дело набора добровольцев» [10, с. 21]. При этом, когда летом 1915 г. речь зашла о помощи в поставке снарядов, англичане помогать не спешили и навязали Ставке невыгодную сделку [11, с. 34]. Таким же образом вели себя французы, которые в декабре 1915 г. предложили Ставке обменять французские ружья на русских солдат, на что генерал М. В. Алексеев, разумеется, не согласился [12, с. 18]. Однако французы продолжили настаивать и весной 1916 г. добились от Ставки согласия отправить на их фронт семь российских бригад, хотя сами при этом отказали в помощи артиллерийским снабжением [12, с. 49–50]. Единственное, чем союзники «помогали» Штабу Верховного главнокомандующего на регулярной основе — своими «непрошенными советами» в связи с военными операциями [13, с. 14], которые М. В. Алексеев порекомендовал им применять на собственном фронте [13, с. 38].

Особое место в переписке дипломатической канцелярии занимал *вопрос о проливах и взаимоотношениях с Турцией*. В нем Ставка, без преувеличения, видела ключ к решению многих проблем. Квинтэссенция взглядов генералов на этот вопрос изложена Н. А. Кудашевым в письме от 5 февраля 1916 г., которое было написано после взятия российскими войсками Эрзерума. Директор дипломатической канцелярии отмечал, что «если бы было признано выгодным заключить мир с турками, то надо иметь в виду, что такой благоприятный момент

снова не скоро представится». Главной целью войны указывалась победа над Германией и для ее достижения предполагалось возможным пойти на определенные жертвы, в частности отказаться на новый срок от завладения проливами Босфор и Дарданеллы [12, с. 30]. В 1917 г. МИД пытался поставить на повестку дня захват Босфора, но генерал М. В. Алексеев вновь повторил, что к этой идее можно будет вернуться только после поражения Германии [9, с. 20]. Следует заметить, что идею Босфорской операции всячески продвигал служивший в Ставке А. Д. Бубнов, о «вспышках воображения» которого еще в 1915 г. писал Н. А. Кудашев [12, с. 12]. Однако эта идея так и осталась нереализованной, поэтому весной 1917 г. дипломаты вновь заговорили о необходимости сепаратного мира с Турцией [9, с. 42].

Таким образом, наличие дипломатической канцелярии в Штабе Верховного главнокомандующего позволяло Ставке достаточно оперативно коммуницировать и координировать свои действия с российским МИДом по основным внешнеполитическим вопросам. Сотрудники канцелярии были хорошо подготовлены к своей работе, отличались аналитическим складом ума и наблюдательностью, что делает их письма ценнейшим источником не только по истории дипломатии и международных отношений периода Первой мировой войны, но и по истории военного строительства. Анализ их писем позволяет осветить положение дел в Ставке, а также понять истинную подоплеку и механизмы принятия многих внешнеполитических решений России во взаимоотношениях как с союзниками, так и с противниками.

Список использованных источников

1. Базили, Н. А. Воспоминания дипломата Императорской России. 1903–1917 / Н. А. Базили. — М.: АЙРИС-пресс, 2023. — 384 с.
2. Болтунова, Е. М. Ставка Николая II в Могилеве и память о ней в советское и постсоветское время / Е. М. Болтунова // Воен.-ист. журн. — 2016. — № 10. — С. 49–55.
3. Лавринович, Д. С. Николай II в Могилевской ставке (август 1915 — март 1917 г.) / Д. С. Лавринович // Журн. Белорус. гос. ун-та. История. — 2018. — № 4. — С. 90–97.
4. Лавринович, Д. С. Ставка Верховного главнокомандующего в Могилеве в 1915 — марте 1917 г. по воспоминаниям и дневникам современников событий / Д. С. Лавринович // Первая мировая война, Версальская система и современность / отв. ред. И. Н. Новикова [и др.]. — СПб.: РХГА, 2017. — Вып. 4. — С. 133–146.
5. Лашков, А. Ю. Организация ПВО Ставки Верховного Главнокомандующего / А. Ю. Лашков // Воен.-ист. журн. — 2009. — № 11. — С. 10–13.
6. Лелевич, Г. Октябрь в Ставке / Г. Лелевич. — Гомель: Гомел. рабочий, 1922. — 94 с.
7. Положение о полевом управлении войск в военное время. — СПб.: Воен. тип., 1914. — 154 с.
8. Приказ Верховного Главнокомандующего № 2 от 25 июля 1914 г. // Рос. гос. воен.-ист. архив. — Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1.
9. Ставка и Министерство иностранных дел. Окончание // Красный архив. — 1928. — Т. 5 (30). — С. 5–45.
10. Ставка и Министерство иностранных дел / предисл. М. Покровского // Красный архив. — 1928. — Т. 1 (26). — С. III–VIII, 1–50.
11. Ставка и Министерство иностранных дел. Продолжение // Там же. — Т. 2 (27). — С. 3–57.
12. Ставка и Министерство иностранных дел. Продолжение // Там же. — Т. 3 (28). — С. 3–58.
13. Ставка и Министерство иностранных дел. Продолжение // Там же. — Т. 4 (29). — С. 1–53.
14. Флоринский, М. Ф. Ставка Верховного главнокомандующего и правительство России в начальный период Первой мировой войны (июль 1914 — апрель 1915 г.) / М. Ф. Флоринский // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. История. Языковедение. Литературоведение. — 1994. — Вып. 1 (№ 2). — С. 3–12.
15. Шарков, А. В. Ставка Верховного главнокомандующего Русской армией в годы Первой мировой войны в событиях и лицах / А. В. Шарков, Е. И. Хорошевич. — Минск: Звезда, 2017. — 256 с.

Статья поступила в редакцию 23 декабря 2023 г.

ФАКТОРЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РЕГИОНА ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ СВЕТСКОЙ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА 1920—1930-х гг. В РСФСР

Кирилл Латышев

Выделение факторов, на основании которых осуществляется определение региона исследования при изучении истории старообрядчества, — актуальная задача современной историографии. Этноконфессиональная сущность старообрядческих сообществ сказывается на подходах к определению региона. В статье выделяются и характеризуются три фактора, влияющие на определение региона исследования в российской постсоветской историографии истории старообрядчества 1920—1930-х гг., предусматривающие использование: светской административно-территориальной единицы, церковной административно-территориальной единицы, локального старообрядческого центра. Третий фактор является дискуссионным в российской постсоветской историографии, может использоваться в качестве самостоятельного фактора или рассматриваться как разновидность церковной административно-территориальной единицы. В большинстве постсоветских исследований регион определяется как сочетание выделенных факторов, вместо выявления по одному, наиболее важному фактору. Принцип выделения региона, используемый авторами исторических исследований, может использоваться в качестве механизма классификации в рамках историографических исследований.

Ключевые слова: история старообрядчества; региональная история; российская историография.

«Factors of Defining the Region of Research in the Russian Secular Post-Soviet Historiography of the History of Old Believers in the 1920s—1930s in the RSFSR» (Kiryl Latyshau)

The identification of factors, on the basis of which the definition of the region of study is carried out in the study of the history of Old Believers, is an urgent task of modern historiography. The ethno-confessional nature of the Old Believers' communities makes an impact on the approaches to the definition of the region. The article identifies and classifies three factors influencing the definition of the region of study in the Russian post-Soviet historiography of the history of Old Believers in the 1920s—1930s, providing for the use of: a secular administrative-territorial unit to define the region of study; a church administrative-territorial unit; a local Old Believer centre. The third factor is debatable in the Russian post-Soviet historiography; it can be used as an independent factor, and can be considered as a type of church administrative-territorial unit. In most post-Soviet studies, the region is defined as a combination of the highlighted factors, instead of being identified by one, the most important factor. The principle of region identification used by the authors of historical studies can be used as a mechanism for classification within historiographical studies.

Keywords: history of Old Believers; regional history; Russian historiography.

Единое понятие «регион» в рамках исторических исследований сформулировать невозможно. Наиболее общим мы считаем подход к региону как к отдельной территориальной единице, определяемой через комплекс факторов (географические, экономические, политические, религиозные, фактор исторического времени и др.). При изучении истории старообрядчества вне территории России опре-

деление региона исследования осуществляют с существенным обобщением преимущественно по территориальному признаку. Например, российский исследователь Ю. В. Аргудяева систематически изучает российское старообрядчество за рубежом России: в Маньчжурии [2], Северной [3] и Южной Америке [5], США [4] и т. д. Староверов в Бразилии и сохранение их языковой идентичности изучала Г. В. Петрова

Автор:

Латышев Кирилл Алексеевич — научный сотрудник центра всеобщей истории, международных отношений и геополитики Института истории Национальной академии наук Беларуси, e-mail: vesselness@gmail.com
Институт истории Национальной академии наук Беларуси. Адрес: 1, ул. Академическая, Минск, 220072, БЕЛАРУСЬ

Author:

Latyshau Kiryl — researcher at the Centre for General History, International Relations and Geopolitics, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, e-mail: vesselness@gmail.com
Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus. Address: 1, Akademicheskaya str., Minsk, 220072, BELARUS

[13], старообрядческие общины российского зарубежья исследовала И. Ю. Трушкова [19]. Объединяет приведенные в качестве примера работы первоочередное определение региона по административно-территориальному признаку. Распространение старообрядчества вне России таково, что типичная российская ситуация, когда в одном административно-территориальном регионе компактно проживают несколько значительно различающихся групп старообрядцев, практически не встречается, что существенно облегчает определение региона и позволяет сделать ряд обобщений. Дополнительным аспектом, позволяющим осуществить обобщение по территориальному принципу, является минимизация границ между старообрядческими течениями при их существовании за границами России, где они заметно консолидировались. Это дает возможность говорить об условно-едином старообрядчестве большого региона, которое сохраняет традиционные национальные черты. Отдельным аспектом рассмотрения зарубежного старообрядчества является изучение языка общения, который также позволяет выявлять регион исследования и становится существенной отличительной чертой анализа положения старообрядчества за границами современной России.

Данная исследовательская ситуация не может быть прямо экстраполирована на изучение российского старообрядчества на территории России ввиду того, что структура старообрядчества на данной территории существенно сложнее, а отличий старообрядческого сообщества от иного (в том числе и не православного) населения региона гораздо меньше. При изучении истории российского старообрядчества на территории России выделение факторов, влияющих на определение региона, особенно важно. Причина в том, что детерминация понятия «регион», по нашему мнению, осуществляется через предмет авторского исследования историка. С учетом этого целью данной статьи является характеристика факторов определения региона исследования в российской постсоветской историографии истории старообрядчества 1920—1930-х гг. в РСФСР. В российской исторической науке условно устоявшимися можно считать подходы для обозначения зарубежных старообрядческих центров [19, с. 55].

При выявлении факторов, повлиявших на выделение региона в авторском исследовании, мы приблизимся к его видению фактической ситуации в границах исследовательского поля, что, по нашему мнению, позитивно скажется на формировании представления читателей в рамках поднятой исторической проблемы. Наибольшую научную ценность данного подхода мы видим для осуществления историографических исследований, посвященных постсоветскому периоду изучения истории

старообрядчества. Недостаточный учет факторов выявления региона лишает историографов дополнительного механизма классификации исторических исследований истории старообрядчества ввиду специфики территориального распространения старообрядчества, а также внутреннего разделения старообрядческого этноконфессионального сообщества.

Этноконфессиональная специфика старообрядческого сообщества подразумевает два ключевых фактора регулирования жизни общины: религиозное оформление жизненного уклада и взаимозаменяемость этнического и религиозного самосознания. При изучении истории конкретного сообщества (и отдельных его субъектов) в рамках многоэтнического общества необходимо учитывать тот факт, что самоопределение этноконфессиональной общности (к которой относят старообрядцев) может осуществляться посредством религиозной самоидентификации. В российской историографии данная проблема обстоятельно изучается в контексте соотношения национального самосознания и этнической культуры, выявления этноконфессиональных аспектов национального самосознания. Ю. В. Семёнов лаконично выразил тезис о том, что «воздействие религиозного фактора на фактор этнический своеобразно усиливает действие последнего, и наоборот» [17, с. 77]. При изучении истории старообрядчества необходимо учитывать специфику его внутреннего разделения на крупные течения (согласия), которые, в свою очередь, разделяются на более мелкие (толки). Важность учета фактора внутриконфессионального разделения в старообрядческой среде возрастает при изучении истории старообрядчества в СССР, особенно в период 1920—1930-х гг. Причина в том, что совокупность старообрядческих течений, приемлющих священство, и аналогичная общность течений, священства не приемлющих (поповцы и беспоповцы, соответственно), по-разному переживали советскую политику в области религии, особенно в период ее становления (с 1922 по 1941 г.).

С учетом представленной этноконфессиональной специфики старообрядчества считаем возможным выделить три наиболее важных фактора, на основании которых определяется регион исследования: светская административно-территориальная единица, церковная административно-территориальная единица и локальный старообрядческий центр. Каждый фактор имеет внутреннее деление, необходимое для его уточнения и правильного применения.

Светская административно-территориальная единица. Данный фактор подразумевает учет административного деления в настоящее время, а также все изменения в исследуемый период. Несмотря на то, что выделение региона на основании данного фактора представлено в подавляющем большинстве

исследований, считаем возможным определять его в качестве основополагающего при условии, что предметом исследования выступает история старообрядчества в контексте изучения истории административно-территориальной единицы. Представим несколько примеров исследований, в которых, по нашему мнению, доминирует данный фактор. Так, по мнению Е. И. Титовой: «...в первые годы советской власти старообрядцы Вятского региона отличались активностью в сфере образования и науки...» [18, с. 33], т. е. четко указано, что изучается старообрядчество конкретной административно-территориальной единицы. Я. С. Гринченко, подчеркивая «полиэтничность и поликонфессиональность... культурной среды» [9, с. 98] Волгоградского региона, выделяет старообрядческую культуру в динамике ее развития в качестве наглядного примера сочетания различных культур на территории Волгоградской области. В исследовании Я. С. Гринченко также отчетливо выделено, что старообрядчество изучается в контексте истории конкретной единицы, что соответствует определению региона по административно-территориальному фактору. Аналогичен акцент изучения старообрядчества на Саратовской земле в работе И. В. Полозовой [14], в которой выделены 17 старообрядческих течений (среди них 12 радикальны и малоизучены), проживающих на территории данного региона.

Данный фактор имеет особое значение при изучении государственной политики в отношении последователей старообрядчества, особенно в период 1920—1930-х гг. В условиях становления и развития советской государственной политики в отношении религии ее реализация могла различаться в регионах из-за влияния ряда факторов, одним из которых является удаленность конкретного региона от административно-политического центра. С учетом систематического старообрядческого бегства из центральных в окраинные регионы с условно слабой государственной властью выделение по административно-территориальному принципу рационально. Ключевыми его недостатками являются сложность выявления границ исследования ввиду значительных изменений советского периода, а также вероятность излишнего обобщения в ситуации проживания на данной территории представителей различных старообрядческих течений, изучение которых требует индивидуального подхода.

Церковная административно-территориальная единица. В основе старообрядчества лежат факторы конфессионального единства и культурного традиционализма (старообрядчество относят к традиционным конфессиям в российских регионах [20, с. 68]), а этнический аспект второстепенен. Следовательно, для старообрядчества церковное разделение обладает не меньшим значением, не-

жели государственное. Важно отметить, что церковное разделение редко соответствует государственному административно-территориальному делению, что особенно характерно для советского периода. Кроме того, специфика сущности внутреннего разделения старообрядчества требует особого подхода и учета данных неявных разделений. С нашей точки зрения, данный подход качественно иллюстрирует один из выводов исследования С. В. Васильевой, посвященного старообрядчеству Байкальского региона: «В рамках реализации внутрирегиональной коммуникации общины староверов изучаемого региона уделяли большое внимание организации епархиальных съездов» [8, с. 78]. В этом случае, по нашему мнению, четко обозначена возможность выделения региона через область влияния епархиальных съездов. Представляется логичной трансляция данного подхода с изменением сути используемой церковной единицы. Более четким примером данного подхода является исследование А. Н. Рухлина, анализирующего историю старообрядчества конкретного региона на основании изучения епархиальных ведомостей [15]. Автор приводит ценные сведения об опубликованных в Симбирских епархиальных ведомостях статистических данных и динамике прогрессирования старообрядцев (с учетом беспоповских толков и поповских течений [15, с. 28—29]). При этом основу составляет церковный регион, который в конкретной ситуации условно соответствует некоторым государственным административно-территориальным единицам.

Наиболее распространенным примером выделения указанного фактора в качестве основного при выявлении региона является изучение статистических данных о старообрядчестве в рамках церковных административно-территориальных единиц, например в исследовании В. А. Савинцева [16], или при деятельности, четко связанной с епархиальными территориями, как в статьях А. Д. Камзиной [11], М. В. Кочергиной [12] и др.

Данный фактор имеет определяющее значение при изучении старообрядчества в досоветский период, так как церковь являлась одной из ключевых действующих сил и важным элементом треугольника «старообрядчество — Русская православная церковь — государство». Ввиду отделения церкви от государства в советский период и общего нивелирования ее полномочий постсоветские российские историки реже используют церковно-административное деление Русской православной церкви для определения региона исследования, особенно при изучении истории старообрядчества в советский период.

Локальный старообрядческий центр. Данный фактор наиболее сложен для определения региона, но обладает существенным значением для постсоветской историографии

истории старообрядчества в регионах и микро-регионах. Одна из ключевых проблем при выявлении локальных старообрядческих центров заключается в сложности установления границ их существования, особенно в ситуации, когда в рамках одной административно-территориальной единицы отмечается сразу несколько локальных старообрядческих центров. Старообрядчество никогда не было едино и с момента зарождения разделялось на множество разных согласий (течений), существенно различающихся в первую очередь религиозно-обрядовой составляющей. С учетом этого, даже проживая в одном административном центре, старообрядческие сообщества могли придерживаться различных убеждений, что принципиально важно при изучении локального старообрядчества. Однако в рамках обобщений по региону в зависимости от цели исследования данные разногласия могут не учитываться ввиду изучаемой проблематики.

Сложность, связанная с различиями между старообрядческими течениями и наличием локальных вариантов старообрядческих сообществ, отмечается в актуальных исследованиях. К примеру, в совместной монографии С. А. Белобородов и Ю. В. Боровик весьма точно обозначили суть описываемой проблемы: «...Недостаток конкретной информации, касающейся региональных особенностей старообрядческого движения, позволяет некоторым исследователям говорить о старообрядцах... При этом само староверие рассматривают как некое единое целое, не учитывая такие “детали”, как контекст конкретных исторических эпох, социальную и конфессиональную неоднородность старообрядчества, неравномерность влияния на разные старообрядческие общества социально-политических и экономических факторов общественного развития» [6, с. 6]. Ю. В. Боровик в монографии 2019 г. конкретизировала данный посыл: «Учитывая социокультурную неоднородность старообрядчества и наличие его региональных вариаций, необходимо изучение релевантности отдельных характеристик свойствам, взглядам, действиям определенных страт, чтобы минимизировать экстраполяцию свойств относительно небольших групп на весь социум» [7, с. 5]. Представленные выводы исследователей не уникальны, однако важны для историографического обобщения ввиду того, что при выделении региона в рамках изучения истории локального старообрядческого центра представленные авторами факты должны выступать непосредственно в качестве ключевых элементов, позволяющих четко обозначить регион.

В данной ситуации, с учетом понимания традиционной замкнутости и этноконфессиональной сущности старообрядческой общины, корректно говорить о специфической форме выделения церковной административно-тер-

риториальной единицы. В качестве примера обратимся к статье А. В. Демидова и А. В. Соколова, которые подчеркивали: «Село Бунырево Алексинского уезда нам интересно как региональный центр одного из направлений староверия — федосеевцев» [10, с. 20]. Локальный центр, изучаемый в данной статье, не имел четкой и выявленной связи с крупными старообрядческими течениями. Несмотря на выделение в названии четкой государственной административной единицы, авторами изучалась непосредственно старообрядческая община, т. е. конкретная внутриконфессиональная независимая единица в старообрядчестве. Н. А. Антипин и А. М. Шестаков, анализируя «бессвященную власть» в поморской общине Челябинска [1], четко выделяют территориальные рамки города. Вместе с тем предметом исследования является эволюция власти внутри общины: на первый план выходит фактор общинной (церковной) территории, т. е. наложение выделенного региона на границу административной единицы является ситуативным совпадением, а не основой для выделения данного региона.

При выявлении факторов, определяющих выбор региона в рамках исследований локальных старообрядческих центров, необходимо опираться, в первую очередь, на предмет авторского исследования. Формально выделяемая территория скорее отражает географическое распространение конкретной группы старообрядцев, в то время как фактором, определяющим выделение региона, может стать зона этнокультурного или этнорелигиозного влияния последователей старой веры. Как отмечалось ранее, ввиду специфики замкнутости традиционной старообрядческой общины (с учетом специфики толков и течений) рационально подходить к локальной общине как к церковной административно-территориальной единице в ситуации, когда автором исследования данная община не выделяется в системе более крупной церковной (старообрядческой) единицы, например епархии. Вместе с тем подобный подход требует самостоятельного и углубленного изучения, так как его подробное обоснование невозможно осуществить в рамках данной статьи.

Таким образом, нами были выделены три фактора, которые могут являться основанием для определения региона изучения истории старообрядчества, предусматривающие использование: 1) светской административно-территориальной единицы, 2) церковной административно-территориальной единицы и 3) локального старообрядческого центра. Сформулирована ценность выделения факторов для тематического историографического анализа, которая заключается в более точной классификации исторических исследований при помощи дополнительного механизма — принципа выделения региона. Обозначены

проблемные аспекты при определении двух факторов, более распространенных в историографии, — светской и церковной административно-территориальной единицы как основы для выделения региона исследования. Отмечена дискуссионность как выделения старообрядческих локальных центров в качестве третьего фактора для определения региона, так и отношения локального старообрядческого центра к церковной административно-территориальной единице. В современной исследовательской ситуации корректно говорить о

равнозначности изучения истории старообрядчества в макро- и микрорегионе (который представлен через локальные старообрядческие центры), поэтому выделение региона через один, явно обозначенный, фактор является скорее исключением, нежели правилом. В значительной части исследований регион определяется по сумме факторов, однако выделение наиболее важных из них, связанных с предметом исследования, может оказать существенное влияние на качество историографических обобщений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Антипин, Н. А. Бессвященная власть в старообрядческой поморской общине Челябинска / Н. А. Антипин, А. М. Шестаков // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Сер.: Социально-гуманитарные науки. — 2023. — Т. 23, № 1. — С. 6–13.
2. Аргудяева, Ю. В. Русские старообрядцы в Маньчжурии / Ю. В. Аргудяева. — Владивосток: ДВО РАН, 2008. — 400 с.
3. Аргудяева, Ю. В. Русские старообрядцы в Северной Америке / Ю. В. Аргудяева // Вестн. Дальневосточ. отделения Рос. акад. наук. — 2011. — № 1 (155). — С. 64–74.
4. Аргудяева, Ю. В. Русские старообрядцы в США / Ю. В. Аргудяева // Ойкумена. Регионоведческие исследования. — 2010. — № 4 (15). — С. 16–23.
5. Аргудяева, Ю. В. Русские старообрядцы в Южной Америке / Ю. В. Аргудяева // Религиоведение. — 2014. — № 1. — С. 76–93.
6. Белобородов, С. А. Староверы горнозаводского Урала: страницы истории согласия беглопоповцев/часовенных XVIII — начала XX в. / С. А. Белобородов, Ю. В. Боровик. — Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2017. — 382 с.
7. Боровик, Ю. В. Старообрядцы уральского города во второй половине XIX — начале XX в.: конфессиональное общество и семья Екатеринбурга: монография / Ю. В. Боровик. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. — 448 с.
8. Васильева, С. В. Конфессиональный корпоративизм и соборность старообрядцев в Байкальском регионе / С. В. Васильева // Гуманитар. вектор. — 2011. — № 3 (27). — С. 76–78.
9. Гринченко, Я. С. Старообрядческая культура в Волгоградском регионе: традиции и современность / Я. С. Гринченко // Вопросы культурологии. — 2010. — № 12. — С. 97–102.
10. Демидов, А. В. К вопросу о локальных центрах старообрядчества: на примере села Бунырево Алексинского уезда Тульской губернии в XIX — начале XX века / А. В. Демидов, А. В. Соколов // Гуманитар. науч. вестн. — 2021. — № 8. — С. 19–27. (<https://doi.org/10.5281/zenodo.5503671>)
11. Камзина, А. Д. Скиты как культовые сооружения старообрядчества в Оренбургской епархии в XIX — начале XX в. / А. Д. Камзина // Уральские Бирюковские чтения: сб. науч. ст. — Челябинск: Челябинск. гос. пед. ун-т, 2004. — С. 380–384.
12. Кочергина, М. В. Старообрядчество советской эпохи: возрождение старообрядческих общин Стародубья и Ветки в послевоенный период и восстановление Клиновско-Новозыбковской епархии Древлеправославной церкви / М. В. Кочергина // Studia internationalia: материалы VIII междунар. науч. конф., Брянск, 2–3 июля 2020 г. — Брянск: Брянск. гос. ун-т им. акад. И. Г. Петровского, 2020. — С. 159–166.
13. Петрова, Г. В. Староверы в Бразилии: сохранение языковой идентичности / Г. В. Петрова // Филол. науки в МГИМО. — 2022. — Т. 8, № 3. — С. 109–121. (<https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-3-32-109-121>)
14. Полозова, И. В. Старообрядческая региональная традиция: общее и специфическое (на примере истории старообрядческих общин Саратовского края) / И. В. Полозова // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер.: История. Междунар. отношения. — 2018. — Т. 18, № 2. — С. 264–269. (<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-2-264-269>)
15. Рухлин, А. Н. Старообрядцы Симбирска и Самары во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам Самарских и Симбирских епархиальных ведомостей) / А. Н. Рухлин // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. — 2023. — Т. 23, № 1 (61). — С. 20–32. (<https://doi.org/10.15507/2078-9823.061.023.202301.020-032>)
16. Савинцев, В. А. Статистический учет старообрядцев в Рязанской епархии в синодальный период / В. А. Савинцев // Христиан. чтение. — 2023. — № 2. — С. 215–223.
17. Семёнов, Ю. В. Самосознание народов и его этноконфессиональные аспекты / Ю. В. Семёнов // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. Философия. Психология. Педагогика. — 2007. — № 3. — С. 75–86.
18. Титова, Е. И. Общественная и культурная жизнь старообрядческих общин Южной Вятки в 1920-е гг. / Е. И. Титова // Вестн. Вятск. гос. ун-та. — 2016. — № 11. — С. 30–33.
19. Трушкова, И. Ю. Старообрядческие общины в российском зарубежье: штрихи этнокультурной повседневности в конце XX — начале XXI в. / И. Ю. Трушкова // Вестн. гуманитар. образования. — 2018. — № 3 (11). — С. 54–60. (<https://doi.org/10.25730/VSU.2070.18.038>)
20. Эрдынеева, Б.-Х. В. Политические репрессии в отношении священнослужителей Чесанского дацана Хоринского аймака (1920–1930-е гг.) / Б.-Х. В. Эрдынеева, С. В. Васильева // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Гуманитар. исследования Внутренней Азии. — 2017. — № 3. — С. 68–71.

Статья поступила в редакцию 10 сентября 2023 г.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И ESG-ПОВЕСТКА В МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА И ГОСТЕПРИИМСТВА: СТАНОВЛЕНИЕ И СУЩНОСТЬ

Виктория Дедок

В статье описывается рост научного интереса к проблеме устойчивого развития на фоне экологических вызовов XXI в. и приводится ретроспективный анализ устойчивого развития в международной индустрии туризма и гостеприимства. Исследуется сущность ESG-повестки в деятельности субъектов хозяйствования в международной индустрии туризма и гостеприимства. Отмечается, что в настоящее время ESG-повестка представлена преимущественно в деятельности крупных международных гостиничных компаний; разработка и утверждение обязательных требований по раскрытию нефинансовой информации на национальном и наднациональном уровне могут повысить вовлеченность в данный процесс независимых гостиничных объектов или небольших гостиничных сетей. Подчеркивается значение наличия квалифицированных специалистов в этой области.

Ключевые слова: индустрия гостеприимства; международный гостиничный сектор; международный туризм; принципы ответственного инвестирования; устойчивое развитие; ESG-повестка.

«Sustainable Development and the ESG Agenda in the International Tourism and Hospitality Industry: Formation and Essence» (Victoria Dedok)

The article describes the growing scientific interest in the problem of sustainable development against the background of environmental challenges of the XXI century and presents a retrospective analysis of sustainable development in the international tourism and hospitality industry. The essence of the ESG agenda in the activities of business entities in the international tourism and hospitality industry is investigated. It is noted that currently the ESG agenda is mainly represented in the activities of large international hotel companies; the development and approval of mandatory requirements for disclosure of non-financial information at the national and supranational levels can increase the involvement of independent hotel facilities or small hotel chains in this process. The importance of having qualified specialists in this field is emphasised.

Keywords: ESG agenda; hospitality industry; international hotel sector; international tourism; principles of responsible investment; sustainable development.

Рост научного интереса к проблеме устойчивого развития на фоне экологических проблем второй половины XX — начала XXI в. сопровождался расширением спектра направлений научных исследований в разных областях, в том числе и в туризме — одной из ведущих отраслей мировой экономики.

Согласно результатам исследования компании *Booking.com* (2023 г.), 74 % респондентов полагают, что требуется незамедлительная реализация перехода к осознанному планированию путешествий, и подчеркивают значение наличия возможности выбора более экологических вариантов путешествий [30, р. 8]; для 65 % респондентов наличие в отеле свидетельства или сертификата устойчивого развития является дополнительным фактором привле-

кательности объекта размещения [30, р. 13]; для 76 % потребителей ключевым фактором в принятии решения о совершении покупки является наличие факта соблюдения компанией ESG-повестки [22] (от англ. *Environment* — окружающая среда, *Social* — социальная сфера, *Corporate Governance* — корпоративное управление).

Согласно результатам исследования компании *EY* (2020 г.), 98 % инвесторов отметили более внимательный подход к оценке нефинансовых показателей компаний, для 91 % респондентов нефинансовые показатели играют ключевую роль при принятии инвестиционных решений [27, р. 4—5].

Исследование перечисленных фактов формирует актуальность выбранной темы.

Автор:

Дедок Виктория Михайловна — кандидат экономических наук, доцент, докторант кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: viktoria_dedok@yahoo.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Dedok Victoria — Candidate of Economy, Associate Professor, Doctorant of the Department of International Economic Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: viktoria_dedok@yahoo.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

Цель статьи — сформировать системное и комплексное видение исследуемых понятий на международном и национальном уровне.

Исследование темы устойчивого развития отмечается на протяжении уже многих лет, о чем свидетельствуют многочисленные публикации. В то же время вопросы ESG-повестки наиболее активно стали изучаться отечественными и зарубежными авторами в последние несколько лет: ESG-трансформация финансового сектора (И. А. Коростелкина, А. Е. Зубанова [13]), управление ESG-рисками в деятельности коммерческих банков (Е. Г. Дедкова, М. М. Коростелкин, Ю. С. Сороквашина [6]), вопросы бизнес-стратегии ESG и ее отражение в маркетинговых коммуникациях брендов (Л. А. Арутюнян, Г. М. Захарова [2]), ESG-повестка в корпоративном секторе (И. И. Горбачева [5], М. С. Ханина [19]), ESG-финансирование и зеленое финансирование, эффективность ESG-инвестирования (А. С. Жилич [8]), значения соблюдения ESG-принципов для финансовых результатов компаний (Н. Н. Шаш, Н. Д. Досаева [21], Й. Чохан, С. Б. Кумар [23] и др.).

Научные исследования, посвященные устойчивому развитию и реализации ESG-повестки в международной индустрии туризма и гостеприимства, представлены в отечественной и зарубежной научной литературе и рассматриваются отдельно друг от друга: ESG-трансформация предприятий туристской и гостиничной индустрии (М. А. Морозов, Н. С. Морозова [14]), маркетинговая концепция ответственного потребления на предприятиях индустрии питания (В. Н. Наумов, А. А. Иванова [15]), ответственное ведение бизнеса в сфере экотуризма (А. И. Тарасёнок [18]). Для комплексного понимания исследуемых понятий на международном и национальном уровне требуется дополнительное исследование вопросов, посвященных становлению и сущности устойчивого развития и ESG-повестки в международной индустрии туризма и гостеприимства.

Ретроспективный анализ развития устойчивого туризма показывает, что в целом концепция устойчивого развития приобрела актуальность на глобальном уровне во второй половине XX в. Вплоть до 1960-х гг. экономическое развитие сопровождалось огромными объемами добычи полезных ископаемых. В 1972 г. в Стокгольме (Швеция) состоялась I конференция по проблемам окружающей среды. В 1987 г. была представлена Концепция устойчивого развития в рамках конференции «Наше общее будущее» Всемирной комиссии ООН по окружающей среде и развитию, а также определено значение термина «устойчивое развитие», под которым следует понимать «совокупность действий, направленных на удовлетворение потребностей нынешнего поколения при сохранении окружающей среды и ресурсов, т. е. без ущерба для воз-

можности будущих поколений удовлетворять свои потребности» [17, с. 59]. В июне 1992 г. в Рио-де-Жанейро (Бразилия) состоялась Конференция ООН по окружающей среде и развитию, также известная как «Саммит Земли», в рамках которой были приняты Декларация по окружающей среде и развитию, Повестка дня на XXI век, утверждено Заявление о принципах глобального консенсуса по управлению, сохранению и устойчивому развитию всех видов лесов, открыты для подписания два важнейших глобальных соглашения: Рамочная конвенция об изменении климата и Конвенция о биологическом разнообразии [11]. Спустя два десятилетия, в июне 2012 г., в Рио-де-Жанейро состоялась Конференция ООН по устойчивому развитию, на которой государства-члены приняли решение начать процесс разработки комплекса Целей устойчивого развития (ЦУР) на основе Целей развития тысячелетия и в соответствии с Повесткой дня в области развития на период после 2015 г. [12]. В Итоговом документе конференции «Будущее, которого мы хотим» устойчивый туризм неразрывно связывался с новой экономической моделью, в основе которой лежит концепция зеленого роста, не наносящего ущерб окружающей среде и поддерживающего бесперебойное использование природных активов и предоставление экосистемных услуг, от которых зависит благополучие планеты [3, с. 32].

Несколько десятилетий потребовалось международным организациям, прежде всего Всемирной туристской организации (ЮНВТО), чтобы разработать согласованную концепцию устойчивого туризма и конкретный план действий по ее практическому воплощению:

— *Седьмая сессия Комиссии ООН по устойчивому развитию*. Итоговый документ 1999 г. свидетельствует о необходимости разработки политики, стратегий и мастер-планов устойчивого развития туризма на национальном уровне в соответствии с Повесткой дня на XXI век, в плотном взаимодействии со всеми заинтересованными сторонами; подчеркивается целесообразность использования комплекса инструментов, в том числе волонтерских инициатив и соглашений; одобряются положения о поддержке малых и средних предприятий и предоставлении необходимой информации туристам в контексте устойчивого развития [7];

— *Глобальный этический кодекс туризма* (1999 г.). Статья 3 документа включает описание ряда принципов устойчивого развития туризма, которые рекомендуется использовать на национальном уровне в нормативных правовых документах, правилах туристической деятельности и профессиональной практике [4, с. 4–5];

— *Квебекская декларация по экотуризму* (2002 г.). В Декларации Всемирной встречи на высшем уровне по экотуризму излагаются рекомендации, адресованные правительствам

стран, частному сектору, учебным и научно-исследовательским учреждениям и другим заинтересованным сторонам, по содействию развитию экотуризма, в том числе конкретных инструментов; признается актуальность этих подходов для решения более широкой задачи — сделать туризм устойчивее [29, р. 6—9];

— *Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию, План выполнения решений Всемирного саммита ООН по устойчивому развитию* (2002 г.). Продвижение устойчивого туризма — одна из важных стратегий охраны и регулирования природных систем жизнеобеспечения. План выполнения решений (ст. 43), хотя и несколько расплывчато, сфокусирован на международном сотрудничестве в области устойчивого развития, технической помощи местным сообществам, улучшении доступа к рынкам. Туризм на малых островных государствах и в Африке рассматривается как важная мера устойчивого развития в контексте более эффективного использования энергоресурсов и сохранения биоразнообразия [9];

— *Конвенция о биологическом разнообразии, Руководящие принципы сохранения биоразнообразия и развития туризма* (2003 г.). В Руководящих принципах представлена пошаговая инструкция по выработке политики, планированию развития и текущему регулированию туризма при сохранении биоразнообразия в дестинациях [10];

— *Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года* (2015 г.). Туризм вписан в новую амбициозную повестку дня в области устойчивого развития, общего процветания и благополучия всех жителей планеты на период до 2030 г. [16, с. 11].

Повестка дня в области устойчивого туризма, разработанная ЮНВТО совместно с Программой ООН по окружающей среде, включает 12 задач, направленных на решение экономических (повышение конкурентоспособности), социальных (создание новых рабочих мест) и экологических проблем (сокращение до минимума негативного воздействия на окружающую среду) [28, р. 18—19].

Одна из особенностей туризма состоит в его способности увязывать экономические, социальные, культурные и экологические аспекты устойчивого развития, приводя к их взаимному усилению. Это происходит благодаря тому, что развитие самого туризма как экономической деятельности в значительной степени зависит от наличия ненарушенной природной среды, богатства культурного наследия и гостеприимства местных сообществ. В свою очередь это налагает серьезную ответственность на туристический сектор за социальные, культурные и экологические последствия туристической деятельности [1, с. 140].

ЮНВТО рассматривает устойчивое развитие туризма в контексте ЦУР (17 целей и

169 задач), которые являются глобальными по масштабу и приняты для всех стран мира на 2016—2030 гг.

Непосредственное отношение к туризму имеют цель 8 «Достойная работа и экономический рост», цель 12 «Ответственное потребление и производство» и цель 14 «Сохранение морских экосистем», которые включают следующие задачи:

— «8.9. К 2030 году обеспечить разработку и осуществление стратегий поощрения устойчивого туризма, который способствует созданию рабочих мест, развитию местной культуры и производству местной продукции»;

— «12.b. Разрабатывать и внедрять инструменты мониторинга влияния, оказываемого на устойчивое развитие устойчивым туризмом, который способствует созданию рабочих мест, развитию местной культуры и производству местной продукции»;

— «14.7. К 2030 году повысить экономические выгоды, получаемые малыми островными развивающимися государствами и наименее развитыми странами от экологически рационального использования морских ресурсов, в том числе благодаря экологически рациональной организации рыбного хозяйства, аквакультуры и туризма» [20].

Документ ЮНВТО «Туризм и цели устойчивого развития» раскрывает многогранность туризма как катализатора экономического роста и развития, источника повышения уровня и качества жизни населения, средства укрепления взаимопонимания между народами и предотвращения разного рода катаклизмов. В данном документе ЮНВТО освещает вклад туризма в достижение каждой из 17 целей устойчивого развития и реализацию Повестки дня до 2030 г. [33].

Так, в контексте цели 10 «Сокращение неравенства внутри стран и между ними» туризм и гостеприимство могут способствовать сокращению внутреннего и межстранового неравенства, поддержка местных сообществ и малого бизнеса в туристической индустрии может улучшить распределение доходов. В контексте цели 11 «Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов» развитие устойчивого туризма может способствовать охране культурного и природного наследия, улучшению инфраструктуры и увеличению качества жизни местного населения. В контексте цели 17 «Укрепление средств осуществления и активизация работы в рамках Глобального партнерства в интересах устойчивого развития» сотрудничество между государством, частным сектором и местными сообществами в области туризма и гостеприимства может способствовать достижению устойчивого развития.

Синергетическая связь между ЦУР, достигаемая через развитие сферы туризма и гостеприимства, заключается в том, что успехи

в одной области могут положительно влиять на достижения в других. Например, развитие устойчивого туризма может одновременно увеличить экономический рост, снизить неравенство, улучшить управление ресурсами и окружающей средой, а также укрепить международное сотрудничество. Таким образом, туризм может быть действенным катализатором построения целостной модели устойчивого развития.

Лучшие практики и методы достижения устойчивого развития в сфере туризма в соответствии с ЦУР представлены на платформе ЮНВТО *Tourism for SDGs* [32], которая представляет собой глобальную инициативу для сотрудничества заинтересованных сторон в индустрии туризма (правительства, предприятий, неправительственных организаций, представителей академической среды, путешественников), обмена знаниями, ресурсами и передовой практикой в достижении ЦУР посредством туризма.

Ключевые особенности платформы *Tourism4SDGs* включают:

- *обмен знаниями (Learn)*: платформа является центром для обмена информацией, исследованиями, тематическими исследованиями и инструментами, связанными с устойчивым туризмом и ЦУР, способствует обучению и повышению осведомленности заинтересованных сторон;

- *партнерство и коллаборацию (Act)*: платформа поощряет сотрудничество и партнерские отношения между различными субъектами туристического сектора для стимулирования коллективных действий по достижению ЦУР, включая содействие диалогу, возможности создания сетей и совместные инициативы;

- *рекомендации и ресурсы (TIPs Toolkit)*: на платформе представлены рекомендации и ресурсы по внедрению принципов устойчивого развития в деятельность субъектов хозяйствования индустрии туризма и гостеприимства, популяризации опыта ответственных путешествий и оценке уровня воздействия туристической деятельности на достижение ЦУР;

- *продвижение и повышение осведомленности (Share)*: платформа пропагандирует важность устойчивого туризма для содействия достижению ЦУР и повышает осведомленность заинтересованных сторон отрасли, политиков и путешественников о роли туризма в устойчивом развитии;

- *отчетность и мониторинг (SDGs Dashboard)*: платформа позволяет определить уровень достижения ЦУР в секторе туризма, определить и зафиксировать ключевые показатели эффективности процесса и сформировать соответствующую отчетность [32].

Используя платформу *Tourism4SDGs*, организации и частные лица, вовлеченные в индустрию туризма и гостеприимства, могут усилить свою приверженность устойчивому

развитию, оказать положительное социальное, экономическое и экологическое воздействие и внести свой вклад во всеобъемлющую глобальную повестку дня по достижению целей устойчивого развития посредством практики туризма.

Корпоративный сектор индустрии туризма и гостеприимства принимает участие в реализации ЦУР. В последние годы большое внимание уделяется нефинансовым факторам (так называемым *ESG*-факторам), которые связаны с заботой об окружающей среде, социальными вопросами и корпоративным управлением. Они учитываются как в стратегиях риск-менеджмента, так и в долгосрочных стратегиях развития компаний, позволяют более конкретно (в количественных показателях) отражать то, насколько эффективно бизнес движется к достижению ЦУР.

С этой целью представители корпоративного сектора индустрии туризма и гостеприимства формируют *ESG*-повестку, архитектура которой базируется на достижении результатов по трем ключевым направлениям: экологического, социального, управленческого контекста (см. таблицу).

В реальном секторе экономики данные факторы были применены в инвестиционной деятельности в рамках Принципов ответственного инвестирования (*Principles for Responsible Investment*), разработанных при поддержке ООН в 2005 г. с привлечением крупнейших институциональных инвесторов мира и ведущих специалистов межгосударственных организаций, инвестиционных фондов, общественных организаций.

Принятие во внимание инвесторами данных о наличии в компании *ESG*-инициатив обуславливает укрепление и повышение устойчивости инвестиционных рынков, а также вносит вклад в устойчивое развитие общества и заботу о будущих поколениях. Согласно данным *Global Sustainable Investment Alliance*, около 40 трлн дол. США сосредоточено в активах, соответствующих *ESG*-факторам. Согласно прогнозам *Bloomberg Intelligence*, к 2025 г. активы *ESG* составят треть (53 трлн дол. США) от общего объема глобальных инвестиций [26].

Таким образом, внедряя *ESG*-подходы в свою деятельность, представители реального сектора индустрии туризма и гостеприимства могут повысить репутацию своего бренда, привлечь социально сознательных гостей и путешественников, снизить эксплуатационные расходы за счет эффективности использования ресурсов, внести свой вклад в достижение более широких целей устойчивого развития, продемонстрировать свою приверженность устойчивой и ответственной деловой практике.

Направление экологического контекста (*Environmental*) решает в первую очередь задачу снижения воздействия на окружающую среду. Гостиницы и иные средства размещения

**Ключевые направления ESG-повестки
для представителей корпоративного сектора индустрии
туризма и гостеприимства**

Экологический контекст (E)	Социальный контекст (S)	Управленческий контекст (G)
Сокращение выбросов парниковых газов; развитие энергоэффективных технологий (энергоэффективное освещение, системы отопления и др.); внедрение методов энергосбережения; использование возобновляемых источников энергии (энергия ветра, солнечные панели и др.); проектирование зданий с учетом политики устойчивого развития; забота о водных ресурсах; сокращение отходов и переработка мусора; забота об экосистеме в местоположении отеля	Справедливая трудовая политика и создание условий для карьерного роста; обеспечение благополучия сотрудников (обучение, развитие, достойные оплата труда и условия работы); обеспечение благополучия гостей; вопросы гендерного равенства и этнического разнообразия; позитивный вклад в местные сообщества	Поддержка национальных проектов по продвижению ESG-инициатив; меры по борьбе с коррупцией, взяточничеством; политический лоббизм; партнерство и сотрудничество по развитию межотраслевых ESG-инициатив; эффективный контроль управления и рисков

Источники: разработка автора.

могут оказывать существенное воздействие на окружающую среду из-за потребления энергии, использования воды, образования отходов, негативного влияния на экосистему и биоразнообразие. Идеи ESG-инициативы, на наш взгляд, должны побуждать отели:

- развивать энергоэффективные технологии (светодиодное освещение, энергоэффективные системы отопления, вентиляции и кондиционирования воздуха и интеллектуальные термостаты);

- внедрять методы энергосбережения (поощрение гостей выключать свет и приборы, внедрение интеллектуальных технологий для мониторинга и оптимизации использования энергии);

- использовать возобновляемые источники энергии (солнечные панели, энергия ветра);

- устанавливать водосберегающие приспособления и приборы (смесители с низким расходом и др.), внедрять системы повторного использования воды (для орошения) и методы по сохранению воды (поощрение гостей повторно использовать полотенца и постельное белье, что снижает расход воды при стирке и электроэнергии при использовании сушильных машин);

- в целях сокращения выбросов парниковых газов ориентироваться на поставку экологически чистых продуктов, выращенных местным населением, на экологичные материалы для мебели, постельного белья, размещение электростанций для подзарядки электромобилей, программы совместного использования велосипедов, отдельного парка автомобилей с низким уровнем выбросов или электромобилей и др.;

- стремиться к реализации программ сокращения отходов и переработки мусора (создание комплексной программы переработки

отходов по всему отелю, минимальное использование одноразового пластика, использование металлических трубочек для коктейлей, контейнеров для еды на вынос, изготовленных из компостируемых материалов, бумажных салфеток из переработанной неотбеленной бумаги);

- проектировать здания и сооружения с учетом политики устойчивого развития (использование энергоэффективных строительных материалов, забота об экосистеме, строительство в соответствии с сертификатами, подтверждающими приверженность стандартам зеленого строительства);

- понимать и заботиться об экосистеме в местоположении отеля (учет влияния на существующую экосистему, и наоборот, т. е. влияние природной среды и потенциальные риски (повышение уровня моря, извержение вулкана)).

Направление ESG-повестки социального контекста (*Social*) решает задачи поощрения разнообразия, равенства и инклюзивности рабочей силы, поддержки местных сообществ и обеспечения благополучия сотрудников и гостей. Для достижения показателей по данному направлению ESG-повестки отеля должны, по нашему мнению, уделять приоритетное внимание социальной ответственности:

- продвигать справедливую трудовую практику (безопасные условия труда, равенство доходов, недопустимость использования детского труда);

- обеспечивать благополучие сотрудников (понимание важности развития персонала, занятого на низкооплачиваемых и низкоквалифицированных должностях, организация дополнительного обучения персонала в целях создания новых путей карьерного роста, внедрение льгот, например оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком, и др.);

— обеспечивать благополучие гостей (инвестиции в учебные программы, направленные не только на улучшение обслуживания и благополучия гостей, но и на обеспечение безопасности их данных и предотвращение использования гостиничных объектов для организованной преступной деятельности; защита персональных данных критически важна в эпоху цифровых технологий, и отели обязаны обеспечивать максимальную безопасность и конфиденциальность для поддержания доверия к себе);

— способствовать разнообразию и инклюзивности (наличие гендерного и расового/этнического разнообразия на среднем и высшем уровне управления, продвижение женщин на руководящие должности или в состав совета директоров, развитие политики инклюзивности);

— вносить позитивный вклад в местные сообщества (организация учебных программ для оказания помощи молодежи из группы риска путем развития навыков гостеприимства и предоставления возможности карьерного развития в индустрии гостеприимства, участие в благотворительных мероприятиях, волонтерском движении, организации местных праздников, поддержка ремесленников).

Направление *ESG*-повестки управленческого контекста (*Governance*) решает задачу поддержания высоких стандартов этики, прозрачности и подотчетности в корпоративном управлении. Прозрачное и этическое управление играет решающую роль в успехе любого бизнеса, включая отели. *ESG*-подходы побуждают отели создавать сильные структуры управления, внедрять этические методы ведения бизнеса и обеспечивать подотчетность в процессах принятия решений. Для достижения показателей по данному направлению *ESG*-повестки необходимо:

— предпринимать решительные меры по борьбе с коррупцией;

— внедрять этическое управление цепочками поставок;

— вводить эффективный надзор со стороны руководства за рисками и возможностями, связанными с реализацией *ESG*-повестки.

Важно отметить, что до сих пор единая методика для изменения результатов реализации *ESG*-мероприятий не разработана. Для оценки используют рейтинги и нефинансовые отчетности, показывающие умение компании распоряжаться активами, ресурсами и инновациями так, чтобы не вредить окружающей среде, поддерживать социальную справедливость и выстраивать безопасное производство [27].

Устойчивое развитие и *ESG*-трансформация ведут к формированию новых характерных процессов, которые можно наблюдать в практике корпоративного сектора международной индустрии туризма и гостеприимства на глобальном уровне. Так, исследование многочисленных научных, справочных, кор-

поративных источников информации показало, что признание лидерами индустрии туризма и гостеприимства важности политики устойчивого развития и следование *ESG*-принципам проявляются посредством разработки и реализации глобальных корпоративных *ESG*-повесток, включающих в себя различные стратегии, программы, инициативы и проекты. В частности, гостиничная сеть *Hilton* корпоративную *ESG*-повестку определила через реализацию *ESG*-стратегии *Travel With Purpose*, программы *Meet With Purpose*, а также посредством подготовки ежегодных отчетов по достижению ЦУР. У гостиничной сети *Marriott International*, крупнейшей сети отелей в мире, есть свои собственные цели в области устойчивого развития и социального воздействия под названием *Serve360*: все их отели работают над сокращением общего углеродного следа на 50 % к 2025 г. Гостиничная сеть *Hyatt Hotels Corporation* реализует свою *ESG*-стратегию посредством программы *World of Care*. Гостиничная сеть *IHG Hotels & Resorts* в 2021 г. запустила программу *Journey to Tomorrow* — план действий на 10 лет, отражающий потребности сообществ от поддержки социальных изменений до продвижения прав человека, план, который поможет защитить планету сейчас и для будущих поколений.

Более того, компании используют свои собственные системы для реализации и мониторинга *ESG*-инициатив: платформа *EcoTrack* в гостиничной сети *Hyatt Hotels Corporation*, платформа *LightStay* в сети *Hilton*, платформа *Green Toolbox* в сети *Wyndham* и платформа *Green Engage* в сети *IHG Hotels & Resorts*. В крупных гостиничных компаниях имеются комитеты совета директоров, которые контролируют направление и реализацию целей *ESG*.

В международной гостиничной практике компании, реализующие *ESG*-повестку, соблюдают стандарты (*GRI*, *SASB*, *CDP*, *TCFD* и др.), имеют сертификаты (*Earth Check*, *Green Globe*, *Green Key* и др.).

Для оценки *ESG*-профиля компании некоторые инвесторы разрабатывают собственные критерии оценки, некоторые же ориентируются на результаты международных рейтингов. Независимые исследовательские агентства (*MSCI*, *ISS*, *Sustainalytics*, *S&P Global*, *Bloomberg* и др.) формируют *ESG*-рейтинг, оценивая развитие компаний по трем критериям (*E*, *S*, *G*) и присваивают баллы от 0 до 100 по шкале. Например, в соответствии с индексом *MSCI* компании разделяются на три категории: лидеры с рейтингом *AA* и *AAA*, компании со средними показателями — *A*, *BBB*, *BB* и отстающие — *B*, *CCC*. Каждое независимое агентство практикует разные подходы к работе с данными, именно поэтому у *ESG*-оценок могут быть значительные расхождения [25]. В международной практике высокий *ESG*-рейтинг компании повышает вероятность при-

влечения инвестиций и получения банковских кредитов, о чем свидетельствуют результаты исследования компании EY [27, p. 24].

Как было отмечено ранее, значительную роль в развитии инициатив по устойчивому развитию и ESG-принципам в деятельности субъектов хозяйствования индустрии туризма и гостеприимства играют инвесторы, для большинства из которых нефинансовые показатели деятельности предприятий являются приоритетными при принятии решения. Кроме того, по нашему мнению, к числу факторов, содействующих развитию инициатив по устойчивому развитию и ESG-принципам в деятельности субъектов хозяйствования индустрии туризма и гостеприимства, следует отнести поведение потребителей и отношение персонала, о чем свидетельствуют данные различных исследований.

Согласно данным опроса *Consumer Intelligence Series*, организованного компанией PwC в 2021 г., потребителям и сотрудникам крайне важно, чтобы субъекты хозяйствования инвестировали в заботу об окружающей среде и решение социальных вопросов, и они готовы соответствующим образом вознаграждать или наказывать компании. Подавляющее большинство как потребителей (более 83 %), так и сотрудников (около 80 %) заявили, что они с большей вероятностью будут покупать товар или услугу, а также работать в компании, которая осуществляет свою деятельность в соответствии с ESG-принципами. Согласно результатам опроса, потребители распределили приоритетность значения структурных элементов ESG-стратегии следующим образом: обеспечение безопасности и конфиденциальности персональных данных (43 %), обеспечение безопасности и качества товаров и услуг (43 %), предотвращение изменения климата и сокращение выбросов CO₂ (42 %), гарантия здоровья и безопасных условий труда для сотрудников (41 %), равенство/инклюзия при найме персонала (40 %). Наименьшее значение для потребителей представляют вопросы корпоративного управления: прозрачность бизнес-процессов (30 %) и соответствие нормативным документам (31 %) [22].

Принципы ответственного инвестирования и ведения бизнеса во многих странах становятся частью законодательства. В регионе EMEA (экономический регион, включающий Европу (в том числе Россию), Ближний Восток и Африку) примером может служить разработанная в Европейском союзе директива о корпоративной отчетности в области устойчивого развития (*Corporate Sustainability Reporting Directive*), регламентирующая обязательные для раскрытия нефинансовые факторы, а также критерии отнесения организаций к числу обязанных раскрывать нефинансовую информацию. В Американском макрорегионе таким примером могут служить принятые в

США в июле 2023 г. поправки, направленные на усиление и стандартизацию раскрытия информации, связанной с кибербезопасностью (*Cybersecurity Risk Management, Strategy, Governance, and Incident Disclosure*) [24], которые требуют своевременного раскрытия информации о существенных инцидентах в области кибербезопасности и ежегодного представления информации, связанной с управлением рисками в вопросах кибербезопасности, стратегией и реализацией.

Сбор данных и подготовка отчетности в соответствии с приведенными законодательными актами с большой долей вероятности может повлечь значительные изменения в системах сбора информации, операционных процессах, что, в свою очередь, может отразиться на организационной структуре компаний.

В настоящее время уже имеются примеры изменения организационной структуры компаний в контексте реализации ESG-повестки. Так, в компаниях *Hilton Worldwide* (США), *Accor Group* (Франция) функционируют подотчетные Совету директоров ESG-комитеты, ответственные за решение вопросов по реализации ESG-повестки; в компании *Marriott International* (США) в состав Совета директоров включен Комитет по инклюзивности и социальному воздействию (*Inclusion and Social Impact Committee*), ответственный за решение всех вопросов, связанных с ESG-повесткой компании. Для адаптации принятой на уровне компании ESG-повестки на региональном и локальном уровне функционируют управляющие комитеты и структурные единицы, вовлеченные в реализацию ESG-мероприятий.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

1. Около четырех десятилетий прошло с момента появления термина «устойчивое развитие», который с течением времени приобретает все большее значение во всех сферах деятельности человека на уровне стран, регионов и мира в целом, о чем свидетельствуют Цели устойчивого развития ООН (17 целей и 169 задач), Принципы ответственного инвестирования, многочисленные международные соглашения, конвенции, повестки, декларации и иные документы, регламентирующие деятельность, направленную на удовлетворение потребностей нынешнего поколения без ущерба для возможностей будущих поколений удовлетворять свои потребности.

2. Повестка дня в области устойчивого туризма (12 задач), разработанная ЮНВТО совместно с Программой ООН по окружающей среде, на наш взгляд, может быть использована в качестве основы для разработки политики в области устойчивого туризма и гостеприимства на уровне государства. Многогранность сферы туризма и гостеприимства как катализатора экономического роста и развития, источника повышения уровня и качества жизни

населения, средства укрепления взаимопонимания между народами, предотвращения разного рода катаклизмов свидетельствует о значительном вкладе и участии международной индустрии туризма и гостеприимства в достижение всех ЦУР. Лучшие практики и методы достижения устойчивого развития представлены на платформе ЮНВТО *Tourism for SDGs*.

3. Принципы ответственного инвестирования и, как следствие, ESG-факторы в международной практике субъекты хозяйствования применяют для отражения в количественных показателях эффективности своего движения к достижению показателей устойчивого развития. В международной индустрии гостеприимства важность политики устойчивого развития и следование ESG-принципам проявляется посредством разработки и реализации глобальных корпоративных ESG-повесток, включающих в себя различные стратегии, программы, инициативы и проекты (гостиничная сеть *Hilton: ESG-стратегия Travel With Purpose*, программа *Meet With Purpose*, подготовка ежегодных отчетов по достижению ЦУР; гостиничная сеть *Marriott International: программа Serve360*; гостиничная сеть *IHG Hotels & Resorts: программа Journey to Tomorrow*). В международной гостиничной практике компании, реализующие ESG-повестку, соблюдают стандарты, сертификаты, представлены в международных рейтингах, вносят соответствующие изменения в организационную структуру.

4. Реализация ESG-повестки представлена в большей степени в деятельности крупных гостиничных компаний, что можно объяснить ролью инвесторов, для большинства из которых нефинансовые показатели деятельности предприятий являются приоритетными при принятии решения. Но так как поведение потребителей и отношение персонала также играет важную роль в развитии инициатив по устойчивому развитию и соответствию ESG-факторам в деятельности субъектов хозяйствования индустрии туризма и гостеприимства, можно предположить, что вовлеченность в

данный процесс со стороны сетевых отелей будет повышаться. Независимые гостиничные объекты или небольшие гостиничные сети на локальном уровне, безусловно, стараются реализовывать многочисленные инициативы по устойчивому развитию, тем самым демонстрируя гостям свою заботу об окружающей среде. Однако отсутствие обязательств в данном вопросе, регламентированных на уровне национального или регионального законодательства, оставляет за владельцами бизнеса право выбора. Более того, реализация ESG-повестки требует значительного финансирования, что также не всегда является целесообразным в определенных обстоятельствах. Поэтому разработка и утверждение обязательных требований по раскрытию нефинансовой информации на национальном и наднациональном уровне могут способствовать в будущем большей заинтересованности гостиничных компаний.

5. Ключевую роль в повсеместном применении ESG-принципов в деятельности субъектов хозяйствования индустрии туризма и гостеприимства играет наличие квалифицированных специалистов, способных своевременно, компетентно и максимально эффективно решать возникающие задачи в этом направлении как со стороны государства, так и со стороны бизнеса. Решением данной задачи на национальном уровне следует заниматься уже сегодня (проведение тематических семинаров, тренингов, обучающих курсов или курсов повышения квалификации), так как, несмотря на относительно непродолжительное время активного применения ESG-принципов и реализации ESG-повестки на международном уровне, данный аспект деятельности субъектов хозяйствования развивается быстрыми темпами и формирует довольно емкий международный опыт, исследование которого и изучение возможной адаптации к национальным реалиям может занять время. Вместе с тем аргументированное и взвешенное принятие решений требует предварительного основательного изучения и глубокой проработки вопроса.

Список использованных источников

1. Александрова, А. Ю. Об определении дисциплинарного статуса исследований туризма / А. Ю. Александрова // Географ. вестн. — 2023. — № 1 (64). — С. 139–149. (<https://doi.org/10.17072/2079-7877-2023-1-139-149>)
2. Арутюнян, Л. А. Бизнес-стратегия ESG и ее отражение в маркетинговых коммуникациях брендов (ч. 1) / Л. А. Арутюнян, Г. М. Захарова // Реклама. Теория и практика. — 2022. — № 1. — С. 2–10. (<https://doi.org/10.36627/2410-9622-2022-1-1-2-10>)
3. Будущее, которого мы хотим: док. ООН A/RES/66/288 [Электронный ресурс] // Цифровая библиотека ООН. — Режим доступа: <<https://digitallibrary.un.org/record/734344>>. — Дата доступа: 11.11.2023.
4. Глобальный этический кодекс туризма [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/tourism.pdf>. — Дата доступа: 30.03.2023.
5. Горбачева, И. И. ESG-повестка в российских компаниях: как усложняющийся контекст меняет приоритеты и управленческие подходы / И. И. Горбачева // Менеджмент сегодня. — 2022. — № 4. — С. 268–274. (<https://doi.org/10.36627/2304-6473-2022-4-4-268-274>)
6. Дедкова, Е. Г. Управление ESG-рисками в деятельности коммерческих банков / Е. Г. Дедкова, М. М. Коростелкин, Ю. С. Сороквашина // Управление финансовыми рисками. — 2023. — № 3. — С. 170–179. (<https://doi.org/10.36627/2221-7541-2023-3-3-170-179>)
7. Декларация и ход осуществления Программы действий по обеспечению устойчивого развития малых островных развивающихся государств и инициативы в отношении ее дальнейшего осуществления [Электронный ресурс] //

Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/isldecl.shtml>. — Дата доступа: 11.11.2023.

8. Жилич, А. С. ESG-финансирование и зеленое финансирование / А. С. Жилич // Новая экономика. — 2022. — Спецвып. № 2. — С. 119–124.
9. Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию: [принята на Всемирной встрече на высшем уровне по устойчивому развитию (Йоханнесбург, Южная Африка, 26 августа — 4 сентября 2002 года)] [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_wssd.shtml>. — Дата доступа: 27.03.2023.
10. Конвенция о биологическом разнообразии [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml>. — Дата доступа: 25.03.2023.
11. Конференция ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, Бразилия, 3–14 июня 1992 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <<https://www.un.org/ru/conferences/environment/rio1992>>. — Дата доступа: 30.03.2023.
12. Конференция ООН по устойчивому развитию, Рио-де-Жанейро, 20–22 июня 2012 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <<https://www.un.org/ru/conferences/environment/rio2012>>. — Дата доступа: 30.03.2023.
13. Коростелкина, И. А. Анализ проблем и перспектив ESG-трансформации финансового сектора / И. А. Коростелкина, Е. Г. Дедкова, А. Е. Зубанова // Управление финансовыми рисками. — 2023. — № 4. — С. 292–305.
14. Морозов, М. А. ESG-трансформация предприятий туристской и гостиничной индустрии / М. А. Морозов, Н. С. Морозова // Сервис в России и за рубежом. — 2022. — Т. 16, № 2 (99). — С. 86–93. (<https://doi.org/10.24412/1995-042X-2022-2-86-93>)
15. Наумов, В. Н. Внедрение маркетинговой концепции социально ответственного потребления в индустрии питания / В. Н. Наумов, А. А. Иванова // Маркетинг и маркетинговые исследования. — 2022. — № 1. — С. 26–35.
16. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: док. ООН A/RES/70/1 [Электронный ресурс] // Цифровая библиотека ООН. — Режим доступа: <<https://digitallibrary.un.org/record/3923923>>. — Дата доступа: 29.03.2023.
17. Развитие и международное экономическое сотрудничество: проблемы окружающей среды: докл. Всемир. комиссии по вопросам окружающей среды и развития: док. ООН A/42/427 [Электронный ресурс] // Цифровая библиотека ООН. — Режим доступа: <<https://digitallibrary.un.org/record/139811>>. — Дата доступа: 29.03.2023.
18. Тарасёнок, А. И. Ответственное ведение бизнеса в сфере экотуризма: концептуальная основа, цепочки поставок, региональная формализация / А. И. Тарасёнок // Псков. регионолог. журн. — 2022. — Т. 18, № 1. — С. 89–100. (<https://doi.org/10.37490/S221979310018370-0>)
19. Ханина, М. С. Как поддерживать ESG-инициативы компании с помощью мероприятий и спецпроектов в регионе присутствия бизнеса / М. С. Ханина // Маркетинговые коммуникации. — 2022. — № 4. — С. 266–272. (<https://doi.org/10.36627/2619-1407-2022-4-4-266-272>)
20. Цели устойчивого развития в Беларуси [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <<https://sdgs.by>>. — Дата доступа: 01.12.2023.
21. Шаш, Н. Н. Влияние социально ответственного инвестирования на финансовые показатели и стоимость компании / Н. Н. Шаш, Н. Д. Досаева // Revista științifică progresivă. — 2020. — Vol. 3, N 2 (4). — С. 27–32. (<https://doi.org/10.46591/PSJM.2020.0302.0005>)
22. Beyond compliance: consumers and employees want business to do more on ESG [Electronic resource] // PwC. — Mode of access: <<https://www.pwc.com/us/en/services/consulting/library/consumer-intelligence-series/consumer-and-employee-esg-expectations.html>>. — Date of access: 01.11.2023.
23. Chauhan, Y. Do investors value the nonfinancial disclosure in emerging markets? / Y. Chauhan, S. B. Kumar // Emerging Markets Review. — 2018. — Vol. 37. — P. 32–46. (<https://doi.org/10.1016/j.ememar.2018.05.001>)
24. Cybersecurity Risk Management, Strategy, Governance, and Incident Disclosure [Electronic resource] // U.S. Securities and Exchange Commission. — Mode of access: <<https://www.sec.gov/files/rules/final/2023/33-11216.pdf>>. — Date of access: 30.11.2023.
25. ESG-принципы: что это такое и зачем компаниям их соблюдать [Электронный ресурс] // РБК. — Режим доступа: <<https://trends.rbc.ru/trends/green/614b224f9a7947699655a435?from=soru>>. — Дата доступа: 10.12.2023.
26. ESG-стратегия: модный тренд или работающий инструмент? Мнения экспертов и участников рынка [Электронный ресурс] // EcoStandard.journal. — 16.05.2022. — Режим доступа: <<https://journal.ecostandard.ru/esg/test/esg-strategiya-modnyy-trend-ili-rabotayushchiy-instrument-mneniya-ekspertov-i-uchastnikov-rynka/>>. — Дата доступа: 29.03.2023.
27. How will ESG performance shape your future? July 2020 [Electronic resource] // EY. — Mode of access: <https://assets.ey.com/content/dam/ey-sites/ey-com/en_gl/topics/assurance/assurance-pdfs/ey-global-institutional-investor-survey-2020.pdf>. — Date of access: 30.03.2023.
28. Making Tourism More Sustainable — a Guide for Policy Makers (English version). — WTO, 2005. — 212 p. [Electronic resource] // UNWTO eLibrary. — Mode of access: <<https://www.e-unwto.org/doi/book/10.18111/9789284408214>>. — Date of access: 30.03.2023.
29. Québec Declaration On Ecotourism [Electronic resource] // The Global Development Research Center. — Mode of access: <<https://www.gdrc.org/uem/eco-tour/quebec-declaration.pdf>>. — Date of access: 10.11.2023.
30. Sustainable Travel Report 2023 [Electronic resource] // Booking.com. — Mode of access: <<https://globalnews.booking.com/download/31767dc7-3d6a-4108-9900-ab5d11e0a808/booking.com-sustainable-travel-report2023.pdf>>. — Date of access: 22.12.2023.
31. The Enhancement and Standardization of Climate-Related Disclosures for Investors [Electronic resource] // U.S. Securities and Exchange Commission. — Mode of access: <<https://www.sec.gov/rules/2022/03/enhancement-and-standardization-climate-related-disclosures-investors>>. — Date of access: 30.03.2023.
32. The Tourism for SDGS (T4SDG) Platform [Electronic resource]. — Mode of access: <<https://tourism4sdgs.org>>. — Date of access: 30.03.2023.
33. Tourism and the Sustainable Development Goals — Journey to 2030 (English version). — UNDP, 2018. — 114 p. [Electronic resource] // UNDP Publications. — Mode of access: <<https://www.undp.org/publications/tourism-and-sustainable-development-goals-journey-2030>>. — Date of access: 30.03.2023.

Статья поступила в редакцию 23 декабря 2023 г.

Памятка авторам статей для подачи в редакцию «Журнала международного права и международных отношений»

«Журнал международного права и международных отношений» является научным изданием с периодичностью выпуска 4 раза в год.

Журнал включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим, историческим и экономическим наукам.

Журнал ориентирован на профессорско-преподавательский состав университетов, научных сотрудников, специалистов-практиков, аспирантов, магистрантов и студентов учреждений высшего образования, работающих в области международных отношений и международного права.

Все научные статьи проходят обязательное двойное «слепое» рецензирование. С 2019 г. фамилии рецензентов не публикуются в журнале.

Автор, желающий опубликовать статью в журнале, должен представить в редакцию:

— статью объемом около 10 печатных страниц текста (с учетом списка литературы) (формат страницы — А4, шрифт 12 пт (для компьютера), поля — по 2,5 см с каждой стороны, расстояние между строками — 1,5 интервала). При оформлении статьи автор должен пользоваться **Инструкцией о порядке оформления квалификационной научной работы (диссертации) на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, автореферата и публикаций по теме диссертации;**

— резюме (краткое содержание) статьи на русском/белорусском языке объемом до 0,5 страницы с аналогичными параметрами (резюме статьи будет переводиться на английский язык. Автор может приложить резюме, уже переведенное на английский язык (обязательно с русским/белорусским вариантом));

— выписку из протокола заседания кафедры (научного отдела или другой подобной структуры) о рекомендации статьи к печати;

— заполненную анкету (форма выдается в редакции).

Исключения возможны по решению редакционного совета.

Обращаем внимание авторов, что они несут ответственность за направление в редакцию уже ранее опубликованных статей или статей, принятых к печати другими изданиями.

Кроме того, в журнале предоставляется возможность первоочередного опубликования статей, представленных лицами, осуществляющими послевузовское обучение (аспирантура, докторантура, соискательство) в год завершения обучения.

В журнале не взимается плата за опубликование научных статей.

Научное издание

ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ 2023 № 4 (107) октябрь—декабрь

Подписано в печать 27.02.2024 г. Выход в свет в марте 2024 г.

Формат 60x84¹/₈. Гарнитура Georgia.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 7,91. Тираж 36 экз. Заказ № 386Ц.

Отпечатано с готового оригинала-макета заказчика в ООО «Типография НьюГрафикс».

ЛП № 02330/483 от 19.04.2017 г.

220014, г. Минск, пер. С. Ковалевской, 52а, тел.: +375 29 684 63 33

Распространяется бесплатно